

Илья Гальчинский

ИСТОРИЯ, КОТОРАЯ МЕНЯЕТ

Когда в твоей жизни есть люди,
которыми ты дорожишь, можно
восстать даже против смерти. Но
для этого надо поверить в себя.

This is a work of fiction. Similarities to real people, places, or events are entirely coincidental.

ИСТОРИЯ, КОТОРАЯ МЕНЯЕТ

Copyright © 2018 Illia Galchynskyi.

Written by Illia Galchynskyi.

1

Всматриваясь в причудливую ряску, еще не успевших опериться облаков, я раздумывал над двойственностью восприятия неба, Такого кажущегося безопасным со стороны земли и, в тоже время, вызывающего безотчетное трепетное волнение, когда огромная железная птица, бесстрашно рассекая просторы, несет нас сквозь длинную историю покоренных высот. Гамма цветов, начиная от бирюзы мартовских рассветов, томной синевы жарких июньских дней и заканчивая тяжелым свинцом февральских морозов, словно прелюдия в симфонии времени, щедро приоткрывает завесу тайн скрытых в глубинах, где подгоняемые розой ветров парусники небес, очарованные таинственной увертюрой жизни, преследуют собственные, не отмеченные ни на одной карте, горизонты.

Всякий раз, перед посадкой на самолет меня охватывает необъяснимый, гнетущий, вплетающийся в подсознание страх, а вслед за ним, приходит и шепот сомнений. Вероятнее всего это не более чем проявление той самой аэрофобии, перед которой даже у самых стойких и уверенных в себе храбрецов, закрадываются определенные нотки вполне объяснимого волнения.

Раздавшийся шелест привлек мое внимание. Рядом со мной сидела женщина азиатской внешности. Темные, густые волосы несколькими прядями спадали на хрупкие, маленькие плечи. В руках она держала раскрытый гляцевый журнал. Судя по несколько расслабленному выражению ее лица, она не вчитывалась, а просто просматривала целую серию небольших, но довольно качественных фотографий. Я невольно улыбнулся. Причиной этому был тот факт, что в силу своей профессиональной деятельности мое имя не раз проскальзывало среди всех этих заботливо отредактированных картинок и длинных черных верениц, аккуратно сложенных в определенном порядке, символов.

Над головами у пассажиров загорелся небольшой желтый круг. Это означало, что скоро нас ждет маневр. Я машинально проверил насколько надежно затянут мой ремень безопасности. Огромный, белоснежный авиалайнер начал неспешно ложиться на правое крыло. В самолете любое, даже самое незначительное событие сопровождалось для меня целой чередой неприятных ощущений. В такие моменты я начинал испытывать дискомфорт, от непроизвольного сжатия руками подлокотников и заканчивая легким тремором где-то в области коленных чашечек.

Как-то раз я поделился своими мыслями по поводу тревог перед полетами с одним приятелем, который варился в том же котле, крутился на том же поприще и жарился вместе со всеми нами в масле сплетен, выдумок и жажды хоть какой-нибудь сенсации. Его ответ звучал примерно так: «Стефан, а как много литературных гениев погибло в авиакатастрофах?» И выдержав вопросительно-театральную паузу продолжил: «Если ты собираешься стать первым, то очень прошу известить меня о своих намерениях заранее. Это будет просто сенсация». Успокаивая себя мыслями, что этой самой «сенсацией» я стану еще не скоро и что, по статистике, самолеты продолжают уверенно удерживать свое право называться самым безопасным видом транспорта из всех возможных, я еще раз подергал ремень безопасности и приготовился к посадке.

Тем временем мы начали снижаться, о чем пассажиров монотонным, совершенно лишенным эмоций голосом, известил командир воздушного судна. А за тем стюардессы, милейшие существа, которые словно очаровательные бабочки или сказочные аэро-феи, суетливо начали порхать между рядов, напоминая о скором завершении полета. Вежливо-деликатными прикосновениями они сноровисто проверяли верно ли пристегнуты пассажиры и поднимались в полный рост для того чтобы плотнее прижать и без того закрытые крышки, недостаточно вместительных багажных полок. Мы уже вынырнули из облаков, и я смог оценить все разнообразие открывшихся пейзажей вечнозеленого Рио де Жанейро. Удивительного курортного города, одного из самых живописных стран Южной Америки. Покрытые густой растительностью холмы сменялись ровными, порабощенными индустрией площадями, длинными, как будто небрежно брошенными через заливы мостами и какими-то маленькими, едва различимыми строениями. Наблюдая за раскинувшимся разнообразием, я начал сожалеть о том, что мой фотоаппарат покоился в надежном кейсе, внутри большого черного чемодана в багажном отсеке нашего самолета.

Я вспомнил времена, когда мы целыми группами молодых журналистов, налегке, не задумываясь о комфорте, летали в поисках того, о чем не имели ни малейшего представления, давно прошли. Сейчас я не мог представить ни одного дня без своего любимого набора бритвенных и банных принадлежностей, пары свежих рубашек, нескольких пар удобной обуви, и огромной записной книжки, в которой, вот уже на протяжении нескольких лет, записывались номера, связывающие в единую сеть, не просто города и страны, а нечто большее - целая жизнь на белых, пронумерованных листах. Каждый человек находился в своей графе. Ему предназначалось

определенное сокращение, а иногда просто название того места в котором он жил или работал. Еще там были адреса любимых заведений, разбросанных по всему миру. Бары, в которых можно было получить отличную выпивку и понаблюдать за яркими поклонниками различных видов спорта. Рестораны, наполненные вкусной едой и не менее достойными напитками. В этом блокноте были все места, которыми обзаводится человек, чья жизнь неразрывно связана с командировками. Я любил командировки. Меня никогда не удивлять поражать райские уголки этого, известного нам Мира. То, перед чем любой турист остановится и попросит прохожего сделать пару, по его мнению, замечательных кадров, а бывалый путешественник просто задержит свой понимающий взгляд, я же пройду мимо заметив, но не оглянувшись, оценив, но не предав значения. Я в своем роде был изгоем клуба странников. Я был вечный турист, приезжающий куда-либо лишь за тысячей фотографий, сотней историй и одной сенсацией. Меня никогда не интересовали причины и следствия. Меня с головой захватывал факт. Нет смысла задумываться над тем, что было или будет. В моей работе необходимо концентрировать весь свой фокус только на том, что происходит в данный момент. Суть всего происходящего, возможно, уловить лишь тогда, когда оно происходит и ни секундой раньше или позже. Секрет моего успеха заключен в девизе: «Если ты не здесь и сейчас, то тебе ничего не светит». Но это только часть секрета. Я вовремя понял те неформальные основы на которых строится собственный мир признания. Немыслимое происходит именно в те моменты, когда мы уверены что это попросту невозможно. Если ты думаешь что опоздал - это не значит что все уже произошло. Возможно, оно еще даже не начиналось. Вся суть того, чем я занимаюсь большую часть своей жизни заключается в том, чтобы быть на лезвии любого стоящего того события. Никогда не стоит забывать о том, что залог хорошего репортажа это беспристрастная, чистая как слеза, линза объектива, которая видит эмоции, драмы и трагедии. Оптика беспристрастна и только то, что попадает в ее поле видимости, становится историей. Такие, на первый взгляд, безобидные предметы, как фотоаппарат или камера, могут превратиться в орудие в руках опытного журналиста. Но это не камера управляет нашими руками в те моменты, когда мы направляем ее на тех, кому симпатизируем, или же, испытываем чувства неприязни. Мы сами в погоне за сенсацией способны фальсифицировать истину в соответствии с принятыми на тот момент требованиями или убеждениями. Так, как только негатив жизни, запечатленный на яркой цветной пленке, купленной за конвертированные доллары, в состоянии подтолкнуть нас к печатному Олимпу

современности, а возможно, даже оставить свой след в современной журналистике.

Раздумывая над концепцией как собственного, так и общественного успеха, я с нетерпением и одновременно некоторым смущением, дожидался пока черная, с первого взгляда бесконечная, струящаяся лента отдаст дорогую мне кладь. Толкаясь и вглядываясь в очередную порцию медленно вырисовывающихся вещей, два десятка людей, словно брендированные овечки, завистливо следили за каждым, кому посчастливилось попасть в первую десятку. Такая, обычно томительная и не редко раздражающая заминка в этот раз была не настолько досадной. Едва успев унять волнение после успешно заверченного перелета, как на смену ему пришло новое, более сильное, заставляющее оборачиваться не через плечо, а в глубокую даль, такого верного правде, но никого не щадящего времени. А в прошлом часто скрываются не только сбывшиеся события, но и множественные мечты о тех историях, которые по тем или иным причинам были прожиты не нами. Прожиты не мной...

Бразилия - это мой путь, который я должен был пройти и от которого я отказался в силу той молодой, необъяснимой глупости, перед которой бессильны любые доводы еще не обретенной мудрости. И сейчас я рискнул обуздать причину, которая позволила бы мне оправдаться перед собственной неуверенностью и объяснить себе - зачем я прилетел в эту страну, дав повод для той самой встречи, которую я так ждал и все же избегал, всю свою жизнь.

Спустя двадцать минут, покончив со всеми бюрократическими нюансами с которыми сталкивается любой человек, покидающий пределы собственной страны, я шагнул на встречу своему прошлому. Покинув стены аэропорта Галиан, я почувствовал теплый, слегка удушливый в своей влажности воздух Рио. Услужливо притормозившее такси, спешащее подобрать очередного туриста, радушно пригласило меня в прохладные объятия кожаного салона. Назвав адрес единственного отеля который я смог найти неподалеку от моей Мари я откинулся на спинку сиденья и прикрыв глаза окунулся в динамику солнечного города.

2

К моему сожалению, в этой стране я был всего лишь раз, где-то между двух годов пика моей популярности. Я как состоявшийся, блестящий журналист был приглашен выступить в университете Сан-Паулу. Как сейчас перед моими глазами эти наивные, все еще высокоморальные студенты. Лица, украшенные сияющей верой в

правду, которую они надеются донести до широких масс общественности, внимали каждому слову, которое я произносил со своей трибуны:

– Представьте себе комнату. Давайте, напрягите воображение. Какая эта была комната? Парень, второй ряд в красной рубашке.

– В восточном стиле.

– Отлично, у нас есть четыре желтые, глиняные стены. Что дальше. Украшаем. Девушка, пятый ряд.

– Персидский ковер из овечьей шерсти, с вышитым красными нитями причудливым узором. Две большие напольные вазы располагаются в противоположном углу комнаты. Яркий свет, освещая медленно опускающуюся пыль едва просачивается через деревянные, чуть приоткрытые ставни. В помещении царит полумрак.

– Умница, но с освещением перестаралась. Как ты собираешься снимать, если там темно? Нам нужен свет, нам всегда нужен свет. Даже если света нет, а кадр того стоит, то вам необходимо создать освещение, будь то открытое окно, либо обыкновенная лампа. Еще раз повторюсь, запомните это навсегда: « В свете софитов рождается ложь». И так, что происходит в комнате? Придумайте мне ту картинку, которая заслуживает разворота. О, я вижу поднятые руки. Вперед, давай парень!

– Идет война и в комнате находятся два человека.

– Стоп, не правильно. Если там два человека, то тебя уже нет с нами. Тихо, нет смеха, выдерживаем трагедию. Мне нравится. Вы все военные репортеры. Кто еще? Так, вперед девушка в желтом сарафане. Ну, ну смелее.

– В комнате находится военный, грубый, озлобленный мужчина с пересушенным, обветренным лицом. Он прищуривается, от этого и без того сильно выделяющиеся скулы кажутся еще больше. Во взгляде присутствует сумасшествие, виднеющаяся из под каски. Височная вена пульсирует. Руки изо всех сил сжимают винтовку.

– Стоп кадр, молодец. И так, мы имеем просто образец современного демона смерти, который по верованиям всех окружающих пришел в чужую страну, город, дом и вот-вот должна разыгаться та самая, оscarоносная для одного из вас, трагедия. Вперед. Кто следующий, последний режиссер собственного счастья, смелее. Не вижу поднятых рук. О, девушка с забавными косичками. Мы слушаем.

– На глиняном полу лежит упавший мальчик, ему на вид лет одиннадцать, его

ноги покрывает распавшийся саронг, торс оголенный. Пыль толстым слоем устилает спину, на голове зияет большая рваная рана. В глазах скорее отчаянная ненависть, чем первобытный страх.

– Стоп! Просто золото, а не студенты. И так кадр, я провожу прямую через глаз солдата, прицел винтовки и лицо мальчика. Но это не та трагедия, за которую я бы заплатил. Что нам необходимо найти в этом кадре? Кто мне ответит, в чем для нас заключается весь смысл всего происходящего? Ну же. Не разочаровывайте меня. Все, что мы видим - это всего лишь война, которой блещет любая газетенка. В этом кадре нет тайны. А теперь мы обращаемся на несколько минут в прошлое. Я журналист, не умеющий драться, стрелять и, вообще, защищаться. Для местного населения я обычный интервент. С расстояния в сотню метров мой объектив фотоаппарата ни чем не отличается от оптического прицела снайперской винтовки. А в условиях ближнего, городского боя никто разбираться не будет в том, что у вас написано на жилете. Свист пуль над головой, изредка глухо постукивающих об ту самую стену к которой вы мгновение назад прижимались. Широкая спина вашего личного героя войны Стива, является единственной преградой между тем, что принесет вам успех и в тоже время может убить. Шаг за шагом, дюйм за дюймом бравый отряд морских пехотинцев топчет своими ботинками чужие улицы, дома, квартиры. И вот он, темный дверной проем, в который секунду назад ворвался Стив. Вы устремляетесь за ним. Палец дрожит на затворе. От переизбытка адреналина белая пелена застилает глаза, которые в свою очередь безуспешно пытаются приспособиться к кромешной тьме помещения. В конце концов, до Вас доносится очередь, еще одна. Вы замечаете лестницу, ведущую на второй этаж. Идти или нет. Кадр или жизнь. Жажда славы гонит вперед. Аккуратно поднимаетесь по ступенькам. Кажется, что прошла вечность. Но вот, тело, еще одно. Это не интересно. Кого могут заинтересовать обычные тела обычных людей, ведь сама война подразумевает эти самые тела. Вам надо нечто большее, нечто более страшное. Все, мы на месте. Апогей драмы. Это то, что нам надо. Вы находитесь в комнате, Стив стоит к Вам боком, у него из спины картинно торчит кухонный нож. Была борьба. Осматриваетесь и видите, что под дулом его винтовки находится маленький мальчик. И именно это и есть тот самый момент, когда будут плакать и кричать, сожалеть и проклинать, прощать и ненавидеть. Это Ваш глянец. Вероятнее солдат был ранен в схватке с родителями этого мальчика. Вряд ли паренек принимал участие во всем происходящем. Но это сейчас не важно. Мораль остается по эту сторону камеры, а

все происходящее по ту сторону объектива. И для этого бездушного куска стекла будет лучше если мальчик умрет. Ведь когда читатель дойдет до разворота, то на первой половине будет зверь, убивающий ребенка, но все таинство, которое так необходимо читателю, откроется при полном раскрытии глянца. На второй странице ужасный детоубийца чудесным образом превратится в невинную жертву, так жестоко раненную притаившимся за дверью крысенком. Все. Наша задача выполнена. Лицо армии спасено. Солдат может спать спокойно. Мальчику, как и его родителям уже все равно. Вы создатель того, во что люди поверили и ничего больше. Bravo! Герой нашего времени. И перестаньте мне аплодировать! Чужая смерть, переданная в формате вашего успеха. Вот на что Вы себя обрекаете. Прощайте.

3

Окрашенный скукой и усталостью голос пожилого водителя заставил обратить на себя мое внимание. Опытный взгляд фотографа автоматически отметил его руки. Слишком черные, слишком сбитые, слишком измученные тяготами его личной правды. Они были покрыты множественными мелкими рубцами. На моем лице невольно отразился вопрос. Я перевел взгляд на отражавшееся в зеркале лицо и столкнулся с ним взглядом. Белки глаз, оправленные в черную махру густых ресниц и бровей, безразлично смотрели на меня:

– В прошлом я ловец моллюсков. Двадцать лет занимался этим промыслом. - На ломанном английском ответил шафер.

Я отвел взгляд. Скользя в достаточно плотном потоке автомобилей, я изучал архитектурные особенности Рио. Достаточно большой, насыщенный историей город на первый взгляд не поражал своим фундаментализмом как Рим или Мадрид. Но внимательно присмотревшись и отвергнув собственный субъективизм, я залюбовался играющим переплетением архитектурного новаторства стекла и бетона с броскими вкраплениями яркой рекламы и устоявшую перед наступлением нового времени архитектурную летопись исторических побед и поражений.

Моя гостиница, перед которой мы остановились, тоже являлась отображением той эпохи, когда блеск золота и аромат кофе заставлял авантюристов и предпринимателей со всего мира искать приключения и удачу в этой удивительной стране. Отпустив водителя, я остался стоять перед главным входом моего отеля. Наблюдая за реставрационными работами левого крыла, часть которых уже была завершена, я залюбовался величественной и гордой ротондой. Лепнина, украшавшая

расположившиеся по кругу колонны, не смогла бы оставить равнодушным даже не сведущего в архитектуре обывателя. Причудливые тени, играющие в лучах ласкового бразильского солнца, вязью окутывали фасад отеля, как бы напоминая, что вечер близок и пора подумать об отдыхе. Прихватив свою ношу, я поднялся по ступеням и окунулся в прохладе просторного холла. Мраморный пол, великолепная старинная люстра и маленькие, уютные диванчики, как островки отдыха являлись логическим продолжением первого впечатления, оставленного экстерьером гостиницы. Немного освоившись с окружающим меня пространством, я направился к стойке администратора.

Если украшением яхты являются ее паруса, то украшением этой гостиницы были не архитектурные изыски, а это очаровательное создание, впитавшее в себя все краски Бразилии с ее бархатными пляжами и страстными ритмами карнавала.

Чарующая метрдотель встретила меня белоснежной улыбкой, слегка прикрытой пышной периной ласковых губ. Очертания ее лица, со скульптурно-очерченными скулами и приподнятым носиком, повторяли пропорции лучших работ Донателло, но даже он не смог бы сразиться в эстетики жизни, которой природа наградила эту женщину.

– Добрый день. На имя Стефан Майерс заказан номер.

– Добрый день Сеньор, да, конечно, я сейчас посмотрю. Слегка поправив локон, миловидно выбившийся из безупречно уложенной прически Аби, так у нее было написано на карточке, прикрепленной к кармашку на груди, начала просматривать регистрационную книгу. Через несколько секунд, эти ангельские губки произнесли совершенно не те слова, которые уставший путник, замученный тягостями длительного путешествия, хотел бы услышать.

– Нет, к сожалению, такого имени у нас нет.

– Аби, проверьте еще раз, пожалуйста.

– Да конечно, одну секунду.

Несмотря на предчувствие чего-то нехорошего, я не мог не восхищаться прелестями смуглой кожи и формами, которые с легкостью угадывались через идеально приталенную форму, которую требовал регламент этого заведения.

Совершенно лишена изъянов - подумал я.

– Нет простите. На имя Стефан Майерс действительно ничего нет.

– Хорошо, тогда дайте мне любой свободный номер, имеющийся в наличии.

– Простите Сеньор, но сейчас все номера в новом крыле заняты. А в старом, хоть и есть свободные номера, но они не настолько комфортабельны, чтобы можно было Вам их предложить. Да и в самом крыле проводятся реставрационные работы.

– И что Вы порекомендуете мне делать? - Я чувствовал как искры раздражения и разочарования начинают постепенно разжигать костер моего терпения.

Немного задержав дыхание, и взмахнув своими черными, длинными ресничками устилающими великолепие поднебесной глаз, Аби произнесла:

– Я могу перезвонить в ближайшие гостиницы и забронировать для Вас номер.

Представив последующую череду событий, которые ожидают меня после ее предложения, я отрицательно покачал головой. Лень и усталость давали о себе знать.

– А когда должен освободиться номер из люкс класса?

Пройдя аккуратным, наманикюренным пальчиком по строкам своей волшебной книги Аби сказала:

– Завтра к обеду.

– В таком случае, возможно, я мог бы на это время остановиться в одном из старых номеров левого крыла?

– Да, это возможно, но эти номера не очень комфортабельны, хотя все необходимое в них есть.

– Тогда давайте мне скорее ключ от номера, и я пойду отдыхать.

Такой выход из сложившейся ситуации был для меня максимально удобным и заполнив необходимые формуляры я отправился к своему номеру.

Вставив ключ в замочную скважину и провернув ячейку замка, я отворил дверь. Все как всегда. Чуть лучше, чуть хуже. Каждый номер объединяет одно: ощущение, что ничего из окружающего тебя, твоим не является. Номер состоял из двух комнат, спальни и небольшой гостиной. Пройдя сразу в спальню, я положил чемодан на кровать и с облегчением вздохнув, осмотрелся. Этот номер нельзя было назвать уютным. Пораженные возрастом, ветхие обои, желтые, словно кленовые листья, томились в ожидании ветра, который одним страстным порывом подарит освобождение от грязных историй, безмолвными свидетелями которых они являлись. Условные точки опоры, которые казалось так и манят постояльцев обтереть свои одежды об эти скромные уголки уюта, были невыгодно выделены грязно серым оттенком, подобно острогам памяти. Они походили на души, которые проглотили эти безразличные стены. Открыв чемодан, я первым делом проверил сохранность своей

камеры. Заботливо переложив ее на тумбочку около кровати, разложил вещи в некрасивый, массивный шкаф, необъятность которого втянула мой не хитрый скарб. Зайдя в ванную комнату, я устало облокотился кистями рук об умывальник. Посмотрев на себя в зеркало, я провел рукой по жесткой щетке волос, успевшей покрыть мой подбородок. Критически осмотрев себя в зеркало, я подумал: «Ну что, Стефан, не смотря на твои успехи в карьере, на множественные награды и премии, которыми удостоивали тебя различные номинации, на деньги и славу, которую ты приобрел упорным трудом и риском, работая не в самых безопасных уголках этого мира, у тебя все еще нет самого главного, того о чем ты уже долгие годы мечтаешь и сожалеешь. У тебя нет Мари». Освежившись, я проследовал в спальню и прилег отдохнуть. Лежа на кровати, я вспоминал свой последний телефонный разговор с Мари и лениво рассматривал совершенно не украшающую этот номер мебель. Внимание привлекали лишь два тяжелых кресла, обтянутых бычьей кожей и выкрашенных темно коричневым, не менее тяжелым лаком. Слегка потертые, практически не продавленные, они являли собой фундаментализм создателя этих титанов. Казалось, что стоит только опуститься на одно из них, как бурный поток мыслей, несущий в себе круговороты заблуждений, превращался в мерную, преисполненную достоинством реку спокойствия. Легкий ветерок, едва коснувшийся занавеси, словно подчеркивая близость океана, поманил меня к окну. Одернув штору, я ступил на огражденный выступ. Слегка перегнувшись через выкованные перила открытого балкона, я ощутил как по всему телу пробежала легкая дрожь. Слева, как и справа, от меня симметрично расположились точно такие же идентичные кусочки опасности. Мне, как творческому человеку, всегда импонировали эти маленькие мерзавцы. Вынесенные за пределы основной, многотонной, массивной конструкции, наплевав на все основы фундаментальной статичности наших устоев, балконы были напрочь лишены такого важного, и в тоже время опасного элемента, как убедительность. Устрашающий реализм неожиданно открывшейся истины неизменно обострял внутреннее восприятие собственной жизни через такие чувства как недоверие и сомнение. Лживая, обдуваемая ветрами сплетен свобода, при беспристрастной оценке становится лишь правильно наведенным фокусом наших желаний и ни чем иным. Вот именно этим они меня и привлекали. Ведь все мы, журналисты, в своем роде такие же балконы, на которые лучше лишний раз не ступать. Вернувшись в комнату, я взял телефон и решительно набрал хорошо знакомый номер.

– Алло.

– Привет это я, Стефан. Мне очень хочется пригласить тебя сегодня на ужин. Мари засмеялась тем теплым, задорным смехом который я так любил.

– Ох, Стефан, ты как всегда в своем репертуаре. Предлагаешь яблоко, но растет то оно на другом континенте. Искуситель.

Теперь была моя очередь рассмеяться.

– А вот и не угадала. Яблоко при мне, а я в Рио.

Наступившая пауза смутила нас обоих. Затем Мари произнесла спокойным вдумчивым голосом:

– Ну, в таком случае давай это я приглашу тебя на ужин. Ведь это ты у меня в гостях.

Договорившись о встрече и записав адрес, я положил трубку. Мне понадобилось несколько минут, чтобы обдумать этот короткий, но такой многозначительный диалог. Я признался себе что боялся. Мне было страшно встретится с Мари. Я понимал, что за эти годы мы изменились. Я осознавал и принимал этот факт как данность. Иногда, по утрам, глядя на себя в зеркало и замечая те штрихи, которыми гримирует меня время, я подбадривал себя одной из тех нелепых ободряющих фраз, которые ни к чему не обязывают. Но фразы эти были адресованы мне сегодняшнему, сорока восьмилетнему Майерсу, а не тому двадцати восьмилетнему юноше, в которого была влюблена Мари. Я никогда не отличался хорошим телосложением и яркой внешностью. Но моим бонусом тогда была молодость. Сейчас же все осталось как прежде, но молодость ускользнула настолько быстро и незаметно, что невольно возникал вопрос. Как же так? На протяжении этих лет наши отношения с Мари были разными. В них было все: надежда, отчаяние. Период ровного дружеского спокойствия, нарушаемого телефонными звонками, которые выбивали из колеи привычного разочарования, даря надежду, что завтра кто-то из нас рискнет что-то изменить. Но этого не случилось. Наверное, так устроена жизнь, что все начинается снова, но только для того, чтобы закончится вновь. Чернильными ночами, глядя на мерцающие вереницы божественных полей, которые с такой щедростью рассыпаны вдоль всего побережья нашей фантазии, многие из нас пренебрегая опасностью потеряться в глубинах собственного размышления, пытаются пересечь ту самую сотканную из ласковых нитей переправу лишаящих сна вопросов. Бесконечные игры с восприятием окружающего нас Мира, это всего лишь своеобразный эксперимент

над всем тем, что для нас по-настоящему дорого. Посмотрев на часы, я вызвал такси и поспешил к выходу.

4

Ресторан, находящийся в двадцати минутах езды от гостиницы, выдержанный в стиле национальной идентичности, казался колоритным и одновременно достаточно уютным в глазах иностранца. Отдав предпочтение открытой террасе, я удобно расположился за одним из столиков. Белоснежная скатерть, украшенная бразильским орнаментом, в сочетании с сочной зеленью фрезии и бутонами амелии, создавали впечатление вечерней феерии. В ожидании встречи я заказал чашечку бразильского кофе и, всматриваясь в каждую вошедшую женщину, пытался представить себе Мари. Воспоминания вновь унесли меня в прошлое. На нашем факультете было много красивых девушек, но ни в одной из них не было того, что было в Мари. Такое количество воли, страсти и бесстрашия наполняло эту девушку, что казалось, нет такой преграды, которая могла бы заставить ее остановиться. Но в тоже время, истинная женская нежность, бережно обвивавшая изысканную душу в сочетании с искрометным юмором и врожденной любознательностью, делала из Мари не просто человека, к которому все тянулись, каждый становился зависимым от ее обаяния. Возможно это счастье, возможно проклятье, но я был не исключением.

– Вот так ты встречаешь давнюю подругу?

Я обернулся. Неожиданное появление Мари смутило меня. Встав и сделав шаг на встречу, я слегка приобнял Мари. Нежная гамма парфюмерной композиции как музыкальный аккорд с базовой нотой сандала, сердечной нотой ириса и едва уловимой верхней нотой чуть горьковатой полыни флажолетом нежности коснулся моей души. Аромат ее духов прозвучал прелюдией к нашему новому знакомству. Придержав ее руки в своих, может на секунду дольше дозволенного, я отстранился и не отпуская руки пригласил ее к столу. Незначительными фразами, сгладив первые минуты неловкости, мы с Мари неспешно вглядывались друг в друга, пытаюсь найти ту точку отсчета, с которой мы могли бы начать наше погружение в прошлое.

Когда вы смотрите на женщину, с которой не виделись много лет, не стоит искать в ее внешности унесенные временем лепестки календарных дней. Лучше оценить ту ювелирную филигранность, с которой сама жизнь принесла мудрый ветер осенней прохлады. Для некоторых моментов провидение прописало нам общий сценарий. И невольно каждому из нас приходится отыгрывать эти сцены.

- Стефан, что привело тебя в Рио?
- В первую очередь я хотел встретиться с тобой.

Мари опустив глаза улыбнулась.

- А во вторую?
- Есть ряд мероприятий, в которых мне необходимо принять участие.

Наш разговор был прерван появлением официанта.

– Я уверена, что ты не очень хорошо разбираешься в бразильской кухне, по этому, позволь я сделаю заказ на свой вкус.

– Сдаюсь. - Сказал я, шутливо подняв руки. - Узнаю свою Мари. Тогда выбор по винной карте за мной.

- Но ты не знаешь вкуса бразильских блюд.
- Зато я знаю те вина, которые подойдут под любую кухню.
- Хорошо, давай попробуем.
- Но прежде чем я сделаю заказ, ты должна мне сказать, что будет основной составляющей нашего ужина.

Ознакомившись с меню, Мари произнесла:

– Я бы тебе предложила отведать восхитительной, воспетой Винисиусом де Мораисом фейжоады, блюдо из фасоли с различными видами мяса. Но если мне не изменяет память, ты не любишь фасоль.

Я улыбнулся и кивнул головой. Эта фраза сказала мне больше чем тысячи слов, которые мы сказали бы друг другу за этот вечер. Она помнила, а это самое главное. Голос Мари продолжал журчать.

- А может предложить тебе жакаре? Мясо аллигатора и пан де гуэйжо.

Рассмеявшись, я ответил:

– Да, крокодила вроде бы жалко. Давай остановимся на чем-то нейтральном.

– Ну хорошо, тогда утка в соусе из кассавы, омар в молоке кокоса и пао де кеджо, сырный хлеб с ароматной румяной корочкой и несколько салатов.

Собрав в мозаику заказанные блюда, недостающим пазлом, я выбрал Пино Нуар, вино золотого склона Бургундии. Мне показалось, что это вино подойдет не только к выбранным блюдам, но и своим широким спектром вкусов и ощущений будет хорошей оправой к нашему вечеру.

Суэта официанта исполняющего заказ и уточняющего у Мари детали того или иного блюда, дала мне возможность, не нарушая приличий, всмотреться в сидящую

передо мной женщину. Выточенные жизненным опытом черты ее смуглого лица, обрамленные ниспадающим каскадом иссиня-черных волос, подчеркивали ее бархатистую кожу. Платье, необычного терракотового цвета, струилось теплым пламенем, придавая ее образу удивительную мягкость и гармонию. Скользя глазами по ее рукам, я задержал взгляд на тонких, трепетных пальчиках - клавиши счастья, подумал я. Прикасаясь к еде, и прикрывая свои мысли историями из жизни друг друга, мы больше думали, чем говорили. Мы проникали ощущениями и, соприкасаясь взглядами, стирали стену расстояний, уступая место осязаемости нашего присутствия в моменте. Когда ночь вступила в свои права и мы стояли на улице, посмотрев на небо, я сказал:

– Мари мы с тобой словно две маленькие, мерцающие звездочки, расположившиеся на противоположных краях небосвода. Посмотри сколько между нами созвездий.

Мой палец медленно прочертил невидимую линию, в конце концов, остановившись на аккуратном, пикантно вздернутом носике.

– Белоснежные, сказочные драконы, которые на протяжении целой жизни, охраняют величественный, незнающий страха прайд королевских львов, имеющих право рычать на само величество время. Перед нашими глазами проплывают странные, блестящие рыбы, создающие слишком сильный, похищающий душу вихрь судьбы. Но я готов победить их всех. Моя рука обняла за спину стоящую рядом Мари.

– Стефан ты готов выйти победителем из любой схватки, кроме самого важного боя в наших жизнях, боя с самим собой. Эти двадцать лет, столь халатно спущенные в казино жизни. Увы, но по правилам мироздания Крупье не возвращает того, чего уже не существует. Ты никогда не задумывался о том, куда исчезает время? Возможно, оно просто передается следующему, вовремя занявшему место в бесконечной очереди за мгновением.

– Знаю Мари, знаю. Я мудрый глупец, отлично разбирающийся во всех глупостях, которые есть неотъемлемой частью столь несовершенных людей, и к сожалению, всего лишь неопытный юнец во всех премудростях присущих этому лишенному изъянов Миру. Прости меня.

– Стефан, тебе не о чем просить прощения. К нашему с тобой счастью, мы тратили минуты, часы и мгновения по своему усмотрению. Нас никто не вынуждал делать то, что мы делали. Жизнь намного более многогранна и прозрачна, чем нам

пытаются показать. Один человек мне когда-то сказал: «Если ты свеча - гори, не оставляя воска». И знаешь, теперь я вижу, что он был прав.

Повернув голову и секунду посмотрев на меня блестящими, отражающими звездное небо глазами, Мари легонько коснулась губами моей щеки. Улыбнулась и открыв дверцу подъехавшего такси, закончила нашу встречу словами.

– Вот видишь, я распорядилась своей секундой, теперь твоя очередь.

Провожая глазами желтый автомобиль, я отпускал Мари в отдельную от моей жизни реальность. Вернувшись в отель, я усталое упал на кровать и уже засыпая, подумал: «Какое счастье, что чувства не знают времени, а шанс дает право на исправление глупости, даже если она длиной в целую жизнь».

5

Меня разбудил звук телефонного звонка. Мари! Подумал я. Но взглянув на дисплей, почувствовал легкий укол разочарования. Звонил Марк. Обменявшись приветствиями, мы начали обсуждать предстоящие дела. Уточнив все аспекты будущего задания, и перебросившись еще парой фраз, мы разъединились.

Как не хотелось возвращаться к работе. Или бразильское солнце, или встреча с Мари совершенно лишили меня энергии к действию. Отдав себе приказ встряхнуться, я направился в ванную. Прохладный, освежающий душ вернул мне бодрость. Взяв в руки камеру, я бережно протер линзу, затем, достав несколько светофильтров, вышел на балкон. Город только просыпался, и постепенно начинал погружаться в яркую палитру разнообразных красок, свойственных этой стране. Лучи восходящего солнца, бережно касаясь еще редких утренних прохожих, лелеяли видневшееся в дали, охваченное пышной зеленью побережье. Изящество сути цветовой теории города было ярко выражено. Аналогичные сочетания, разбитые дополнения плавно переходящие в замысловатые триады, неизменно возвращающиеся во множественные комплементарные схемы. Здесь было все. Но это было не основным. Вся мистерия происходящего заключалась в том, что цвет был живой. В объективе моего фотоаппарата рождалась не обреченная картинка, лишенная статики, а пропитанная динамикой, такая знакомая всем утренняя суета пробуждающегося города. Одним за другим я отстреливал кадры. Но в отличие от не умеющего лгать оружия, мой калибр был самым страшный-35 миллиметров памяти.

Даже холостые, не сопровождающиеся едва ощутимым толчком щелчки затвора, не сразу заставили меня заменить пленку. Вернувшись в комнату и спрятав камеру в

кофр, я позвонил по внутренней телефонной линии отеля и попросил администратора связать меня с рестораном.

– В течении нескольких минут Вам перезвонят. - Ответил вежливый, безликий голос администратора.

Не успел я отойти от телефона, как вновь раздался звонок. Взяв трубку, я услышал нужный мне английский язык.

– Мистер Стефан. Вас беспокоит «Вкусный Шеф». Вы оставляли заявку администратору. И если Вам будет удобно сейчас разговаривать, то я Генри Листен, менеджер ресторана «Вкусный Шеф» с Вашего позволения задам некоторые вопросы, которые в дальнейшем помогут нам с Вами определиться в выборе меню.

Я улыбнулся. А ведь когда-то давно, каждый из нас мог сам выбрать и приобрести желаемое, именно то, что хочется, без давления со стороны этих вездесущих, натасканных консультантов. Теперь же каждому из нас не представляется возможным даже кофеварку купить самостоятельно. Обязательно найдется какой-нибудь «культурный по тренингу» молодой человек, которому вбили в голову, что его святой долг не дать вам совершить промах в выборе такого важного агрегата как аппарат для приготовления напитка. И у него всегда есть арсенал доводов и убеждений, который вне зависимости от вашего желания, будет направлен на изменения вашего мнения по поводу того или иного аспекта, касающегося уже ставшим вовсе и не вашим желанием. Мы стали слабы именно из-за огромного количества одинаковых, дублирующих друг друга вещей и собственной неспособности к отстаиванию личного мнения. Выбор как факт превратился в иллюзию. Не замечая мы ставим галочку отнюдь не за человека, наш голос отдается за аккуратно сложенную и красиво оформленную программку, которая по своей сути должна отображать его стремления, но скажите мне, как черт возьми, я могу проголосовать за одну из тех бумажек, которые лично пишу по выходным!

Либералы, Демократы, Республиканцы - это все слова и не более. Слова из инструкции по эксплуатации огромного механизма под названием социум.

Но нет, нас заставляют делать вымышленный выбор именно для того, чтобы не замечать его отсутствия. Для каждой группы людей существуют свои конструкторы поведения. Чем больше мелких вещей будут соответствовать нашим желаниям и удовлетворять эксклюзивные потребности каждого из нас, тем меньше мы будем замечать, что по-настоящему важные вещи неизменно остаются за гранью

удовлетворения наших желаний. Такое понятие как «Свобода самовыражения»- оно поддельно, и может существовать пока вы движетесь лишь в определенном, проложенном именно для вашей группы, маршруте.

– Да конечно Генри, я с удовольствием обсужу с Вами собственный Завтрак.

Это был горячий, сочный стейк на тоненькой косточке. Просто мясо и никакого гарнира. К черту исторические традиции культурного человечества. Столовые приборы, которые по чему то не входили в совершенно не маленькую стоимость моего наслаждения были действительно не к месту. Выйдя на балкон, я раз за разом впивался своими хищными инстинктами в нечто проигравшее свою битву за существование. От каждого прожеванного куска мяса запитого освежающим глотком Carlsberg, который я нашел в баре номера, отточенные грани логического мышления притуплялись, отправляя вечно преследующий меня фокус жизненных наблюдений в то место, откуда подвергнуть анализу происходящее вокруг не представлялось возможным.

6

Сделав несколько набросков статей и пересмотрев отснятый материал, я решил воспользоваться свободным временем для отдыха. Но перед сиейстой я позвонил Мари:

– Алло, Мари, Ты не забыла об одиноком американце, скучающем по тебе? Мари рассмеялась:

– Что ты, Стефан! Я как раз собиралась позвонить тебе.

– Ну значит я тебя опередил. Что ты делаешь сегодня вечером? - И не дожидаясь ответа, продолжил - Я хочу пригласить тебя сегодня на светский раут. Я не обещаю тебе, что это будет весело, но точно интересно и информативно. Составишь ли ты мне компанию?

– Светский раут? - Заинтриговано переспросила Мари.

– Да. Это прием в итальянском посольстве, мне надо там быть обязательно. Но прийти туда без красивой женщины я не могу. Если ты не возражаешь, я заеду за тобой к семи часам.

– Договорились, Стеф.

7

Черные автомобили представительского класса подобно неуловимым теням

ассасинов медленно и практически бесшумно скользили по узким улицам одного из старейших районов Рио де Жанейро. Ощущение того, что Мир тайн и заговоров, до сих пор хранил секреты, которые по неосторожности своих хозяев были утеряны в этих двориках и переулках, вызывали чувство легкой эйфории от прикосновения к значимости предстоящих событий. Говорят, сам Муссолини хлопотал о строительстве этого здания. Видимо в те времена, итальянцев больше заботила политика а не мода. Ведь не каждое государство могло позволить себе выстроить целых двенадцать этажей политической неприкосновенности. Здание итальянского генконсульства было скорее практичным, чем каким-либо другим. Толстые, массивные стены как будто были постоянно готовы к какой-нибудь трагической мировой неожиданности. Во всем виноват не в меру практичный Ленд-Лиз. Лучше всего давать займы именно тогда, когда время в прямом и переносном смысле диктует как цены, так и цели. Многие заблуждаются, что во времена предсмертных агоний люди способны лишь на два действия. Первые прячутся в надежде выжить, вторые развлекаются из-за веры в то, что сохранить жизнь все равно не получится. Но есть еще и другие. Эти страшные черные маски, которые неустанно топчутся у городских ворот, за которыми царит хаос и смерть. Они всего лишь спрашивают: «Чего изволит его Высочество Смерть?» И сколько за это «нечто» может предложить Госпожа Жизнь? Вечный Жид, с лицензией на торговлю по всему миру, выписанную самим дьяволом и имя ему Ленд-Лиз.

Остановившись около центрального входа в консульство, я бережно подхватил Мари под локоток и ощутив ее едва заметное волнение, ободряюще улыбнулся. Направившись к массивным дверям, которые с учтивым гостеприимством были распахнуты перед нами, мы вступили в прохладу фабрики секретов. Отдав пригласительные, окунулись в атмосферу вежливой дипломатической непринужденности, где нарочито беззаботные улыбки присутствующих мужчин и украшавших их женщин как-бы говорили всем своим видом: «сегодня я отдыхаю и просто рад встречи с тобой». Безукоризненные смокинги, великолепные дамские наряды, подчеркнута простые в своей изысканности. Бесшумно скользят официанты, несущие на своих блестящих подносах игривые ключики настроения. Вся эта картинка могла вести в заблуждение любого, не сведущего в дипломатической шалости человека. Я же уже давно не предавал значения этой внешней атрибутики, а видел только взгляды и понимал их значение. Холод и расчет, отчетливо выраженные в цепи взаимоотношений между опытными идолопоклонниками и новообращенными адептами, неустанно стремящиеся покорить

новые вершины человеческого порабощения. Тайная месса только начинается. Пристальные взгляды архаичных последователей культа Мамона неустанно выискивали новых, еще не клейменовых собратьев, с целью нанести собственную, легко узнаваемую печать взаимовыгодных отношений.

Познакомив Мари с супружеской четой португальских художников, чьи картины сегодня украшали стены зала и убедившись что Мари чувствует себя вполне комфортно, я направился к Мистеру Брауну, который мне прислал приглашение на этот раут. Немного пообщавшись с ним и его супругой, я увидел молодого человека который уверенным шагом направлялся ко мне.

– Мистер Майерс?

Принимая условия данной игры и прекрасно разбираясь во всех тонкостях этого представления, я учтиво кивнул. Именно такие моменты, я называю шедевром жизненных обстоятельств. Отлично понимая, что это всего лишь тот, кем не жалко было рискнуть, я пристально посмотрел в его глаза. Учитывая тот факт, что мы живем в эпохальные времена, которые как никогда способствуют развитию определенных пороков и извращений, то многое становилось понятным. Приближение и неминуемое столкновение, душевный разговор и дружеское прощание. Игра в шпионов это отличное время препровождение. Каждый раз, когда Марк мне звонил и приглашал на подобное мероприятие, я не мог себе отказать в таком удовольствии. Я не питал иллюзий по поводу собственных побуждений. Если говорить без прикрас, то моя творческая натура, никогда не испытывала ни малейшего сомнения в чистоте даже самых грязных денег. Естественно, сами по себе зеленые бумажки не представляли ничего интересного. Меня больше интересовало то, на что я мог их обменять. А этот перечень был по истине бесконечен. Чем больше мы зарабатываем, тем больше тратим, а чем больше тратим, тем больше хотим зарабатывать. Исключительный образец лестницы Пенроуза так явно выраженный в формате трех П: производитель, кормит потребителя, чтобы тот в свою очередь мог вернуть производителю употребленное с надбавкой и в итоге это все называется экономика. Пожав протянутую мне руку, я утвердительно кивнул.

– Простите, я не представился. Меня зовут Джеральд Нелингтон.

– Очень приятно, мистер Джеральд. Чем могу быть Вам полезен.

– Давайте пройдемся. Неспешно беседуя, мы слегка отделились от общей группы.

– Я не могу поверить, что общаюсь если не с самым, то уж точно с одним из лучших журналистов нашего времени.

Теперь был мой черед улыбнуться.

– С лучшим, не сомневайтесь.

– Я уверен, что два человека с большими планами достойны обменяться своими контактами. Ведь нет ничего более взаимовыгодного, чем обоюдные амбиции, направленные острием на результат.

И с этими словами Джеральд, вытянув руку, протянул мне визитную карточку.

Любой сторонний наблюдатель не смог бы заметить абсолютно ничего подозрительного в данном действии. Но на ощупь, этот небольшой кусочек картона был намного толще общепринятого образца. Не став акцентировать внимание на различиях почетно врученной карточки, я в свою очередь тоже достал специально сделанную на заказ, аккуратную, деревянную коробочку для визиток, и вытащив оттуда одну, протянул моему новому знакомому.

– Тщательно изучив бархатную карточку бордового цвета, на которой не было ничего кроме нескольких рядов цифр, Джеральд почтительно спрятал ее во внутренний карман. Я внимательно посмотрел на собеседника.

– Не буду Вас задерживать и напоследок еще раз повторюсь, я очень рад нашему знакомству. Прощаясь, произнес молодой человек. Немного склонив голову, и отвесив современный церемониальный поклон, я медленно развернулся и направился к Мари. Проведя еще несколько встреч в таком же формате и выдержав положенное для подобных раутов время, мы с Мари направились к выходу.

– Стефан, ты себе даже не представляешь, сколько комплиментов я получила за этот вечер.

Легкая улыбка тронула уголки моих губ. Чистая девочка, ты навсегда останешься в моем сердце как нечто более лучшее, чем я сам, и окружающий меня мир. Дорога к дому Мари прошла без каких-либо происшествий. Ночной город был как нельзя более подходящим местом для размышлений прошедшего вечера. Машина, словно круизный корабль, беззвучно рассекала легкую дымку, поднимающуюся от влажного асфальта. Прошел легкий дождь. Включенные светофоры казались единственными ночными жителями такого яркого и громкого города как Рио де Жанейро. Каждый из нас сегодня добился того, чего хотел. У меня есть отлично оплачиваемые заказы. Мари получила глоток свежих сплетен из высшего эшелона. Я был уверен, что теперь

несколько недель подряд, она будет самой востребованной сплетницей во всей Бразилии.

– Тебе понравился вечер? - Спросил я, остановившись около подъезда Мари.

Она весело рассмеялась.

– Конечно Стефан. Ведь я смогла выгулять свое вечернее платье.

– Ты была самой красивой на этом вечере.

– Мне кажется или ты подлизываешься?

– Нет, это не лесть, просто констатация факта.

– А мне кажется, что ты напрашиваешься на чашечку кофе.

– Конечно, но мне не хочется смущать тебя.

Мари посмотрела на меня внимательным взглядом, и чуть замешкавшись с ответом сказала:

– Да, наверное, давай не будем торопить события.

И едва коснувшись губами моей щеки, закончила многоточием надежды сегодняшней вечер.

8

Вернувшись в отель, я не торопился подниматься в пустой номер. Сегодня одиночество было не лучшим спутником. Зайдя в круглосуточно открытый для постояльцев бар, расположившийся на первом этаже гостиницы, я заказал бокал «злой Маргариты». Я подумал о женщине в честь которой был назван этот коктейль. Какая она была, если сам Томас Хилтон оценил этот напиток. Мысли опять вернулись к сегодняшнему вечеру. Правильно говорят, что когда-то обязательно придет время подвести итог собственных достижений. Откровенно говоря, мне время от времени начинало казаться, что я откровенно стар, не опытен, а именно стар. Никогда не бросая начатого я горел в лучах прожекторов и софитов. Иногда мне казалось, что эти одновременно проклятые и желанные лучи, к которым я так долго стремился, не что иное как улыбка собственной смерти. Освещая то или иное событие, с каждым прожитым днем становясь немного богаче и знаменитее, я не замечал самого главного - своего одиночества. Когда-то давно у меня была мысль бросить все это и прыгнуть в самолет. Начать все с начала, не дав развиться тем событиям, которые я воспринял как естественные. Ведь не так уж и давно, всего каких то двадцать лет назад, я мог пойти за Мари. Я мог остаться тем, кем должен был быть все это время.

А в место этого, я устроил себе двадцать холодных сезонов дождей, вместо того, чтобы наслаждаться тем же количеством теплых, радующих душу весенних дней. Трус ли я? Нет! Глупец? Однозначно да. Суть не в том, что я всю жизнь скрывался от собственных чувств, нет. Я все время искал причину, чтобы устранить возможную помеху на пути к собственной глупости, столь ярко выраженной в успехе. За все это время я ничего не приобрел кроме пустых домов, сытых вечеров, лишенных семейного уюта машин. Но зато стал истинным охотником за сенсацией. Тем, кто не идет туда, где на самом деле плохо, не туда, где нужна камера, не туда, где можно испачкать имя, но туда, где платят деньги. Кто я? И вот она - правда. Правда, которую невозможно скрыть под толщей ватных одеял общества. Я тот, кто умеет лгать правдиво. Реквиемом по релизу собственного мировоззрения я осушил бокал и направился в номер.

Чашечка ароматного кофе, заказанная с вечера, внесла в мое утро нотку бодрости. Открыв ноутбук, я принялся рассматривать все те послания, которые мне были переданы накануне. Я знал, что их необходимо было обработать и подготовить к отправке в различные мировые издания не позже сегодняшнего вечера. Изучение всех аккуратно собранных визиток продлилось около часа. На каждой из них с обратной стороны было прописано пожелания заказчика с акцентом на то или иное событие, которое необходимо было осветить в статье. Откровенно грязными заказами, касающимися имен людей, я не занимался. От нескольких предложений я вынужден был отказаться, тем не менее, вписав их в свой увесистый «блокнот правды», как я его называл. Таким образом, мной было отобрано всего три поручения, которые было не слишком сложно протолкнуть и которые положительно влияли непосредственно на финансовую сторону определенных крупных компаний. Своего рода, привлечение капитала от разных групп населения путем хвалебного отзыва в той или иной области. Скорее здесь играло такое понятие как исторически сложившийся авторитет определенного издания. Несколько часов и миллионы людей владели той информацией, которая будет в течении дня передаваться из рук в руки, пока не найдется именно тот человек, чьи убеждения совпадут со статьей из такой газеты. Разве можно сопротивляться собственному желанию, к тому же подкрепленному солидностью какой-либо печати. К чертям сомнения. Зазвонил телефон. Отлично зная кто это, я нажал на кнопку принятия вызова. Из трубки донеслись какие-то громкие шуршащие звуки. Отведя руку с телефоном от головы, я подождал несколько секунд, пока не услышал знакомый мне голос:

– Стефан, тут вообще связи нет. Я с утра не мог до тебя дозвониться. Ну как тебе вчерашний улов.

– Да Марк, все отлично. Три заказа я подтверждаю.

Голос в трубке приобрел раздраженные нотки.

– Как, только три? Их было ведь не меньше семи!

– Ну, видимо ты разучился доходчиво объяснять условия сотрудничества со мной. Из трубки не доносилось ни звука. Решив не затягивать траурное молчание моего партнера, я произнес:

– Через час в кафетерии «Курт», записывай адрес. Rua General Urquiza 117.

Отчетливо повторив адрес несколько раз, и не дожидаясь возмущенных возгласов моего собеседника по поводу ограниченного времени на сборы, я положил трубку. Поработав еще немного и обозначив контуры будущих статей, я начал собираться на встречу к Марку. Через полчаса я уже стоял перед одним из самых точных заведений, которое только можно было найти на всей территории этого города. Как описал его один из моих приятелей бывавший в нем, «Стеф, даже если ты сейчас им позвонишь и закажешь сочный сладкий ореховый штрудель со словами, я заберу его через два месяца, то поверь мне, он будет тебя ждать горячий и аппетитный именно в назначенный день». Когда я позволил себе усомниться в его словах он продолжил. «Стеф, это ведь немцы. Они умудрились в одном только Освенциме поджарить около четырех миллионов человек. А ты говоришь про их неспособность подать вовремя пирожок». Это был довольно убедительный довод записать данный кафетерий в мой толстый всезнающий блокнот.

Оккупировав столик, я принялся изучать меню, которое явно говорило не об изобилии разнообразия, а о классике национальных традиций, которыми обладал владелец данного заведения. Изучив меню со всей скрупулезностью не слишком голодного человека, я остановил свой выбор на бокале пива Oettinger и, судя по картинке, обещающих быть превосходными, порции сосисок Nurnberger Bratwurst. Непонятно по каким признакам стоящий неподалеку официант понял, что мой выбор уже сделан, и я готов заказать приглянувшиеся мне блюда. Он подошел и произнес на хорошем английском:

– Если Вы готовы, то я с удовольствием запишу Ваш выбор — Подчеркнув что ровно через пять минут я буду наслаждаться сделанным заказом, размеренным шагом он удалился в глубь помещения.

Решив провести своеобразный эксперимент, я посмотрел на часы. Было без пяти минут одиннадцать. Когда моя ароматная еда стояла передо мной, стрелки указывали на одиннадцать часов.

- Привет Стефан, отлично выглядишь.
- Чего не могу сказать о тебе.

Выговорил я осмотрев с ног до головы моего давнего приятеля. Успевшая придать его лицу серый оттенок вчерашняя щетина, большие черные стекла солнцезащитных очков отчетливо давали понять, что вчерашняя ночь имела определенное продолжение после окончания раута в консульстве. Устало опустившись на стул, Марк произнес:

- Показывай какие фирмы тебя устраивают.
- Вот мои отобранные материалы.

На каждом из них я написал сумму, которая должна была лечь на счета переданные заказчику ранее.

- Марк, с тобой все в порядке? Какой-то ты сегодня озадаченный.

Марк утвердительно кивнул головой, а за тем криво усмехнулся:

- Просто вчера я немного перебрал с виски. Видимо старею.

Я внимательно посмотрел на своего партнера и, отмахнувшись от навязчивых мыслей по поводу возможных проблем, в которые мог влезть Марк, с небрежной тактичностью воспитанного человека поинтересовался его делами.

– Все отлично, ты ведь меня знаешь. У меня всегда все под контролем. Можешь проверять свои счета к шести часам вечера, а я буду надеяться, что утром нужные нам заголовки появятся в виде черных букв на желтоватых листах старушки.

- Так и будет Марк.

– Вот и отлично. Тогда, если ты не против, я пойду. У меня сегодня еще пару встреч. До следующего раза. И встав со своего места, Марк быстрым шагом направился к стоявшему неподалеку такси.

Посмотрев в след Марку, легкое чувство беспокойства мелькнуло, как-бы пытаюсь догнать моего друга. Я знал Марка уже много лет. Знал его педантичность в обсуждении любого заказа, который мы брали. Что-то впервые за долгие годы сотрудничества было недоговорено. Какая-то неуловимая тревога легким перышком коснулась моего сознания, но... Это безликое «Но», позволило судьбе разыграть свою карту. Аромат аппетитных немецких сосисок окончательно отвлек мое внимание, а

свежесть прохладного пива развеяло все сомнения, предав моим тревогам оттенок беспечности. Раздумывая над тем, чем занять себя следующие несколько свободных часов, я решил вернуться в номер, взять камеру и отправиться в редко посещаемое туристами, но не фотографами, место: Собор Метрополии, он же собор Святого Себастиана, рассчитанный на двадцать тысяч человек. Мое желание не заключалось в моей вере, скорее в хобби. Во многих странах есть здания стиля модерн, которые каким-то образом вписаны в канон того или иного направления. Как классика перестает устраивать образ мысли современного общества, так и католический храм, расположившийся в центре Рио, был похож на одну из пирамид построенных Майя. Прослеживалась очевидная связь между сакральным смыслом строений прошлого и не менее гуманной историей европейского вероисповедания. Девяносто метровое конусообразное здание, с имитацией ступеней, ведущих к вершине и вписанной тридцатиметровой линзой вместо потолка, не могло меня не заинтересовать. К моему сожалению, собор оказался закрыт, и в охоте за хорошим кадром я всего лишь несколько раз обошел здание вокруг. Мое внимание привлекла литая бронзовая дверь. Сегодня она верным стражем охраняла четырех шестидесяти метровых витража, украшавших внутреннее пространство храма. Поискав интересные ракурсы, и в очередной раз убедившись в том, что архитектура может быть символом прошлого даже в настоящем, я отснял несколько кадров и решив не баловать свой объектив другими достопримечательностями, отправился в гостиницу.

Возвращаясь в отель, ко мне вернулось чувства легкого беспокойства по поводу поведения Марка. Пытаясь проанализировать всю картину в целом я не нашел ничего такого, что могло бы не соответствовать его словам о бессонной ночи и слишком большого объема выпитого. Обратив свое внимание на проезжающую тележку, торгующую мороженым, я махнул рукой. Купив порцию фисташкового, я продолжил свой путь, все время возвращаясь мыслями к Марку. Мы с Мари покинули консульство в два часа ночи. Когда Марк позвонил, было одиннадцать утра. Я ему дал час на то, чтобы собраться и приехать на встречу. Весь его вид говорил о том, что он не ночевал в отеле. Женщина? Возможно, но только не из консульства. Одиноких женщин я там не видел. Если не женщина, тогда что. И тут до меня дошло: «Лефройг» - прошептал я, а за тем громко выругавшись, потянулся за своим мобильным телефоном. Марк действительно страстно любил именно этот изысканный и достаточно дорогой напиток. За все те года, которые я знал Марка, он ни разу не позволил себе изменить этой привычке. Как он сам часто говорил:

«Лефройг - это не просто виски. Лефройг - это стиль жизни». И так, по моим подсчетам, после того как я его последний раз видел и до нашей сегодняшней встречи прошло не более десяти часов. Во время приема я ни разу не видел его с бокалом. Значит, Лефройг был употреблен уже после того, как мы покинули Ген консульство Италии. За те девять или восемь часов, которые у него оставались, Марк мог успеть набраться и относительно протрезветь, но он ни при каких обстоятельствах не смог бы избавиться от характерного запаха виски. По моему опыту я отчетливо знал, если человек с которым Вы зарабатываете начинает врать, это не сулит ничего хорошего. В лучшем случае, Вы просто не получите свои деньги, в худшем, Вы станете пикантной изюминкой субботнего некролога. С этим надо было разобраться немедленно. Набрав номер Марка, я долго вслушивался в монотонные, раздражающие сигналы, доносящиеся из трубки моего телефона. Я нервно прокручивал в руке начавшее таять мороженное. Наконец, по ту сторону, раздался голос Марка.

– Да, Стеф, привет еще раз.

Вялый, видимо сонный голос моего партнера немного успокоил начавшее разыгрываться воображение.

– Марк, я хотел поговорить на сче...

– О, ты позвонил как раз вовремя. - Перебил меня партнер. - У меня для тебя хорошая новость. Свои счета ты можешь уже проверять. Особенно довольны твоим согласием были парни из последней компании, которую пропустила твоя высокоморальная цензура. Они пообещали, что этот заказ не будет последним.

Слова Марка полностью изменили мои намерения. Набирая номер, я был в полной убежденности разорвать напрягающие меня сделки, но слова из телефона по поводу переведенных средств заставили мои сомнения отойти на второй план. Зная о каких суммах идет речь, таящаяся в глубинах моей души надежда, та самая дрянь, которая очень часто любит играть с рассудительностью в совершенно неподходящие случаю игры, вышла на передний план и заручившись поддержкой целой армии желаний в считанные секунды нанесла сокрушительный удар моим трем ангелам хранителям - подозрительности, бдительности и здравому смыслу. Немного помолчав, я просто спросил:

– Мне просто было интересно, все ли у тебя действительно нормально.

– Стеф, черт тебя подери, не будь занудой. Я так устал за эти дни, что мне

кажется, я просплю всю следующую неделю. Пока. - И с этими словами он положил трубку.

В этот момент аккуратный шарик фисташкового мороженого соскользнул прямиком на мой туфель. «Ну что за день сегодня такой. Еще этот Марк» - буркнул я. Но легкая улыбка проскользнула по моему лицу. Теперь я не только самый популярный, но и один из самых не бедных журналистов. Как любому человеку добившемуся успеха, мне было приятно думать, что деньги это определенный, бонус, который мне сама жизнь выписывала с завидной регулярностью. Протерев ботинок, я быстрым, широким шагом направился в отель с желанием побыстрее выполнить свою часть сделки. То, что на моем счету уже лежат все еще не мои деньги, было несколько ущемляющим мое самолюбие фактором.

Часом позже, сидя перед своим ноутбуком, я с наслаждением наблюдал за этой черной вереницей столь понятных мне символов. Открыв документ, я начал методично нажимать на клавиши компьютера. Спустя еще некоторое время, три аккуратно составленных письма, были отправлены по разным адресам. Я посмотрел на часы, они пробили шесть. Тело захотела влаги. К черту душ, только океан.

Облачившись в шорты и перебросив через плечо полотенце, я направился на пляж. Остывшие крупинки золотой россыпи песчаного побережья Копакабаны сливались в единую цепь маленьких волнистых барханов, ступив на которые каждый мог почувствовать себя легендарным титаном, возвышающимся над краем вечности этой удивительной, играющей красками жизни Вселенной. Скользнув взглядом по упорядоченной линии свободных шезлонгов, я прошел мимо. Сказочная Наяда в неустанном волнении шептала изумрудом глубин. Скинув пляжную одежду, я по щиколотки зашел в воду. Маленькие, едва успевшие родиться, но не успевшие окрепнуть капли жизни нежно окутали мои стопы. Мне захотелось зайти глубже. Искусно сплетенные сети природы манили усталого путника, обещая доверившемуся открыть целый мир загадочных таинств и откровений. Через минуту все мое тело погрузилось в теплую, обласканную бразильским солнцем воду. Отплыв на достаточное расстояние от берега я набрал полную грудь горьковатого, соленого воздуха, нырнул и открыв под водой глаза, замер, всматриваясь в глубинные краски искусно созданные преломляющимися лучами заходящего солнца. Чем дальше я оставался под водой, тем более яркими, кричащими и неповторимыми казались дорисованные обостренным воображением картины. Никогда ни один рукотворный водоем, не сможет передать все то разнообразие образов, как и искусственно

созданный свет не в силах раскрасить все прелести первозданных эмоций, которыми несомненно обладает Мир который мы знаем. Придуманная самим Посейдоном, независимая форма объединенных жизнью частиц, таких доверчивых по отношению к друг другу и таких свободных в своей искренности. Перевернувшись на спину и, раскинув подобно жарким солнечным лучам руки и ноги, превратившись в одну из всех тех томящихся в одиночестве, вечно горящих звезд, я закрыл глаза, прислушиваясь к наполняющим меня ощущениям.

9

Сквозь крепкий утренний сон до меня донеслись обрывки властного и строгого голоса.

– Стефан Майерс?!

Я перевернулся на другой бок.

– Стефан Майерс!

Слишком реально для сна. И слишком страшно для реальности. Я быстро открыл глаза. В комнате находились несколько мужчин. Грабители! Я рывком попытался встать с кровати, но пара крепких ладоней с силой прижали меня обратно.

– Что здесь происходит? Я Гражданин Америки! Кто Вам дал разрешение врываться ко мне?!

В номере началось оживление. Надо мной навис высокий мужчина.

– Кто Вы? - Повторил я вопрос.

Вместо ответа перед моими глазами на секунду возник блестящий полицейский жетон и исчез.

– Ричард Джонсон. Следователь по особо важным делам центрального отделения полиции Рио де Жанейро.

Надо отдать должное, это звучало важно и опасно. Ричард что-то сказал на своем языке и отвернулся. Одежда было бесцеремонно сорвана, а на мои руки одеты холодные, сковывающие движения браслеты.

– Это какой-то абсурд! - Закричал я.

Громко, надменно хмыкнув, представившийся полицейский бесцеремонно заявил голосом, который явно подтверждал то, что его обладатель уверен в своей правоте и вправе делать то, что он делает:

– Ну а что ты хотел?! Убил? Убил! Деньги получил? Получил! Убежать хотел? Хотел, но не успел! Вот и все. Ты совершил преступление, я тебя поймал. Закон.

– Что Вы несете? Если Вы меня в чем-либо подозреваете, хотя это полная нелепость, то я имею определенные права. Разве не так? Я требую телефонный звонок и своего адвоката.

Увидев, что никто не собирается ничего объяснять, мне оставалось просто следить как следователь, заручившись поддержкой двух свидетелей в виде ничего не понимающих, испуганных горничных, словно дьявольский дирижер руководил обыском в моем номере. Я с испугом посмотрел на изъятый компьютер, сборник цифровых отпечатков ведущих к моим финансовым операциям. Немного успокоившись, я начал анализировать происходящее. Мысли не вязались в единую взаимосвязанную цепь, и не могли привести меня толком ни к какому умозаключению, кроме того, что я лежу в наручниках на кровати и мне шьют особо тяжкое преступление, которое я естественно не совершал. Я все еще не терял надежду, как и остатки самообладания на ужаснейшую ошибку которую, эти особо серьезные ребята, из особо серьезного отдела допустили в отношении гражданина самого юридически подкованного государства на этой планете. Внезапно я взорвался:

– Вы можете объяснить, что здесь происходит? Кого именно я убил? Каким образом и когда?

Ричард медленно подошел. Несмотря на изначально предвзятое отношение, его правильные черты смуглого без эмоционального лица, с темными внимательными глазами, создавали впечатление ума и рассудительности. Поняв, что тут есть с кем вести диалог, я попытался снова прояснить ситуацию.

– Я уверен, что сейчас происходит страшная ошибка, и мне не хотелось бы чтобы это все имело последствия.

Следователь обернулся и усмехнувшись, громко произнес:

– Если вам станет легче, и Вы перестанете приставать ко мне со своими глупыми вопросами, то я с удовольствием отвечу на пару из них. Во-первых, Вы не имеете абсолютно никаких прав. - Посмотрев в мои удивленные глаза, поспешил меня утешить. - По моему мнению, Закон и Право находятся в одной весовой категории. Если Вы решили пренебречь Законом и нарушить священное право на жизнь другого гражданина, то по какой причине Закон должен быть благосклонен к Вам и позволять Вам пользоваться всеми благами правовой системы? Но я надеюсь, вы оцените мою доброту.

– В каком смысле? - Он многозначительно провел указательным пальцем вдоль

горизонтального положения моего тела и, словно змея, прошептал.

– Я спасу Вас от позора и позволю надеть штаны, перед тем как мы отправимся в участок.

10

Дорога в участок не отличалась особым комфортом, но и откровенно ужасной ее вряд ли можно было назвать. Небольшой автомобиль комби, с отделенным задним сиденьем жесткой, черной стальной сетью вызывал неприятные, раздражающие ощущения. Прозрачные стекла создавали еще больший дискомфорт. Лишенные хоть небольшой тонировки они пропускали сотни, если не тысячи любопытных взглядов прохожих. Удивительно, как в зависимости от ситуации меняется видение одного и того же города. Еще недавно мы с Мари ехали на роскошном автомобиле после посещения правительственного заведения и двум счастливым людям улицы казались наполненными сказочными огнями, встречающиеся прохожие абсолютно счастливыми, а для самих себя мы были просто ярко выраженными образцами успеха. Теперь же город мне казался слишком шумным, воздух душным, а люди излишне любопытными. Перед участком я увидел то, что мне совершенно не понравилось, но было более чем ожидаемо. С десятков людей, в руках которых был целый арсенал современного информационного оружия, ожидали, по всей видимости, именно меня. Как только наш автомобиль попал в поле зрения журналистов, и кто-то из них поднял шум, камеры, как фото, так и видео, были мгновенно переведены в боевую готовность. С переднего сиденья донеслись слова.

– Поздравляю, Вы теперь звезда. Я хмыкнул.

– Простите, но если бы я не был звездой, то и этих людей здесь не было. Скорее это я могу Вас поздравить. Только подумайте о всех тех комментариях которые будут месяцами ходить как тихим шепотом, так и громким хохотом по всем тем улочкам на которых Вам предстоит работать в будущем. Видите всю эту не обремененную правдой братию, которая в исступлении жаждет крови праведников, надеясь на похвалу своего начальства? Так знайте же, я их король.

В этот момент наши глаза встретились. Война. Людям по своей природе свойственно жить и бороться за то, во что они верят, ценят или любят. Но есть вещи, ради которых мы готовы умереть. В данном случае, каждый из нас понял, как только я выйду из машины - начнется гонка, в которой проигравшего ждет публичная казнь. Отлично осознав в какое положение по воли неизвестного, длинного языка попал

Ричард, я улыбнулся.

«Мистер Стефан, как вы можете комментировать все происходящее? Вас обвиняют в убийстве. Это правда? Что Вы собираетесь делать? Это заговор против Вас? Это связано с недавним посещением посольства?».

Со всех сторон начали доноситься различные вопросы. Два полицейских довольно грубо расчищали дорогу к участку. Я шел нарочито медленно, несмотря на толкающую в спину ладонь Ричарда. Шел и вслушивался в каждый заданный вопрос. Иногда важные сведения можно услышать даже из уст человека, который не знает, что он ими обладает. Резко остановившись, я громко произнес.

– Всего один совет от Стефана Майерса. «Жертва спрашивает, в то время как хищник утверждает. Утверждайте дамы и господа! Утверждайте!»

Прохлада и тишина, царящие в участке, говорили сами за себя. В этом месте лучшие из лучших упражнялись в наказании худших из худших. Себя же я не относил ни к первой, ни ко второй группе, так как в силу своей профессии не верил как в идеализацию первых, так и демонизацию вторых. Я просто был непревзойденным жонглером правдой, молчаливым мимом кристальных стекол лжи и изредка по праздникам становился особенным персонажем, тем, кого я сам называл «эстетикой собственного эгоизма». В общем, я был Стефаном Майерсом.

11

Мраморный, слегка шершавый пол, гулким эхом приветствовал различные виды как грубых мужских, так и уверенно цокающих женских каблуков. Обувь, которую я успел надеть, была в большей степени шлепающей. Мои синие, пляжные тапочки очень даже неплохо сочетались с моей голубой шелковой рубашкой и кремовыми котоновыми брюками. Что то сказав проходившему мимо полицейскому, Ричард отправился вверх по широкой лестнице с частыми каменными ступенями. Меня же повели в совершенно противоположном направлении. Пройдя несколько поворотов, предо мной открылась дверь подвального помещения. Видимо таким образом психологическое давление на гипотетического преступника должно было достичь своего апогея. Но так как я таковым себя совершенно не считал и понимал что в данный момент я достаточно известная личность, как в Бразилии, так и за ее пределами. Ведь не каждый же день арестовывают именитого иностранного журналиста, то и угрозы для моей жизни я не видел. Мне оставалось просто ожидать, пока органы власти будут так любезны и предоставят мне слово для презумпции.

Маленькая, выкрашенная в белый цвет комната, была обставлена по крайней линии минимализма. В центре напрягающе хорошо освещенного помещения расположились два железных раскладных стула и такой же холодный, привинченный к полу стол. На нем стояла легкая пепельница из фольги, подобная тем, какими уставлены множественные закусочные быстрого приготовления по всему миру. Завершала эту картину вмонтированная, под самым потолком видеокамера с довольно хорошей оптикой. Я глубоко вдохнул. Воздух был сперт и создавалось ощущение, что это было сделано специально. К моему удивлению, после того как меня посадили за стол, браслеты, которые уже успели порядком надоесть своим унижающим дискомфортом, были сняты. Еще через несколько минут передо мной лежал небольшой диктофон, а на стуле, по другую сторону стола, сидел следователь по особо важным делам.

– Добрый день. Меня зовут Ричард Джонсон. Я прошу, чтобы Вы назвали свое полное имя, возраст, чем занимаетесь.

К слову сказать, Мистер Ричард за тот короткий срок, что он выпал из моего поля зрения, успел преобразиться в лучшую сторону. Белоснежная рубашка была приталена и аккуратно заправлена в академические брюки, на ногах красовались блестящие туфли из кожи какого-то рельефного животного, волосы средней длины были педантично уложены назад.

– Я уже начинаю подозревать, что Вы надели предыдущий наряд специально для меня.

– Простите? Удивленно, Ричард слегка склонил голову, пытаясь разобраться к чему я клоню.

– Согласитесь, что я прав.

– Мистер Стефан, я не уверен, что понимаю Вас. - Откровенное замешательство отразилось на лице сурового следователя.

– Ну и ладно. Я только хотел Вам сказать, что наряд наркоторговца вам идет больше, чем форма увлекающегося баскетболом подростка. Вы выглядите более солидно и мужественно.

Я вздрогнул всем телом. Две ладони с оглушительным грохотом обрушились на железный стол.

– Хватит, Вы будите отвечать за то, что совершили! По-другому ни как! Я хочу, чтобы вы четко уяснили себе три вещи! Со мной невозможно договорится, во вторых,

я всегда довожу начатое до конца! В третьих, я с легкостью докажу твою вину! Так что давай играть по моим правилам иначе я...

– Что ты! – Сорвавшись, я с гневом на лице начал кричать в ответ. – Во-первых, я не скажу ни единого слова без адвоката! Во вторых, если Вы думаете что эти ребята, которые облепили участок со всех сторон, не имеют терпения, то Вы глубоко ошибаетесь. Они могут без твоего ведома залезть в зубастую задницу мистера Ричарда и будут копать так глубоко, что ты даже не проснешься когда они начнут чесать твои гланды. Я видел твои глаза, когда вся эта свора начала приближаться к автомобилю. Давай ка я тебе объясню всю хреновость данной ситуации. Не последний человек в этом городе арестовал не последнего человека в этом Мире. И как ты думаешь, что произойдет в том случае если ты не сможешь доказать то ужасное преступление, которое я уверен что не совершал. Это, между прочим, международное дело. Возможно, здесь все делается именно так, как получается, но в моем, псевдо цивилизованном мире делается немножко по-другому. Я знаю, как работает пресса. И сейчас они готовы зажарить любого из нас. Мистер Майерс, ровно как и мистер Джонсон, это не Преступник и Закон, это, возможно, не невиновный гений журналистики и продажный следователь. Это всего лишь два куска мяса, на которых можно с легкостью сорвать пару сотен, а возможно и тысяч хрустящих бумажек. А в то время пока мы с тобой орем друг на друга, сюда летят титаны нашего гнилого, продажного, но такого прибыльного бизнеса. Давай я тебе назову трех ангелов апокалипсиса твоей карьеры. - Перейдя на зловещий, шипящий шепот, я начал загибать пальцы на руках. - «Бизнес неделя», «Вельт», «Глобус и почта», «Времена», «Чикагская трибуна», «Вашингтон пост». Ой, их уже больше. И я тебе называю только тех, которые мне платили зарплату именно за аналогичное дерьмо. Так что я хочу, чтобы ты понял одну вещь. Я не хочу быть козлом отпущения, точно так же как и ты не хочешь оказаться патрульным на тех улицах, где ежедневно прорастают семена, посаженные всеми теми особо опасными, которые по чьей-то вине оказались за решеткой. Адвоката мне! И телефон!

Ричард расстегнул верхнюю пуговицу своей рубашки, внимательно посмотрел на меня, поднялся со стула и тихо произнес:

– Будет тебе адвокат.

Я устало откинулся на спинку стула и пустил руки в замок на своем затылке:

– Хоть в чем убийстве меня обвиняют?

Уже успевший постучать в двери Ричард обернулся и пристально начал всматриваться в мое лицо.

– Тебе знакомо имя Марк Уотенберг?

Я медленно поднял глаза на следователя. Секунду подумал и ответил:

– В звонке я больше не нуждаюсь. Лучше принесите мне сигарету. Ричард молча кивнул и вышел.

Не многие люди удостоиваются отдельного места в чьем-либо сердце. Но если так происходит, то это навсегда. Череда событий, одно за другим неустанно вяжут узелки привязанности одного живого существа с другим. Зачастую эти связи не имеют никакого запаса прочности и рвутся при малейшем натяжении жизненных нитей, но не в этот раз. Люди занимают свои места в поезде наших судеб не тогда когда все хорошо. Они вгрызаются в наши души именно тогда, когда все плохо и нет ни малейшей надежды на теплые солнечные лучи, которые смогут рассеять весь тот окутывающий туман личных, финансовых и прочих проблем. Марк умел кусаться как никто другой. Человек по своей природе это охотник, который просто обязан преследовать свою цель в погони за собственной мечтой. За той мечтой, которая заставляет нас выйти из тени собственных опасений и вынуждает пуститься в опасную гонку, длинную в целую жизнь. Для меня Марк был не просто другом, жизненным спутником на которого можно было положиться в любой ситуации. Он был нечто большее. Только сейчас, сидя на бездушном железном стуле, перед ломающим жизни столом, я осознал - я никогда не был неотъемлемой частью Марка, но Марк всегда был частью меня. Без этого парня, научившего меня рисковать, смотреть на каждое поражение как на обязательное условие победы в целой войне, я стал другим. С каждой секундой проведенной в этой душной, подавляющей волю клетке в моей душе разгоралась злоба, ненависть, ярость. Вот какие чувства вырвались на свободу. Я не есть добродетель. Я есть гнев. Момент, когда приходит осознание того, что находится в чистилище мироустройства больше невозможно. Я жаждал свободы во имя разрушения. И мне было абсолютно неважно, как это будет выглядеть в глазах других ничего не понимающих людей. Подойдя к двери, я громко постучал кулаком:

– Мне необходимо поговорить с Ричардом. - Мне никто не ответил. Я постучал еще раз. Тишина.

Через несколько минут ожидания, по ту сторону двери послышались шаги, сопровождавшиеся отчетливой руганью. Говорили на местном, но я уже успел

запомнить голос Ричарда. Он гневно возражал другому мужчине. Голос второго, был в большей степени спокойным, чем грубым. Я поспешил занять свое место. Зашедший Ричард был в не себя:

– Вам повезло. Наш участок получил бумагу о Вашем переводе.

Эта информация меня насторожила.

– Куда переводят? Я думал, что мы с Вами разберемся во всей ситуации. Разве не Вы занимаетесь расследованиями связанными с убийствами?

Ричард утвердительно кивнул головой, сохраняя при этом полное молчание. Я развел руками:

– С чем связан мой перевод и куда именно меня переводят?

После недолгого молчания, Ричард заговорил:

– Майерс, я знаю не больше Вашего. Мне сказали доставить Вас в аэропорт, воздушный Маршал уже направляется в участок. Я так понимаю, никому не выгодно, чтобы наш отдел копался в Ваших делах.

– Но Вы же следователь. Вы можете затянуть дело. Притяните к делу кого-нибудь местного. Вам ведь это не сложно. Лицо полицейского из задумчивого приняло удивленный вид:

– Мне кажется, Вы должны быть рады тому обстоятельству, что Вами будут заниматься на Родине. Там Вы, вероятно, сможете уйти от правосудия.

– Именно поэтому мне необходимо остаться. Я не ищу возможности уйти от закона. Сколько у нас времени?

Ричард посмотрел на небольшой металлический круг, поблескивающий на запястье:

– Около получаса.

– Тогда включайте свой диктофон и слушайте.

В оставшееся у меня время я попытался как можно скрупулезнее передать Ричарду всю имеющуюся у меня информацию. Я лишь упустил тот факт, где именно Марк доставал заказы и каким образом я внедрял свои рецензии в топовые издания по всей планете. Отчетливо понимая, что таким образом я подписываю собственной карьере смертный приговор, и не в том плане, что полицейские смогут выйти на людей с которыми я сотрудничал или же доказать мою вину в финансовых махинациях, а в том, что с теми кто попался, стараются больше не пересекаться. Но стоящее у меня перед глазами лицо Марка перечеркивало любые значимые желания

и перспективы. Записав весь наш разговор, Ричард достал пленку и аккуратно положил ее на стол между нами.

– Стефан, я надеюсь, что Вы понимаете всю серьезность того, что на этой пленке. Если пойдет разбирательство по Вашим публикациям, то у очень многих компаний будут большие финансовые потери. Я, конечно, попробую оставить Вас под нашей юрисдикцией, но вряд ли у убойного отдела получится привязать убийство мистера Уотенберга к событиям, описанным на этой пленке. Но в любом случае, я постараюсь найти доказательства Ваших слов.

– А с какой стати Вы думаете, что это я убийца одного из двух самых дорогих для меня людей?

– За час до убийства мистер Уотенберг позвонил в полицию и сказал следующее: «В моей смерти виновен Стефан Майерс». Ну и во вторых, за несколько минут перед убийством с одного из счетов, к которым имел доступ потерпевший, был сделан перевод значительной суммы денег прямоком на Ваш счет. Как Вы сами понимаете, этих поводов достаточно для получения ордера на Ваше задержание.

– А Мари? - спросил я.

– Вам не следует переживать по поводу этой женщины. На этот момент она проходит всего лишь как свидетель. После дачи показаний и подписки о не выезде за пределы города мы приставим к ней наших людей и отправим ее домой.

Я несколько раз кивнул головой. Последний вопрос:

– Почему все-таки спортивный костюм?

Ричард впервые рассмеялся. Его улыбка была искренняя и в какой-то мере даже обаятельная.

– Все просто. Я действительно играю в баскетбол. Я не думал, что бумагу на Ваше задержание подпишут так быстро. Меня напарник подхватил прямо с баскетбольной площадки в мой выходной. И видимо не зря.

В коридоре снова послышались шаги. Ричард быстрым движением руки спрятал пленку с полученной информацией в задний карман брюк. Дверь открылась.

– Добрый день. Вот бумага на перевод. Подготовьте клиента для транспортировки. Меня зовут Дик Хаидентор, а это мой коллега Джексон Сомвиль. Воздушная служба маршалов США готова доставить мистера Майерса на его родину для последующего разбирательства.

Ричард медленно снизу вверх осмотрел каждого из новоприбывших. Затем так

же неспешно пожал две синхронно протянутые руки:

- Оперативно же Вы работаете.

Дик усмехнулся и отмахнулся одновременно:

– Стараемся. Зачем Вам лишние хлопоты. Будем считать, что мы Вас избавили от головной боли.

Ричард оставался без эмоционален.

– Наши проблемы - это наша забота. Подгоните машину к заднему выходу, через несколько минут мы будем готовы.

Маршалы переглянулись:

- Вы тоже едите?

– Нет, я направлю моего коллегу. Пока Стефан Майерс находится на территории Бразилии, мы отвечаем за него.

- Ну, тогда по рукам.

Дик и Джексон посмотрели мне в глаза, я ответил тем же.

Когда маршалы покинули комнату, Ричард с помощью пальцев прошелся барабанной дробью по холодной жести стола.

- С Вами поедет Эстер — сказал Ричард.

- Вы же говорили, что попытаетесь оставить меня под своей юрисдикцией.

Следователь тяжело вздохнул:

- Посмотрите на бумагу. Это высший суд правосудия.

Я удивленно приподнял голову, ожидая объяснения.

– Этот орган власти обычно занимается политическими делами, а не уголовными. Возможно, Вы виновны, а возможно и нет. Со своей стороны я попытаюсь провести расследование, но я ничего не обещаю.

И вытянув из брюк небольшое кожаное портмоне, достал маленькую визитную карточку:

– Когда Вы попадете на Родину и обзаведетесь хорошим адвокатом, передайте ему мои координаты. Я считаю, что нам будет полезно поддерживать связь в любом случае.

12

Стукнув один раз в дверь Ричард дал распоряжение, чтобы Эстер готовилась к транспортировке подозреваемого. Очевидно, что следователь не мог верить моим

словам, а тем более моим догадкам и суждениям. Но было очевидно, что сомнения потихоньку начали грызть его заточенное опытом профессиональное чутье. Прежде чем мы расстались, Ричард пообещал обеспечить Мари безопасность на то время, пока обстоятельства всего произошедшего не будут полностью выяснены. Десятью минутами позже аккуратная, коротко стриженная, темноволосая девушка среднего роста, обладающая слегка выдающимися скулами, красивыми, миндалевидными глазами зеленоватого цвета, подчеркивающие яркие испанские черты, уже ожидала меня перед запасным выходом из участка.

– При полном наряде? - Ричард усмехнулся - «GATE» тебя не отпускает!

С этими словами он аккуратно приложил крепкий кулак к небольшому, полицейскому бронезилету - Умница, я в тебе не сомневаюсь.

– Поехали уже. Лучше на самолет не опаздывать.

Молча кивнув Ричарду, мы попрощались. На моих руках снова красовались доставляющие неудобства наручники. В этот раз ключ принадлежал одному из воздушных маршалов. Интересно, что подумает Мари обо всей этой ситуации. Неудобно получилось. Кто-кто, но она точно не заслужила такого завершения наших обоюдных надежд.

Тахо, черная величественная птица пыльных дорог Америки. Вся мощь современной автомобильной промышленности была отчетливо выражена в этой четырехколесной крепости. Вместе с Эстер мы были посажены на заднее сиденье. Передние кресла заняли Маршалы. Первые десять минут мы ехали молча. Только тихий шепот трущихся об асфальт шин изредка доносился откуда-то снизу. Первыми заговорили маршалы:

– Майерс, за что тебя взяли?

Мне не хотелось отвечать.

– Джексон, взгляни на него. Я не думаю, что он чересчур опасный парень.

– Нет, ну серьезно, мне просто интересно. Я постоянно слежу за каким-либо дерьмом и совершенно ничего не знаю о том с кем имею дело.

До этого времени хранящая молчание Эстер вмешалась в разговор:

– Парни, Вы явно недооцениваете мистера Майерса и я на самом деле, советую Вам приструнить свои ковбойские языки.

Маршалы переглянулись, а за тем неожиданно расхохотались.

– Дик, ты слышал ее, малютка знает то, чего не знаем мы.

– Милашка, что он такого совершил?

Я внимательно посмотрел на сидящую рядом со мной девушку. Два небольших шрама, которые тянулись от правой брови и уводили взгляд заметившего их куда-то в глубь густых коротких волос, были отнюдь не лишними и совершенно не испортили складывающееся впечатление. Будь мы в другой ситуации, я бы обязательно пригласил ее на фото сессию. Но сейчас я мог позволить себе просто наблюдать. Меня всегда привлекали люди нестандартных профессий.

– Ребята, давайте каждый из нас будет делать свое дело. Я уверена, что у Вас еще будет время с ним поговорить. Кстати, меня всегда удивляло, как вам не надоедают постоянные перелеты.

Дик слегка наклонил голову и ответил:

– Все дело в деньгах, везде чертовы деньги. Плюс название. Вот, смотри как звучит. Агент секретной службы, воздушный маршал Дик Хайдентор. Поверь мне, оно того стоит.

Эстер о чем то задумалась. Маршалы тоже примолкли. Дик включил радио. По всей машине разнеслись зажигающие ритмы рокн-ролла. Так продолжалось еще минут пятнадцать. Как бы ни старался Дик рывками пускать машину в обгон, но все больше уплотняющееся дорожное движение не позволяло ему ехать с желаемой скоростью.

– Черт побери, всегда избегал центральные магистрали этого города.

Джексон резко посмотрел на Дика. Маршал осекся. Между всеми пассажирами началась тихая игра в переглядывания.

– Эстер, возможно, ты наберешь Ричарда, пусть отправит машину сопровождения, а то мне не очень хочется пропустить свой рейс.

Я вымученно улыбнулся. Эстер просто сидела и слегка прищурив глаза смотрела в кресло перед собой совершенно пустым взглядом. Дик кашлянул:

– Не стоит тревожить шефа. И вообще кто это тебе дал право на слово? Джекс, ты помнишь такое?

Напарник отрицательно покачал головой. Водитель взглянул на встроенный навигатор и машина начала медленно перестраиваться в левый ряд. Эстер тихо сказала:

– По Левингтон объехать не выйдет, там ремонт уже две недели идет.

Успевший заскочить в поворот на Левингтон черный металлический гигант даже

не думал тормозить. Машина с поразительной легкостью для ее массы набирала скорость. Я краем глаза увидел, как Эстер медленно опустила руку, и слегка подержав ее на ноге, плавным движением подтянула к покоившемуся в набедренной кобуре оружию. Большой палец бесшумно взвел курок.

Вероятность смерти пахнет страхом и чем больше эта самая вероятность, тем сильнее в душу въедается этот проклятый запах. Оцепеневшее тело начала окутывать муравьиная смута возмущенная поведением Мохаве, которая не преминула заявить свои права на пересохшую полость рта. Трое взрослых людей имеющих оружие и совершенно противоположные цели оказались запертыми на площади не превышающей двух квадратных метров. Интуитивно поняв чем все закончится, мой мозг начал просчитывать всевозможные алгоритмы спасения. Но неизменно из каждой меня выносили вперед ногами. Видимо из за ремонта дороги, машины присутствовали только как стоящие у обочины декорации.

– Дик, Остановите машину. - Голос Эстер был впечатляюще спокойный и безразличный, но в тоже время в нем отчетливо прослеживались властные нотки человека который требует беспрекословного подчинения.

Спустя несколько секунд машина начала постепенно замедлять движение.

13

Руни, кушай мороженное медленно. Запустив свою ладонь в шkodные, каштановые завитушки своего восьмилетнего сына Антонио вздохнул, представив что ему придется выслушать от матери в случае если Руни простудится. Но в этот, один единственный день из тридцати, когда суд разрешил ему Антонио Джазе настоящему, любящему отцу проводить время со своим мальчиком, он был не в силах отказать своему малышу в любой прихоти. Сегодняшний день, был чудесным, в прочем, как и всегда, когда они встречались. Утром, Антонио выслушал множество наставлений от матери Руни. Они касались не только «как», «что», «куда», «где» но и «почему», «когда», «зачем» должны были делать Антонио с сыном в течение всего разрешенного времени. Спустя некоторое время, погасив в себе раздражение, возникающее всякий раз при воспоминаниях о своей бывшей жене, Антонио наблюдал с каким удовольствием его сын, катается на каруселях. Рядом стоящая женщина, проследив за взглядом Антонио, с какой теплотой и нежностью он смотрел на своего малыша сказала:

– Мне кажется, что Вы отличный отец.

Антонио ответил ей, что нет ничего лучшего, чем дарить радость тому, кого любишь. Но на самом деле он понимал, что одно воскресенье в месяц это слишком маленькая компенсация за три разбитые жизни. И вырывая у судьбы этот день Антонио старался наполнить его такой лаской, чтобы хоть как-то компенсировать свое отсутствие в жизни Руни на протяжении целого месяца. Ему было больно осознавать, что не он каждый вечер целует Руни на ночь с пожеланием спокойной ночи, что не им рассказанная на ночь сказка вплетается в его сновидения, что не он является каждодневным спутником его взросления. Медленным шагом Отец с сыном направлялись в сторону дома. Казалось, что шаг взрослого мужчины был намеренно слишком неспешен. Возможно, так и было, ведь никому не хочется расставаться на целый месяц с тем, кого по-настоящему любишь.

– Пап, пап, смотри какой автомобиль.

– Да он очень красивый. Я уверен, что у тебя будет такой же, когда ты вырастишь.

Отец слегка прищурил глаза. Ему показалось странным, что машина такого класса медленно катится по не слишком благополучному району.

– Пап, ты посмотри на его колеса, они такие большие, красивые и блестящие.

Антонио подошел к краю бордюра и обнял за плечи Руни. Будучи единственным движущимся автомобилем на целой улице он выглядел немного зловеще, но от этого не менее величественно. Черный лак Тахо играл мышцами во всех отблесках теплого, уютно желтого домашнего света, который с регулярной периодичностью падал из окон жилых домов. Мальчик и его отец, две надежды стояли и просто наблюдали, как дорогой, красивый автомобиль поравнялся с ними. На секунду Антонио показалось, что это его машина. Достаточно просто подойти, открыть дверцу и все изменится. Он сможет посадить своего мальчугана, и уехать так далеко, что мама Руни никогда не сможет забрать его.

В этот момент из машины донеслось несколько громких хлопков.

14

Медленным движением Дик потянулся к аудио системе. Музыка стала громче. Вернувшись в исходное положение, он положил свою левую руку на руль, правую я не видел. Два к одному, я понимал, что Эстер придется выбирать между тем, чтобы спасти себя или сохранить жизнь мне, белому иностранцу, которого подозревают в убийстве своего друга и по совместительству компаньона в финансовых махинациях.

Не слишком ценный кадр. Но мои мысли прервал оглушительный выстрел. Эстер решила стрелять прямо от бедра. С переднего пассажирского сиденья раздался крик. Несколько выигранных мгновений девушке хватило, чтобы сразу после открытия огня одним мощным рывком встать между мной и направленным на меня дулом пистолета Дика. Следующие выстрелы произошли один за другим. Я только чувствовал как задняя плита бронезилета Эстер сильными толчками била меня в плече и висок, а за тем на мою щеку брызнуло, что-то теплое. Все затихло.

Иногда тишина может быть страшнее крика или выстрела. Тишина может быть послесловием ужаса. Я был жив, мои колени стояли на коврике для ног, над собой я ощущал всю тяжесть обмякшего тела Эстер. Пошевелив плечами, я аккуратно попробовал открыть двери. Они были заблокированными. Оглушение начало понемногу проходить, я услышал слабый стон Эстер и сильные хрипы, исходящие от впереди меня сидящего Джексона. Я посмотрел на Дика. Мое тело содрогнулось от череды рвотных позывов. У ложного маршала практически не было лица. Одна пуля прошла чуть выше губы, лишив Дика носа, вторая прилетела в бровь над левым глазом. Несмотря ни на что, мне надо было перебороть страх и найти кнопку отпирания дверей. Только сейчас я заметил, что машина все еще находится в движении. Несколько раз глубоко, надрывно вдохнув я потянулся рукой к ручному тормозу. Машина дернулась и остановилась. От толчка я потерял равновесие, так как наручники сковывали мои движения, не давая возможности держаться, я упал. Повернув голову, мои глаза встретились с глазами Джексона. Он, согнувшись хрипел, прижимая две руки к грудной клетке. Увидев меня, его правая рука попыталась дотянуться до моего лица. Я вскрикнул и схватившись за пиджак Дика потянул его на себя. Тело тяжело опустилось, освобождая доступ до заветной кнопки блокировки дверей. Один момент и щелчок свободы. Я буквально вывалился из машины смерти. Привстал и посмотрел внутрь. Оставшийся в живых маршал с искаженным от боли лицом пытался дотянуться до выпавшего из рук пистолета. На шатких, едва гнущихся от страха ногах я сделал с десяток шагов в сторону. Потом выругался и остановился. Нужно было вытащить Эстер. Ноги отказывались повиноваться. Страх сковывал все тело, ползучей змей сдавливая грудную клетку. Капли пота застилали глаза и машина, из которой я только что выбрался, казалась каким-то расплывчатым пятном несущим смерть. Усилием воли я заставил себя повернуться к машине потому что понимал, подлость, как и трусость, бывают разными. С некоторыми мы можем продолжать жить, вступая в некий компромисс, а другие лишают возможности спать ночами,

испепеляя саму перспективу будущего. Набравшись решимости, я приблизился к машине. Рывком открыв дверь, я схватил лежащую без сознания девушку за лямку бронезилета. Моя рука сразу стала мокрой и липкой. Подтянув Эстер на себя, я подхватил ее под руки и вытащил из машины. Моих сил хватило, чтобы протащить Эстер несколько метров назад по улице. Опустив девушку под освещенное фонарем место, я смотрел и не знал, что делать дальше и только постоянно повторял: «Вызовите скорую».

– Отойдите. От неожиданно раздавшегося рядом голоса я вздрогнул и отшатнулся.

– Помогите мне, надо снять бронезилет. Если ей даже и не сломало грудную клетку, то деформация пластин не даст нормально дышать.

Когда жилет был снят неизвестный мужчина начал осматривать рану около шеи, из которой шла кровь.

– У нее сквозное ранение в области ключицы. Насколько я могу судить задеты только мягкие ткани. Ей надо в больницу.

Я отрешенно смотрел на происходящее. Практически в каждом окне стояли люди. Они просто стояли в окнах. Темные силуэты, немые свидетели только что разыгравшейся трагедии.

– Руни, не подходи сюда. Стой там, стой так, чтобы я тебя видел, папа просто делает свою работу.

Постепенно начали скапливаться прохожие. Кто-то воскликнул: «Смотрите, в машине тоже живой». Этот возглас вернул меня к действительности. Бежать, немедленно бежать. Увидев, что Эстер находится в надежных руках, я начал медленно двигаться вверх по улице. Мое положение осложнялось тем, что я не знал у кого именно был ключ от моих наручников. А так как мне совершенно не хотелось обыскивать парочку, которая находилась в машине и, тем более, мне не хотелось этого делать на глазах у любопытных жителей квартала, я просто пошел.

В пляжных тапочках, в когда-то светлых штанах и запятнанной кровью рубашке, я медленно удалялся от целой череды вяжущих жизненные узлы ситуаций и продолжающего играть мелодию зажигательного рокн-ролла в черном пищушем свою историю Тахо. Просто шел, не зная что делать дальше, но отчетливо понимая, что эти ребята меня достанут везде. Каждый проезжающий мимо автомобиль, каждый прохожий в моем возбужденном воображении был либо бдительным полицейским,

либо кровожадным, поджидающим меня убийцей. Мои ноги не чувствовали усталости, мои глаза пытались найти самые темные места на улице. Пройдя квартал, я снял рубашку, оставшись в майке. Рубашка пошла на то, чтобы скрыть наручники.

Еще одно видение ночного города. Рио был бесподобен. Возможно, из-за того, что я все еще был жив, а возможно, он именно таким и был. Если Бог на седьмой день действительно отдыхал, то именно в Рио. Я усмехнулся собственным мыслям. Прошло еще мгновение, и громкий смех раскатился по засыпающему городу. Нервное напряжение, наконец, нашло выход. Я шел и смеялся. Тому, кто знал мою предысторию, должно было показаться, что я смеюсь над самой смертью, из лап которой я так ловко ускользнул. Но на самом деле я каждым своим вдохом был обязан маленькой героине. Какая мощь, сопротивление и доблесть должны были вырваться наружу. Эстер останется навсегда в моем сердце. Произошедшее доказывало, что чистый человек готов умыться своей кровью. Грязный пытается отмыться чужой. Я зевнул. Когда я покинул автомобиль было не больше девяти часов вечера. Сейчас же солнце уже готовилось вступить в права наследования Мира. Часть неба по левую сторону от меня была чуть светлей общей картины небосвода. Заметив особенно черный переулок, один из тех, которыми были щедро усеяны небольшие, узкие улочки я поспешил укрыться в его сумраке. Немного пройдя внутрь, тяжело опустился за каким-то железным ящиком. Мысли напрочь покинули мою голову. События предыдущего дня рассыпанные мозаикой по уставшему сознанию пытались подобраться в плотную к памяти и выбрать такой же темный уголок как тот в котором я нашел себе хоть и временное, но такое безопасное пристанище. Засыпая, я мысленно поблагодарил Эстер и, поцеловав костяшки своих сжатых в кулак пальцев, отключился.

15

– Как она? - спросил Ричард.

– Мы ввели ее в медикаментозную кому. Первая операция прошла успешно.

Сеньорите Эстер очень повезло: пуля прошла через мягкие ткани, но при этом зацепила верхнюю часть ключицы. Один небольшой отколовшийся от ключицы осколок прошел на вылет через трапециевидную мышцу и не нанес особенных повреждений. А вот со вторым сложнее. - Доктор замолчал.

Ричард, стоявший в накинута на плече белом халате, внимательно посмотрел на врача.

– Говорите.

– Второй пошел по обратной траектории и застрял между атлантом и асиксом.

Увидев замешательство полицейского, врач поправился:

– Между первым и вторым шейными позвонками. Мы позвонили в центральную городскую, там готовят операционную. Нейрохирурга уже вызвали.

Двое мужчин замолчали.

– Сеньор Пшур, какие могут быть последствия?

– Все будет зависеть от того, насколько сильными были повреждения спинного мозга. К сожалению, из-за недостатка финансирования мы не можем обследовать травмированную область, у нас элементарно нет такого оборудования. Все будет видно после исследования положения осколка. В самом отрицательном случае пациент останется прикованным к постели.

Ричард почувствовал, как его ногти впиваются в ладонь, а скулы непроизвольно движутся. Доктор опустил голову.

– К моему сожалению, два других пострадавших умерли, не дождавшись оказания квалифицированной помощи. И мне необходимо, чтобы Вы направили к нам своего суд мед эксперта.

На лице следователя отразилось удивление.

– Разве их доставили к Вам?

– Да, Вы можете осмотреть тела погибших хоть сейчас. Прямо по коридору, потом по лестнице вниз на минус первый этаж. Там находится только один, причем единственный на всю больницу кабинет, пациенты которого никогда не жалуются. – Врач, извиняясь, улыбнулся, поднял руки и тихо проговорил: - Простите, я сегодня дежурный. Мне надо идти.

Ричард задумчиво проводил взглядом быстро идущего человека в белом халате, пока тот не скрылся за углом. Затем взял телефон и набрал номер. Несколько длинных гудков. Наконец ожидание прервал сонный, едва проснувшийся голос:

– Слушаю Рич, что-то стряслось?

– Джеронимо, мне на завтра нужны все люди, которые у нас имеются.

– Господи Ричард, а до утра это подождать не могло.

Несколько секунд помолчав, следователь произнес всего лишь два слова: «Началась война». Из трубки послышался хриплый кашель.

– Засранец, знаешь ты как обеспечить старику здоровый сон. Завтра я дам

распоряжение.

Короткие гудки, вырывавшиеся из телефона, сейчас показались Ричарду особенно многозначительными. Спрятав мобильный в карман, а за тем вынув пачку сигарет на лице следователя промелькнула мысль: «Самое время навестить морг».

Следуя указаниям доктора, Ричард спустился в подвал. По правую сторону находилось большое, просторное помещение, где даже свет, исходящий от люминесцентных ламп, казался холодным. Оно чем-то напоминало Ричарду адский цех по производству безнадежности. Тщательно вычищенная плитка, устилавшая пол, плавно переходила в ровные, белоснежные стены. Несколько десятков секционных столов, стоящих на расстоянии метра друг от друга, были очень похожи на тот одинокий привинченный к полу экземпляр, который находился в родном полицейском участке. Разница была всего лишь в том, что на этих изучают причины, а за нашими - ищут мотивы. Едва заметная усмешка проскользнула на лице следователя. Около четырех десятков ячеек, словно пчелиные соты, расположились в самом дальнем конце помещения. Подойдя к самому ближайшему столу, Ричард попытался угадать кто занял место в первом классе. Внимание следователя привлек темно красный лак, покрывавший несколько дюймов открытого тела. Это свидетельствовало о том, что тело принадлежало девушке, возможно женщине, не слишком молодой, но и не в возрасте. Об этом говорила кожа стоп. Ухоженные, не имеющие следов от натертостей, они были превосходными образцами заботы о собственном теле и наличие достаточного количества финансов для того, что бы покупать комфортную обувь. Подумав о мозолях, Ричард слегка нахмурился, пошевелив большим пальцем ноги. Старый, прокуренный, слегка хрипящий голос прервал размышления Ричарда:

– Если это была Ваша жена, то Вам очевидно одновременно и повезло и не повезло.

– Что простите? - Ричард обернулся.

У входа стоял пожилой человек небольшого роста в форме охранника. Он был обладателем того самого голоса, который имеют многие джаз исполнители, работающие на протяжении всей жизни в романтических заведениях, где воздух наполнен дымом сигар а дух полон надуманной скромностью соблазненных девиц.

– Ну, очевидно Вы были счастливым спутником этого нынче мертвого сокровища. Когда сеньору привезли, то даже в моей старой шкуре зашевелилось нечто давно забытое и утерянное. - Он громко кашлянул, а затем продолжил. - Ну а

то, что вы лишились такого достояния, это конечно прискорбно. Но, черт возьми, Вы молоды, сильны, не слишком некрасивы, а это значит, что долго горевать Вам не придется. Найдется не одна сеньорита, которая захочет утешить такого сеньора. Уж поверьте моему опыту. - Он снова закашлялся.

– К счастью это не моя жена. Но если это была бы моя женщина, то поверьте, на моем лице не применено отразилась хоть капля грусти либо сожаления.

Сторож, удивленно посмотрел на странного постороннего, появившегося на вверенной ему территории.

– Тогда скажи ка мне, какого черта ты ползаешь вокруг этого прелестного создания, да еще и в четыре часа ночи? - С этими словами все еще верная решениям головы рука опустилась на черную рукоять резиновой дубинки.

Не желая нервировать пожилого человека и стараясь побыстрее разъяснить ситуацию, Ричард одним быстрым движением достал удостоверение сотрудника полиции и показал его охраннику, готовому грудью защищать своих не первой свежести подопечных. Сторож с опаской подошел и медленно прочел «Ричард Джонсон уполномоченный следователь отдела по расследованию убийств».

– Не переживайте, я тут по делам полиции. Лучше подскажите, куда делись ночные санитары, которые, если мне не изменяет память, должны быть единственными живыми в данном помещении.

– А, парни попросили присмотреть за новенькими и ушли. Сказали к сдачи смены придут и разберутся. Ну, я и согласился. Не в первой. А у меня территория большая.

Следователь осуждающе покачал головой и глубоко вздохнул:

– В таком случае я могу предположить, что все посетители данного заведения пришли сюда не сами по себе и места занимали не в порядке живой очереди. Где кто?

Сторож скривился. По всей видимости, этот факт его никогда не интересовал:

– Как где? Все здесь. - И сделав несколько шагов, постучал костяшками пальцев по первому попавшемуся и отозвавшемуся глухим, металлическим звуком столу. - А все бумажки я аккуратно сложил вон туда. Придут - подпишут.

Ричард был готов взорваться. Суд мед будет только утром, гражданские патологоанатомы тоже ночными сменами себя не утруждают. Санитары и те разбежались. После недолгих поисков, двое мужчин стояли напротив двух тел.

Ричард молча кивнул головой. Не желая терять времени в ожидании судмедэксперта, он решил провести поверхностный осмотр тел самостоятельно. Два парня, приблизительно одного возраста, двадцати пяти - тридцати пяти лет, смуглые, худощавые, не очень ухоженные ногти. «Придется ждать заключение эксперта. Это потеря времени».- С досадой подумал Ричард.

– Если эти двое те, кто я думаю, то у них отсутствует дефицит свинца в организме. Сынок, я конечно не полицейский, но тут либо ошибка, либо дно того озера, в котором плавает твоя рыба, явно глубже чем ты думаешь.

– С чего ты взял?

– Я работаю здесь уже тридцать лет и столько навидался. Вот смотри сюда.- И сторож ткнул пальцем в голову одного из лежащих на столе парней. - Видишь?
-Ричард присмотрелся. Разница в калибрах была очевидной. «Черт, одного добили на месте»

Через час живых в морге было вдвое больше чем мертвых. Криминалисты, вместе с сотрудниками полиции пытались найти хоть какой-нибудь след. Работники транспортного отдела начали проверять все кареты скорой помощи. Несколько полицейских вновь поехали на место преступления в надежде найти камеры наружного наблюдения и таким образом узнать номер машины, которая забирала трупы, а возможно и проследить маршрут движения. Ричард понимал, что установление личностей этих двух мужчин будет устанавливаться слишком долго, если в картотеки на них ничего не найдется. Взяв телефон, он набрал еще один номер:

– Любимая, прости, но я вряд ли появлюсь завтра дома. У нас красный свет. Не расстраивайся, скажи нашему бегемотику что папа всех поймает и вернется домой. Я вас очень люблю. Еще раз прости, что разбудил и не позвонил раньше. Конечно любимая, как всегда, я сама осторожность.

При разговоре с женой он старался придать своему голосу максимальную безмятежность. Неважно насколько тяжелы либо же опасны происходящие вокруг события. Разницы нет, гонишься ли ты за смертью, либо же смерть гонится за тобой. Дорогие сердцу люди должны видеть то, что дает надежду. Не бездонный океан жалости и сожаления, а скалистые горы уверенности и решимости. Положив трубку, Ричард громко цокнул языком и выругался на нашедшегося санитаря. Затем дав указания по поводу того, чтобы удвоить охрану единственной свидетельницы по делу

Майерса решил выйти на улицу.

16

Спертый, насыщенный всевозможными запахами воздух помещения, в котором ему пришлось провести намного больше времени чем он рассчитывал, настолько въелся в ноздри полицейского, что Ричарду постоянно казалось что запах исходит от него самого. Выйдя на улицу и закулив сигарету, полицейский заметил небольшое светлое пятнышко, образовавшееся с помощью первых лучей восходящего солнца. Медленным шагом, размеренно потягивая, а за тем выпуская сигаретный дым, Ричард направился в сторону света. Взглянул на часы. До утреннего брифинга в участке оставалось несколько часов. У некоторых людей мертвые тела вызывают страх или просто угнетенное состояние, но только не у него. За те десять лет, которые Ричард работал в отделе по расследованию убийств, каждое новое дело сопровождалось в лучшем случае посещением данного заведения, в худшем различных побережий, посаженных лесных полос, полей, а иногда и просто оживленных городских улиц. Так что, купаясь в первых нотах рассвета, Ричард подумал: «С этим делом придется повозиться» и затушив сигарету направился к машине.

17

Я не спал. Я находился в состоянии напряженной обреченности, которая сломила меня, заставив найти приют в самом темном и недоступном для постороннего глаза месте. Сон помимо моей воли окутал меня своим туманом, но сознание постоянно фиксировало и отделяло любой посторонний, несший в себе опасность звук. Но не шум разбудил меня, а взгляд. Открыв глаза, я увидел себя в окружении нескольких молодых парней. Заметив мое пробуждение, один из них обратился ко мне. Я, мотнув головой, дал понять, что не знаю их языка. И попытался подняться. Окружавшие меня парни начали громко кричать и жестами показывать, чтобы я оставался в том положении, в котором они меня нашли. В принципе мне было не слишком важно, что именно со мной собираются делать. Вряд ли у них в планах было намерения убить меня. Во-первых, это можно было сделать пока я спал, а во-вторых, любопытство существует в каждой из известных групп и прослоек населения. Любому было бы интересно узнать что белый мужчина в окровавленных вещах и наручниках забыл за мусорным ящиком, в местном переулке. Больше всего я

опасался, что они решат не заморачиваться и просто сдадут меня полиции. Перебросившись несколькими короткими фразами, между моими одновременно притеснителями и охранниками завязался спор. Каждый из них доказывал свою правоту. Их диалог становился все ожесточеннее, а речь и жесты более резкими и эмоциональными. Я наблюдал за ними не как человек, который был причиной их перепалки, а как равнодушный зритель примитивного представления. Мне казалось, что это все происходит не со мной. Апатия и усталость, единственное желание — закрыть глаза и уйти от этой реальности в тот вчерашний мир, до этих всех нелепых и страшных событий. Откуда-то сверху упала тень, а вместе с ней до меня донесся более взрослый отрывистый голос. Мы все подняли голову. Из-за контраста света я толком не мог разглядеть человека, чья голова вместе с половиной туловища перегибалась через небольшой козырек крыши. Но за то я увидел невероятную картину вынужденной архитектуры. Я нашел себе пристанище прямо у подножья большой горы, вдоль которой тянулась полу дорога, полу тропа, украшенная в некоторых, особенно крутых местах, несколькими ступенями. Постройки же из моего положения выглядели несколько необычно. На первый взгляд мне показалось, что все те пятьсот, а то и семьсот футов горного склона были одним большим зданием. Пока я удивленно разглядывал причудливую, внезапно открывшуюся картину окружающего меня пространства, повинуясь голосу сверху, двое самых крепких парней подхватили меня подмышки и одним рывком поставили на ноги. От резкого изменения положения в глазах потемнело, и я пошатнулся. Один из парней ловко вернул меня в устойчивое положение. Я попытался снова завернуть кисти в окровавленную ткань рубашки, заметив это парни начали смеяться, дав мне понять что в том месте куда я попал, этот лишаящий свободы предмет расценивался как если не украшение, то точно как бонус, повышающий мой статус. Наш подъем занял примерно около получаса. Чем выше мы поднимались, тем чаще мне приходилось останавливаться для того, чтобы перевести дух. Я, конечно, знал о существовании такого понятия как «фавелы», но если честно никогда не проявлял желания туда соваться. Возможно, мы избегаем того, что считаем грязью из-за наличия иллюзии по поводу собственной чистоты. А возможно, боимся того, что может открыть правду и заставит сделать выбор. Мы сами того не замечая, чаще всего идем в ту сторону где выбор менее важен, а путь легок и не прихотлив. Наконец наш подъем подошёл к концу. Мы остановились перед небольшой постройкой, единственным украшением которой были на половину выгоревшие под лучами солнца граффити. Тем временем

грязная, порванная в нескольких местах тюль, которая, по всей видимости, уже не первый год использовалась вместо входной двери, слегка пошевелилась. Позади нее явно прорисовывался человеческий силуэт:

– Мистер Майерс проходите.

Услышав свое имя, я в первый раз не обрадовался своей популярности. Легкий толчок в спину напомнил мне о полном отсутствии выбора.

Отодвинув занавеску и зайдя внутрь, глазам потребовалось некоторое время чтобы привыкнуть к полумраку. Высокого роста, темнокожий мужчина в атласной светлой рубашке и легких холщовых брюках, ярким пятном выделялся на фоне неприятного, откровенно бедного, лишенного какого-либо комфорта жилища.

Как ни странно, присутствие этого человека успокоило меня. Аккуратность и добротность его одежды, уверенный, чуть насмешливый взгляд, с которым он рассматривал меня, вызвали невольное доверие, и его протянутая рука показалась мостом надежды, переброшенным через бурные потоки, несущие меня к бездне.

– Сальве де Лионо. Можно просто Сальве. – Голос, как и имя, был звучным и властным. - Вы меня поразили. - Продолжил Сальве. - Являясь самым разыскиваемым человеком в городе Вы, мистер Майерс, сумели пройти в его противоположный конец. Это действительно удивляет.

Я неопределенно пожал плечами.

– Вы знаете что произошло?

– Я знаю все, что может хоть как-то повлиять на жизнь Черного сердца Рио. Тем более во всех утренних газетах Вы упоминаетесь не с лучшей стороны.

Я сглотнул.

– Вы правы, у меня на данный момент довольно стеснительные обстоятельства.

– Надеюсь, я покажусь не слишком любопытным. Но что Вы планируете делать дальше? Из той информации, которую успели по крупицам собрать с улиц Рио, то мне кажется, что Ваш расклад это даже не пара двоек.

Немного помолчав, я ответил.

– Сальве, мне кажется немного странным, что Вы так радушно встречаете одну из самых ярких звезд сегодняшнего криминала.

– Стефан, а Вы действительно такой талантливый как о Вас говорят?

Меня немного смутили слова Сальве.

– Я сейчас не в том положении чтобы рекламировать свои таланты. Я в

большой заднице и мне надо подумать о том, как из нее выбраться. Наверное, бесполезно убеждать Вас в том, что я никого не убивал.

Сальве окинул меня долгим и внимательным взглядом. Я понял, что подобные слова в этой комнате звучали не раз и Сальве принадлежал к тем людям, которые имели возможность распоряжаться жизнями тех, кто их произносил.

– Буду откровенен с Вами, Майерс, я еще не решил, что мне делать с таким неожиданным гостем. Вас разыскивают совершенно все, кто может этим заниматься. Убойный отдел, от которого вы сбежали, оставив после себя хоть и небольшую, но все же, горку трупов. Отдел по финансовым махинациям, который убежден, что Вы тот самый мерзавец, который может вывести их на то место где ловятся самые крупные рыбы. А они, как Вы сами понимаете, совершенно не хотят, чтобы их тайны были раскрыты. Я могу лишь предположить по какой именно причине Вас хотят одновременно и убить и посадить, но, по сути, это не мое дело, и я буду не против если оно таковым и останется. Как Вы понимаете, я человек не бескорыстный и пока не знаю, в чем Вы можете быть для меня полезны. Поэтому до принятия решения я позабочусь о Вашей безопасности, но только на территории не ниже двухсот футов.

Я задумался. Все те наработанные за всю жизнь связи и накопленные деньги были для меня попросту недоступны. Стефан Майерс был нищим беглецом, у которого из всех ценностей остались только выделенные государством наручники. При этих мыслях я с тоской посмотрел в окно. Веселое бразильское солнце, как насмешка, плескалось в этом квадрате абсурда.

– Сальве, я смутно представляю себе, чем может быть Вам полезен человек в моем положении. Ведь я сейчас даже не могу предположить, как будут развиваться события, но я знаю из опыта своей журналистской деятельности, что иногда самым главным фактором в решении, казалось бы, самой безысходной проблемы может быть время. И чтобы получить его я вынужден воспользоваться Вашим гостеприимством. У меня просто нет другого выхода.

– Вот и договорились. - И Сальве, разведя руки, сказал. - Пусть это пристанище будет считаться Вашим. Естественно, здесь не так комфортно как Вы привыкли, но все-таки не так плохо как могло бы быть. Вы правы, время действительно может быть и другом и врагом. Каждый день, когда мы смотрим в зеркало, то видим наших богов в своих собственных глазах. И мы любим их. А они просят нас быть терпеливыми и крепкими духом. Никогда не падайте духом. Будьте горды своим происхождением и

прощайте тех, кто Вас не понимает. Они не специально, просто так получается. - Сальве еще раз внимательно посмотрел на меня.

Не найдя что ему ответить на его рассуждения, я просто сказал:

– Здесь нет зеркала.

Сальве улыбнулся и направился к двери. Уже стоя в проеме, он обернулся и продолжил:

– Я не хочу Вас обидеть Майерс, но позвольте мне предложить Вам маленькую финансовую помощь. Ведь в наших фавелах ничего не делается бесплатно, а путь к банкомату, на сколько я понимаю, вам недоступен. - И с этими словами он достал из кармана бряк увесистый кошелек. Медленно перебрал крупные купюры и немного подумав достал две двадцатидолларовые банкноты. - Я думаю до возможной зарплаты Вам хватит, только не бегите тратить все и сразу. Я пошлю человека, чтобы он снял это. И подняв две руки к своему лицу, таким образом, что ладони образовали своеобразную чашу, сделал несколько танцевальных движений.

Да он надо мной издевается. Что можно купить на сорок долларов. Я удивленно посмотрел на протянутые мне деньги. Сальве тактично кашлянул:

– Ты наверняка думаешь, что этого мало и тебе никак не прожить на эту сумму. Но ты только подумай. Это целых сорок долларов, не двадцать, не десять и не дай Бог пять. У тебя есть крыша над головой и надежда. А даже если ее нет, то она обязательно скоро появится. Рано или поздно эта засранка посещает каждого в этом месте. У тебя есть то, что я получил только после того, как взял в руки оружие. - С этими словами Сальве положил деньги на тумбочку стоящую около выхода и уже выходя, промолвил. - Ты главное помни, какая бы трудность не возникла, ты можешь с ней справиться. И ты полностью свободен. Я не обижусь, если ты решишь разорвать наш договор в одностороннем порядке. Дорога, по которой ты пришел, хоть и длинная, но поверь мне, иногда каждый шаг вниз делается намного тяжелее, чем вверх.

Через несколько секунд только легкий неизвестный мне запах мужского парфюма остался как напоминание о том, что это все не страшный сон с которым мне придется неизвестно сколько жить.

Оставшись один, я окинул взглядом окружающую меня обстановку. Маленькая тумбочка, стоящая около дверей и железная кровать, с продавленной сеткой, которая занимала всю левую стенку, были единственными предметами этого скромного

интерьера. По другую сторону имелось большое окно, с откидывающимся внутрь комнаты деревянным заслоном, который в хорошую погоду играл роль стола, а в плохую служил защитой от непогоды. Поискав глазами стул и не найдя его, я устало опустился на пол, облокотившись спиной на тонкую, выбеленную каменную стенку.

С одной стороны Сальве был абсолютно прав. В нормальном, по моим меркам, мире мне временно не было места. Обратится к Мари я не мог. Во-первых, там меня ждала полиция, во-вторых, я не имел никакого права подвергать ее такой опасности. Это место, по крайней мере, давало время на то, чтобы спокойно разобраться во всем происходящем. События последних суток разворачивались с такой молниеносной скоростью, что элементарно сопоставить какие-либо вещи я просто-напросто не успел. Раз Сальве сказал, что финансовый отдел мной тоже интересуется, то это значит, что Ричард пошел на то, чтобы поделиться славой и распространить информацию за пределы собственного кармана. Два к одному. Во всяком случае два отдела смогут поднять достаточно шума, чтобы заинтересовать всем происходящим власти моей страны. Возможно, даже несколько настоящих федералов посетят Бразилию. Вспомнив, какими были ложные маршалы, когда я их видел в последний раз, по моей спине пробежал легкий холодок. Мои размышления были прерваны не громким стуком по косяку дверного проема, автоматически подтверждая мое право собственности на данное помещение.

– Войдите.

Ширма отдернулась. Девочка лет тринадцати. В ее чертах лица, было нечто кукольное. Карие, имеющие чуть янтарный оттенок, глаза были чрезвычайно живыми. Носик был слегка подернут кверху, создавая ощущение веселья и задора. Длинные, распущенные каштанового цвета волосы, легким бризом спадали на смуглые, открытые, детские плечи. Девочка стояла в дверном проеме и, с показным безразличием, жвала жевательную резинку, пытаясь придать своей внешности некую зрелость.

– Привет. - Я постарался добродушно улыбнуться.

Качнув головой в знак приветствия, девочка уверенным шагом направилась ко мне. Я посмотрел на себя глазами этого ребенка. Сидящий в углу небритый мужчина, которому давно за сорок, в одной только майке, спортивных, окровавленных штанах и в наручниках. Лично на меня в детстве такой персонаж произвел бы неизгладимое впечатление, но, по всей видимости, здесь дети выросли раньше чем у меня на

родине и овладевали нужными навыками еще до того момента как получали паспорта, если они вообще их здесь получали. Подойдя ко мне и достав из заднего кармана две обычные канцелярские скрепки, девочка опустилась передо мной на колени. Непонятно почему я почувствовал себя неловко и постарался вытянуть руки на максимальное расстояние от себя. После того как юная взломщица вставив кусочек железа в замок уверенно повозилась несколько секунд я услышал два щелчка последовавшие один за другим. Я быстро вскочил на ноги и отойдя на несколько шагов от своей спасительницы принялся потирать горящие огнем ссадины, которые продолжали окольцовывать мои запястья.

– Спасибо. У тебя очень ловкие руки. Ты говоришь по-английски?

Ребенок все еще сидел в углу комнаты и без доли стеснения рассматривал странного человека.

– Немного. С тебя доллар.

– Да конечно, возьми вон там. - Я указал ей на лежащие на тумбочке деньги.

Посмотрев на номинал, девочка серьезным тоном произнесла:

– У меня нет сдачи.

– А у меня нет меньше.

Прищурив глаза, мы внимательно посмотрели друг на друга.

– Я могу поменять. - Весело заявил ребенок.

С начала подумав, что это единственный выход я уже был готов отдать половину своего состояния, но потом, вспомнив о том, где именно я нахожусь, решил для начала познакомиться:

– Меня зовут Стефан. А тебя?

– Бабел.

– Прости как?

– Ба-бел. - произнесла девочка по слогам.

– Ну, у тебя очень необычное имя. Давай поступим так: я тебе дам еще доллар, в том случае, если ты покажешь, где я могу дешево поесть и купить какую-нибудь одежду и при этом, не спускаясь с холма.

– А насколько дешево тебе надо?

– Мне надо почти бесплатно. - Я улыбнулся.

Немного подумав о том, что два доллара лучше чем один, девочка согласилась:

– Стой здесь! – Тон, с которым она произнесла эти слова, был скорее

приказной, нетерпящий возражения.

Теперь была моя очередь задуматься. Чем больше я сомневался, тем больше моя собеседница становилась похожа на маленького, беззащитного котенка. В конце концов, я сдался. Громко хихикнув, Бабел схватила банкноту и выбежала из комнаты. Я остался наедине с довольно приземленными желаниями. Чего мне хотелось больше? Меня терзали как голод, который словно дикий зверь вгрызался в мое подсознание и постоянно напоминал о себе дискомфортом в области живота, так и воля, которая постоянно боролась с таким обыденным в другое время желанием, закрыть глаза. Я снова подошел к окну и окинул происходящее снаружи взглядом чуть более свободного человека, чем минуту назад. Тысячи разнообразных строений, которые с большой натяжкой можно было назвать жилищами, рассыпались дешевыми, базарными бусинами. Каждый сантиметр площади склона был занят чем-то отдаленно похожим на крышу или открытую террасу. На некоторых из них стояли люди. Они просто стояли и смотрели куда-то туда, где вместе с многоэтажными зданиями, по их мнению, находилась такая же многоэтажная, застекленная безопасностью и лишенная нужды жизнь. Хоть я и никогда не сталкивался непосредственно с обитателями фавел, но увиденное подсказывало что это своего рода подобие индийских трущоб, китайских хутонов и прочих бедных кварталов в различных странах, брошенных на произвол судьбы верховодами. Лет восемь назад я делал репортаж по поводу такого явления как слам-туризм, или просто «туризм по бедности». Меня поражало с какой радостью и стремлением люди, имеющие разные как достаток, так и вероисповедание, хотели увидеть истинную нужду во всем. Как сейчас я помню нашего кенийского друга и гида по совместительству, который блестяще организовал и провел нас сквозь поля, где смерть возвращает свои цветы. Странно, но в отличии от шокирующего контраста между бедными и богатыми жителями Бразилии, в Найроби я этой разницы не заметил. Там это была скорее финальная точка человеческих возможностей в борьбе за право жить и, по всей видимости, именно этот факт привлекал людей со всего мира. В глазах успешных белых и не только существ читалось, что им мало чувствовать себя частью своего ущербного насыщенного деньгами, хобби и увлечениями мира. Видимо тьма, обитающая в их сердцах, пыталась вернуться туда, откуда по явной халатности неких стражников ей удалось вырваться. Еще долгое время я думал над тем, что увидел. Иногда бывают моменты, когда кажется что вот-вот умрешь. Именно это ощущение я испытывал, когда просматривал фотографии, которые сделал в те дни. Конфликт

интересов, который происходил во мне, был нестерпимым. Светлые ноты играли мелодию помощи, темные лицемерили и заставляли закрывать глаза. В конце концов, я нашел компромисс с собственной совестью, и именно эта проклятая договоренность говорит обо мне намного больше чем что-либо другое. Я ни сделал ничего. Не отдал материал в печать, тем самым лишив себя заработка, и не стал пытаться что-либо изменить в том, параллельном для моего успеха мире. Мы просто забыли о тысячах, а если смотреть, в общем-то, миллионах, ежедневно сражающихся с такой странной для сытого европейца нехваткой воды, еды, света, лекарств и прочего, такого обыденного и само собой разумеющегося. Мы привыкли к взаимовыгодным отношениям. Они окружают нас с самого рождения. Родители пугают нас тем, что лишат какого-либо удовольствия на подобии сладостей или игры во дворе с другими детьми, если мы не будем слушаться. В более зрелом возрасте их догматы и невинный, даже в какой-то степени заботливый шантаж перенимают наши первые учителя, а за ними спешат, чтобы не опоздать работодатели. Формат доминанты один: «Повинуйся, либо не мешай повиноваться другим». По-другому ни как. А как мы знаем, общество строится в порядке брошенного в воду камня. Кольца глобального рабовладения, усеявшие всю поверхность нашей планеты, неустанно выискивают все новые и новые методы проникновения в глубины обреченных сердец, не имеющих возможности покинуть лишённую для них какого-либо смысла систему. Я глубоко вздохнул. У меня был действительно очень хороший вид из окна. Хоть и издали, но я имел возможность наблюдать за маленькой, серой фигуркой надежды, по-прежнему стоящей на вершине горы. Улыбка медленно озарила мое лицо, и я усмехнулся. - Иессей. Со стороны пляжа, на котором я еще недавно отдыхал, его руки, казалось, говорили: «Этот Мир для вас, Вы только взгляните, он такой красивый, яркий, красочный». Но когда смотришь отсюда, то кажется, что своими руками он пытается возвестить совершенно противоположное: «Эй, люди, чего Вы от меня хотите? Я просто попытался сделать все как надо, но это же очевидно, что-то пошло не по плану». Я развел руки в стороны и громко рассмеялся. «Что-то пошло не по плану».

18

Откинувшись на спинку сиденья, Ричард на секунду закрыл глаза. Надо отдохнуть, а до выходных еще так далеко, да и будут ли эти выходные. Судя по тому, как разворачивается дело Майерса и какой интерес к нему проявляет пресса можно

ожидать любых сюрпризов, а начальство будет требовать как можно быстрее подвести дело к финалу, потому что чины не любят когда пресса сует свой нос куда не надо, и находится слишком близко к их отделу. «До брифинга я еще успею навестить Мари» - подумал Ричард - «но не мешало бы что-то перекусить». Глянув на часы, перед ним опять встал выбор: заехать в ресторанчик и потратить полчаса драгоценного времени или напрямик двинуться к Мари, чтобы успеть застать ее дома. «Ладно, обойдусь фастфудом» - подумал Ричард и, провернув ключ в замке зажигания, Форд тронулся с места. Купив по дороге несколько гамбургеров и стакан колы, Ричард вспомнил свою жену. Опять будет сердиться, что я ем всякую дрянь. «Все таки как же это здорово когда о тебе кто-то заботится» - подумал Ричард, откусывая кусочек. Подъезжая к дому Мари, он заметил хорошо знакомый автомобиль. Судя по спокойным и расслабленным позам полицейских, сидящих в машине, Ричард понял, что ничего интересного не произошло, и Майерс здесь не появлялся. Поприветствовав скучающих патрульных, Ричард не торопясь направился в квартиру к Мари. Поднимаясь, он подумал, что пока это единственная ниточка с помощью которой он надеялся проследить взаимосвязь всего того, что произошло за последние сутки. Нажав на кнопку звонка Ричард постарался придать своему лицу приветливое выражение для того чтобы сгладить неловкость раннего визита и попытаться завоевать расположение Мари. В силу своей профессии он знал, что подобные визиты некому не доставляют удовольствия. И действительно, открыв двери, на еще сонном лице Мари мелькнула еле заметная тень недовольства:

- Доброе утро. У Вас есть информация о Стефане?
- К сожалению, нет. Я пришел, чтобы уточнить кое-какие детали.

Через пять минут, не спавший всю ночь, Ричард наблюдал как ловко Мари орудует джезвой и ароматный запах свежесваренного кофе наполняет небольшую, но уютную кухню. Ее движения были абсолютно спокойными и уверенными. В них не было той нервной суетливости, которая присуща пытающимся скрыть неправду людям.

– Хорошо, Мари, давайте пойдём от обратного. Расскажите мне просто о Ваших отношениях с Майерсом.

– Я не знаю, что я могу еще добавить к моим показаниям. Хоть мы со Стефаном и знакомы более двадцати лет, но в Бразилию он прилетал не часто. Мы изредка связывались друг с другом. Чаще он со мной, чем наоборот. Иногда, просто болтали

по телефону или в интернете. Временами Стеф подкидывал мне информацию для работы.

– Вы с Майерсом просто друзья или что-то большее?

Мари склонив голову задумчиво ответила:

– Мы с ним друзья, но по не писаным законам судьбы мы что-то, где-то, когда-то упустили. Поверьте, так случается. - Помолчав немного Мари продолжила. - Я не знаю что произошло, но Стефан Майерс - это самый честный, достойный, умный и добрый человек которого я знаю. Что бы Вы ни говорили мне или кто-либо не говорил Вам, будьте уверены, каждый в этой стране еще услышит его имя.

Поговорив с Мари еще немного, Ричард понял, что его утренний визит ничего не добавил к той информации, которая у него уже была. Направляясь к выходу, Ричард сказал:

– Я попрошу Вас дать мне обещание не делать журналистских глупостей и спокойно ждать от меня информации, пока мы не разберемся в какое дерьмо вляпался Ваш друг. Договорились?

– Конечно. - Согласилась Мари.

Закрыв за Ричардом двери, Мари подошла к окну и в задумчивости посмотрела на полицейских, которые продолжали дежурить около ее подъезда. «Охраняют или ловят?» - подумала Мари. «Вероятно, и то и другое одновременно». Она вспомнила слова Стефана: «В случае если у закона не хватает доказательств, то закон начинает активно пользоваться своими правами, а поверьте, у него их намного больше чем у Вас. Начиная войну с законом в любом его проявлении помните, что против Вас играют ребята, которые хранят целостность заведомо продажной, заточенной под их правила системе. Расплодившиеся заповеди по своей сути и являют законы, которые мы сейчас имеем. А сами заповеди - это просто инструкция по эксплуатации и взаимодействия одной человеческой особью с другой и ничего больше». По-моему, это звучало как-то так. И продолжая смотреть на полицейских Мари подумала, что она ничего не знает о том, что произошло со Стефаном. Ведь ей разрешили только отвечать на вопросы, а заданные ею оставляли без внимания. Надо посмотреть новости. Если хочешь что-либо узнать, необходимо находиться именно там, где об этом хоть что-нибудь знают. И Мари решительно направилась к компьютеру.

параллакса. Фавелы имели очень четкую структуру. То, что с первого взгляда казалось хаотичными архитектурными набросками, при более детальном рассмотрении оказывалось хоть и довольно хитрым, но все же переплетением целой череды спиралеобразных верениц пригодного для жизни метража. Разглядывая это сочетание упорядоченности и абсурда, я невольно вновь и вновь возвращался мыслями к тем событиям, которые открыли для меня этот мир. Я чувствовал как во мне закипает злость. Но, как известно, злость это всего лишь слабость, окрашенная в характерный отблеск глаз, и она не имеет возможности удерживать в своих объятьях сильных людей. Выглянув за пределы своего убежища, я понял, что по факту, у меня определенно ограниченный выбор в направлении движения. Вверх и вниз. Вот в принципе и все. Вертикаль моей жизни выраженная в тропе. Обернувшись и окинув взглядом свои апартаменты, я подумал, что еще пять минут назад я был рад любому укромному уголку, а сейчас я уже мечтаю о душе и чистой одежде. Сколько же еще будет появляться нуждающихся в решении моментов, которые просто-напросто, не замечаешь в своих привычных условиях жизни. Обеспечивать себя самым элементарным становится не просто тяжело, а невыносимо трудно. После десяти лет финансового изобилия, я чувствовал себя огромным неуклюжим ребенком, который, гонимый врожденной любознательностью, только собирается сделать первый шаг в такой дивный, наполненный опасностями, но в тоже время манящий мир.

Окинув взглядом свое незамысловатое жилище, я спросил себя: «Сколько времени мне придется здесь провести? Какими игроками будет разыграна карта моей судьбы?».

Захотелось прилечь. С тоской посмотрев на провисшую сетку кровати, я понял, что с кроватью мы не подружимся и тут мое внимание привлек узкий, но длинный ковер, который закрывал не более сорока сантиметров стены. Возможно, этот проеденный молью кусок текстиля можно будет использовать вместо матраса хотя бы первое время. Я приободрился. У меня были стены. У меня была крыша и даже появилось нечто, похожее на одеяло. Я видел такие ковры в Лиссабоне. Торговцы их продавали на местном рынке. Расхваливая свои национальные узоры и рассказывая историю каждого завитка, они с удивительной теплотой и гордостью поглаживали концы, обрамленные петлевой бахромой натуральных цветов. Потянув на себя двумя руками этот застывший во времени водопад португальской вышивки, грубо закрепленный под потолком двумя гвоздями, я с удивлением обнаружил под ним проем, ведущий в небольшую темную комнатку. Придерживая рукой ковер, я

максимально постарался пропустить свет чтобы осмотреться. Это небольшое помещение оказалось кухней и кладовой одновременно. В одном углу была навалена всякая рухлядь, а с противоположной стороны, если эти размеры можно было назвать сторонами, стоял столик, на котором я увидел небольшую электрическую плиту, пару тарелок и старый, сточенный кухонный нож и еще что-то, что я не успел рассмотреть, так как услышал за своей спиной шорох. Резко обернувшись, я увидел перед собой Бабел:

– Ты всегда заходишь так бесшумно?

Улыбнувшись в ответ, Бабел показала мне рукой на два пакета оставленных у входа.

– Вот это все что мне удалось достать. - С этими словами она сделала шаг вперед и протянула мне руку с зажатыми остатками денег. - Тут восемнадцать долларов.

И вручив мне эти деньги, Бабел вернулась к одному из пакетов и достала одежду. Это были добротный темно-синий легкий балахон и такого же цвета спортивные штаны на широкой резинке. Пока я рассматривал одежду, девочка принялась разбирать второй пакет. С деловитостью будущей женщины она извлекла две большие картонные коробки и двухлитровую бутылку минеральной воды. Открыв одну из коробок, я увидел непомерно большой сандвич. Заглянув в начинку этого кулинарного шедевра, я обнаружил в нем чудовищное ассорти: кукурузные зерна, картофель фри, бекон, жареное яйцо и еще много таких ингредиентов, чья цветовая гамма гармонично сливалась с аппетитными запахами сырного хлеба. Увидев мое изумление, Бабел задорно рассмеялась и сказала:

– Это называется Podrao. Можешь начать с этого. - Сказала она, улыбаясь и открывая вторую коробку. В ней я увидел около десятка аккуратно уложенных шариков. - Volinhos de bacalhau.

Не дожидаясь пояснения, я схватил один из них и почувствовал как горячее масло обожгло мои пальцы. Усевшись на пол, друг напротив друга, мы начали есть.

Увидев с каким аппетитом и скоростью опустошается вторая коробка, Бабел произнесла:

– Я вижу тебе нравятся эти рыбные шарики.

Я кивнул головой в знак согласия.

– Чертовски вкусные эти твои «Болито»

– А ты кем работаешь?

– Я пишу правдивые истории о настоящих людях.

– А, так ты писатель?

– Нет, писатель это тот человек, который сначала придумывает какую-либо историю, а потом очень много пишет для того, чтобы эта история интересно читалась. А меня интересуют люди или события недавно произошедшие, либо же те которые вот-вот должны произойти. Я журналист.

Бабел отвела руки за спину и облокотилась на них.

– Все равно, писать это не интересно.

– Как это не интересно? Быть такого не может. Вот посмотри вокруг себя. Для того, чтобы создать любую чашку, вилку, машину или даже дом нам просто необходимо его придумать. Правильно?

Бабел задумчиво кивнула.

– Ну вот, а если мы что-то придумываем, то обязательно должны это записать. А сказки?! Ты наверняка любишь сказки.

Девочка задрала кверху носик, слегка прищурила глазки и при этом несколько раз покрутила головой.

– Нет, сказки это для маленьких. Пускай верят, пока не начнут понимать, что если ты родился в фавелах, то ты и умрешь в фавелах. Бедность - это навсегда.

Я с удивлением посмотрел на маленького худенького подростка. Наши глаза встретились. Даже не сосчитать сколько раз за всю прожитую жизнь взгляды людей ловятся в сети чужих душ. Зачастую мы с легкостью рвем такие ловушки. Но иногда, возможно всего единожды, мы не в силах сбросить путы этого взгляда. Мы можем просто покориться судьбе, в надежде, что она будет милосердна и позволит нам быть теми, кто мы есть. А можем постараться стать теми, кого хотят видеть эти заслуживающие наших колен глаза. Странное ощущение. Одиноким, маленький человек, в котором чувствуется сила и готовность противопоставить себя этому Миру, был очень похож на меня самого. Мы оба готовы сражаться. Проблемы, как и стеснительные обстоятельства, которые нас преследуют, бывают разными: одни из них нам привычны и безопасны, другие наоборот. Первых мы не замечаем, они решаются обыденно. Со вторыми приходится не только считаться, их приходится уважать.

– Бабел, жизнь никого и никогда не приговаривает. Она всего лишь дает тебе

время. Только от нас зависит как именно мы будем его использовать. Мы с тобой сейчас сидим и разговариваем. А почему так произошло?

Бабел пожала плечами.

– Это именно то, о чем я тебе говорю. Ты знаешь английский, ты тратила свое время на то, чтобы хоть маленькая, но все же сказка сбылась. И так будет во всем, что мы с тобой делаем. У тебя и у меня есть свои надежды и планы на будущее. Только от нас зависит сбудутся они или нет. Если да, то мы ни в чем не ошиблись, если нет, значит, придется пробовать еще и еще.

На щечках Бабел проступили маленькие очаровательные ямки и светлая, детская улыбка принесла в мое новое жилище намного больше уюта, чем могла бы принести какая-либо мебель.

Наша зарождающаяся симпатия была прервана негромким стуком.

Тук, тук. «Есть кто дома?». Мы переглянулись. Но гость не стал себя утруждать и дожидаться нашего приглашения. Импровизированная входная дверь шевельнулась, и передо мной оказался молодой темнокожий мужчина. Разглядывая вошедшего, я попытался найти ему определение, настолько ярким, насыщенным и колоритным была внешность незваного гостя. Красные бриджи, немыслимо разноцветные кроссовки и белая майка с аляповатыми надписями, которая подчеркивала отличное телосложение. Мне стало смешно. «Как молодой торшер» - подумал я.

Медленно поднявшись, я вопросительно взглянул на молодого человека. Бабел осталась сидеть.

– Разрешите представиться. Меня зовут Винер. - При этом он протянул руку и улыбнулся.

Я внимательно посмотрел в лицо молодому человеку. В его карикатурности была некая тонко продуманная нарочитость. Даже в самых простых движениях тела угадывались сила и тренированность, а простодушная улыбка совсем не соответствовала внимательным, слегка настороженным, живущим как бы отдельно от всего образа, глазам. «Вот и охрана» - подумал я.

– Бабел, тебя зовет Сальве. - сказал Винер.

Бабел нехотя поднялась с пола и, как-бы прощаясь, махнув рукой, направилась к выходу.

– Чем могу быть полезен? - спросил я у Винера, пытаюсь примерить на себя роль хозяина.

– Не буду скрывать, я пришел просто познакомиться. Мы настолько здесь тесно связаны с друг другом, что слухи расходятся быстрее, чем раскаты грома.

– И что они говорят эти раскаты?

– Они говорят, что у нас в гостях находится известный журналист, лауреат многих премий и еще кое-что.

– И это «кое-что» что? - переспросил я.

– Да так, говорят всякое. У нас здесь не принято пересказывать возможные домыслы.

Мне было тяжело поддерживать беседу, не понимая цели этого визита. Видно прочитав мои мысли, Винер продолжил:

– Меня прислал Сальве. Я могу быть Вашим гидом, у нас здесь легко заблудится.

– Да, я был бы благодарен, но мне хотелось бы перенести нашу прогулку на завтра, так как я сегодня очень устал.

Винер тут же поднял руки в знак согласия.

– Хорошо Мистер Майерс, я буду завтра. И он, попрощавшись, ушел.

Я понял, что этим визитом, Сальве дал мне понять, что не надо его слова о разрыве взаимных договоренностей в одностороннем порядке воспринимать буквально.

Кое-как устроившись на импровизированном ложе, я устало закрыл глаза. Мне не хотелось строить планы на завтра, ведь вчерашний день наглядно показал, что завтра может и не быть, а если и будет, то сомнительно, что хоть кто-то из нас представляет себе, каким именно оно будет. Вереница мгновений, стремящаяся вырасти в секунды, а за тем минуты, часы и так далее, полна сюрпризов и неожиданностей. Некоторым из них мы радуемся, некоторых боимся. Но одно остается неизменным — мы учимся побеждать. Даже выкованному мечу, прежде чем стать образцом надежности, нужно выдержать тысячи закаляющих характер ударов.

20

Утром центральное отделение криминального розыска было похоже на разъяренный улей. Десятки людей, похожих взглядов и убеждений, перекрикивались, шептались и просто разговаривали, небольшими группками направляясь в конференц-зал. Как известно любое преступление либо готовится заранее, либо

происходит спонтанно. Полицейские отлично знают, что именно нужно искать в не зависимости от его происхождения, но не сейчас. Слишком много факторов переплелось воедино, и представляли собой странный клубок, созданный из одних только последствий.

– О, Ричард, привет, все уже собрались. Есть какие-нибудь просветы?

– Род, то, что ваш отдел будет принимать участие в операции - это не значит, что Вы должны знать больше других.

Ричарду совершенно не хотелось обсуждать с кем-либо свои предположения, во всяком случае, сейчас. А особенно их не хотелось обсуждать с финансовым отделом, сотрудники которого носят оружие только из-за того, что так положено по уставу. В силу своего прошлого Ричарду нравились больше те ребята, на которых можно было рассчитывать под плотным огнем противника. Неспешно, изредка приветствуя знакомых одним лишь кивком головы, он шел по коридору, мысленно продумывая речь, которую ему скоро придется произнести.

– Стой, Рич!

Обернувшись, он увидел Сайлена. Напарник и по совместительству лучший друг. Владелец грузной, нескладной фигуры, любитель побалагурить, в неизменно отличном настроении Сайлен был именно тем человеком, который подставит свою задницу под любой калибр, если будет уверен, что это правильно. Несмотря на обманчивое впечатление, которое Сайлен производил на людей, он был отличным стрелком и обладал острым и цепким умом. Ричарду больше всего нравилось в своем напарнике такие качества как честность, надежность и настоящая вера в то что они вместе делают.

– Ну и ночка у нас сегодня выдалась. - Сказал Сайлен. - Куда ты пропал из морга? Я тебе звонил раз сто!

Ричард достал мобильный телефон. Выключен, он не заметил как села батарея.

– Я из морга сразу поехал к свидетельнице, но она ничего не знает, ничего не помнит или просто ничего не говорит. В общем пусто. А что у тебя?

Хотя глядя на довольную физиономию Сайлена можно было и не спрашивать, было видно, что он что-то нарыл и был чрезвычайно горд собой.

– Угадай, как можно найти людей не подлежащих к идентификации?!

Ричард покачал головой. Сайлен победоносно улыбнулся.

-Знаешь, Рич, логика иногда мешает увидеть очевидное. Мы привыкли все

подвергать анализу, выстраивая хронологию событий в определенной, диктуемой нам преступлениями последовательностью. Я оттолкнулся от актива. В активе у нас два жмурика, решившие поиграть в маршалов. Отпечатки и стоматология не дали результатов, но на плече у одного из них была татуировка.

– И что? - В голосе Ричарда прозвучало некое оживление.

– И что и что. «Мимоза», Ричард.

Глаза Ричарда, азартно блеснули.

– Я пытался тебе дозвониться, но не смог и мне пришлось одному поехать напрямиком в это сердце разврата. Хорошенько встряхнув куст, на котором сидели самые аппетитные ночные бабочки, мне шепнули на одного лепидоптеролога. - Сайлен любил употреблять всякие редкие словечки.

– Кого, кого? - Удивленно спросил Ричард.

– Энтомолога, ну то есть человека, который изучает бабочек.

Ричард кашлянул.

– Там уже и такое появилось?

– Ну, оно не появилось, оно там было всегда. Да, сутенер это, обычный сутенер.

Ричард посмотрел на часы.

– Дружище давай ближе к сути, меня уже ждут. А эту свору лучше не злить.

– А если ближе к сути, то я ограничился наведением справок и этот «пастух» ночных бабочек сказал следующее: «Да, это наши парни. Но их статус крайне невысок и вряд ли они вписались бы в такую историю, которая могла бы привести к конфликту, как с властью, так и с другими фавелами».

– Это не очень хорошая новость, Сайлен. Ты и сам понимаешь, что дело начинает охватывать слишком большие территории. Если верить твоему информатору, то скорее «наших жмуриков» кто-то перекупил. А в этом случае каждый знает, что тронуть или подставить кого-либо в чужих фавелах равносильно войне. Эти парни и за меньшее могут глотки перекусить. Кто у нас сейчас управляет Мимозой?

– Как и прежде, Картель «Добрый христианин». Если мне не изменяет память, то они отвоевали его в позапрошлом году и надо сказать в их оправдание, порядка стало намного больше, чем прежде.

Еще раз глянув на часы, Ричард спросил:

– Ты со мной?

Сайлен замялся.

- В этот раз я пропущу. Мне кажется, что я заслужил небольшой отдых.
- Хорошо, будь на связи. Думаю, нам придется съездить в «Мимозу». - Уже

поворачиваясь, добавил Ричард. - Не официально, без значков и лишнего шума.

Открыв двери и войдя в светлое, но слишком душное помещение Ричарда охватило чувство раздражения. Говорить - это не мое. Вместо меня отлично говорят факты и доказательства, но выступать самому с речью, да еще перед несколькими отделами, это было слишком.

– Всем доброе утро. Как вы уже наверняка знаете, вчера произошло задержание, которое повлекло за собой ночные трагические события, в которых был ранен сотрудник полиции Эстер Вагнер. Главное связующее звено между работой финансового и убийного отделов является Стефан Майерс. К сожалению, до сих пор о судьбе подозреваемого ничего не известно. Джим, я попрошу, чтобы твои ребята в первую очередь занялись банковскими счетами как мистера Майерса, так и Мистера Уотенберга. Мне надо чтобы вы отследили абсолютно все транзакции, которые были пропущены за последний год. В связи с тем, что главный фигурант является гражданином Соединенных Штатов Америки, мы известили наших коллег из США о произошедшем и в течении нескольких суток к нам должны прибыть несколько агентов. Как только у меня будут их имена, я сразу же сообщу вам. Я надеюсь, что мы будем работать быстро и слаженно. Уверен, никаких недоразумений и сокрытий найденной информации не будет. Опять же хочу напомнить, что в первую очередь Майерс проходит по делу об убийстве, остальное отходит на второй план. Ричард замолчал и медленно обвел глазами всех присутствующих. Он подумал: «Нет, про Мимозу я Вам сейчас ничего не скажу». - А теперь, прежде чем вы начнете задавать мне свои вопросы, я добавлю несколько слов. На нас сегодня наехали, мать вашу, и наехали очень серьезно. Поэтому можете забыть все, что я говорил ранее и слушать, слушать, слушать! Война она такая, без крови не бывает. Прошу запомнить перед тем как ввязываться в драку. Я никому не позволю издеваться над моими людьми. Между нами говоря, мне наплевать на мистера Майерса и все его махинации. Но мне не наплевать, что в этом деле есть ниточки, которые тянутся в сторону темной стороны Рио. Я не прошу, я требую, черт возьми, чтобы уже к вечеру передо мной лежала карта, а на ней было отмечено, то самое место, где находится Стефан Майерс живой или мертвый. В не зависимости от его состояния мы должны взять его первыми. В конце концов, кто здесь волки? Кто доминанта? Я вас спрашиваю! Если нам бросили

вызов, то мы его не просто примем, мы разорвем всех тех, кто посмел это сделать. И Джим, не путайтесь у нас под ногами, может случайно зацепить. - С этими словами Ричард расстегнул верхнюю пуговицу рубашки и быстрыми шагами покинул конференц зал.

21

Кто более уверен в себе? Тот, кто никогда ничего не имел или тот, кто все потерял? Странное ощущение: ночной свежий, но теплый воздух, с едва уловимым запахом уличной еды. Редкие крики быстро гаснущим эхом блуждают в этом загадочном лабиринте. Частые, приятные голоса, глухие, звонкие, мужские, женские, как молодые, так и по старше, доносятся из разных уголков. Странно, но шум совершенно не мешает. Хочется не только слушать, но еще и представлять себя определенной частью всего этого упорядоченного хаоса. Несколько часов как ночь обрела власть над тьмой и словно дуновением запустила черное таинство внутрь фавел. Люди не сопротивлялись, и не потому, что это бесполезно, а наоборот слишком желанно. Уже около часа я стоял у окна и наблюдал за чудом освобождения от дневной суеты. Несколькими ярусами ниже по склону пара строений, соединенных одной крышей образовывали своеобразную танцевальную площадку. Яркое освещение создавало иллюзию театрального представления. Несколько десятков парней и девушек не просто танцевали. Они парили в зажигательных латиноамериканских ритмах, как будто говоря: «У тьмы есть власть над светом, но нет над огнем в наших сердцах». Мои мысли были одновременно здесь и где-то очень далеко. Там, где у жизни нет прав, а смерть может открыть свое лицо. Я был вместе с Марком. Одним единственным другом во всем Мире. В моем Мире. Странное ощущение нереальности произошедшего. Хотелось просто найти телефон и позвонить ему. Он возьмет трубку, и мы обменяемся приветствиями. Но так не будет. Будет другое. Длинные гудки, как пунктуация разделяющая пространство мертвых и живых. Плакать не стыдно, как не стыдно любить или верить. Я смотрел на танцующих людей блестящими пишущими немые письма глазами. Память - это всего лишь отрывки историй. Иногда они значат намного больше, чем может показаться на первый взгляд. Именно память делает нас теми, кто мы есть. С помощью нее мы можем поддавать анализу настоящее, будущее, прошлое. Опровергать, подтверждать и сомневаться. Перелистывая страницы самой значимой книги, написанной самой жизнью, мы раз за разом обращаемся к любимым моментам. Изредка открываем

сейф дорогих сердцу мгновений и слишком небрежно отмахиваемся от того, что на первый взгляд делает нас слабее. Но это неправда. Каждая секунда, которая была пройдена и превращена в некоторое подобие параллельной, правильной жизни, в которой мы могли бы поступить иначе, чуть лучше, отважней, заботливей, умнее есть неотъемлемой частью нас самих, в независимости от наших мечтаний и сожалений. Нам с этим жить, и нам выбирать, сколько всего мы будем прятать от самих себя. Всегда нужно помнить, что играя с собственным разумом вы обрекаете себя быть разоблаченным еще до того момента как успели придумать правила.

22

Как только ночь поглотила Рио и дала разрешение многочисленным фонарям, лампочкам, неоновым лентам, ярким рекламам и прочим светящимся штукам превратить город в своеобразную гирлянду Ричард решил, что пора наведаться туда, где по его мнению могли быть следы ведущие если и не к самому Майерсу, то однозначно в сторону его дела.

– Ричард, ты знаешь, почему эти фавелы называли «Вилла Мимоза»?

– Мне все равно, почему фавелы называют разными красивыми названиями.

Вероятно, таким образом, жители этого места пытаются хотя бы названием украсить свою часть этого мира.

– Ничего ты не знаешь. И как это ты умудрился столько лет бродить по Рио с совершенно неправильным представлением по поводу самого значимого явления во всей Бразилии. Вот, это я и имею в виду. К проблеме, если ты считаешь ее таковой, надо подходить со знанием дела, иначе ничего путного не выйдет. Цветок Мимоза, имеет несколько видов, а точнее подвидов. Многие думают, что это связано с яркими частыми цветами, которыми это растение усеяно во время цветения. Но они ошибаются. Точно тебе говорю, все до единого. Я немного почитал и выяснил, есть такая разновидность, ее называют «Мимоза стыдливая». Угадай почему. Ну, давай уже. Если не имеешь своей, то прояви хоть немного уважения к моей любознательности.

– Я слушаю.

– Когда прикасаешься к лепесткам, то они чудесным образом, оживают и складываются.

– Ну и к чему ты это ведешь. Я могу тебе гарантировать, что такие понятия как «стыд», «совесть» и прочие моральные качества ты там не найдешь.

– А я и не говорю, что они там присутствуют. Все дело в том, что люди специально подчеркивают то, чего им не хватает. Возможно, это своеобразный клич о помощи, возможно, наоборот бравада.

– Сайлен, перестань нести чепуху. Мы почти приехали. Значками во всех подряд не тыкать, стволами тем более. И веди себя прилично, хоть у тебя и нет жены, а за одно и обязательств, но что-то мне подсказывает, что когда-то придет время, и ты захочешь это исправить.

Сайлен закрыл глаза, поднял руки и уперся ими в мягкую обивку крыши автомобиля.

– Рич, когда это ты успел стать таким моралистом.

– Тогда, когда моя жизнь стала принадлежать двум любимым мною людям.

Скептически хмыкнув, Сайлен неуклюже вылез из машины.

Фавела «Мимоза», стоящая на коленях женщина, сыгравшая в жизнь, но проигравшая, что-то тихо шепчет, не обращая внимание ни на кого вокруг. Ее кисти, украшенные длинными законченными, словно произведение искусства, пальцами, нежно обхватывают изредка содрогающиеся плечи. Темноволосая богиня таинства любви и одновременно проклятая ведьма прелюбодеяния. Она без притворства и лжи дает каждому не только желанное, но и заслуженное. Опыт превращения из бабочки в нечто мерзкое, недостойное внимания, но вечно его привлекающее, говорил сам за себя. Жизнь взимает плату вне зависимости от нашего желания, но точно соразмерно нашей глупости. Вот она истинная «Вилла Мимоза». Белоснежная пыль, ковром дурмана покрывающая мечты тех, кто станет прахом.

– Рич, сколько нам еще топать. И как вообще тебе удалось добиться аудиенции с самой верхушкой данной общины?

– Мне и не удалось. Мой информатор пообещал меня привести к ним, а остальное мы сделаем сами. Мне кажется, что никто не будет против разговора. Тем более, что по факту, мы ничего не имеем против этих парней. В конце концов, все мы люди.

Уже около получаса две мужские тени скользили вдоль узких, иногда даже слишком, улочек, и с регулярностью часовых механизмов отвечали скупым отказом от поступающих со всех сторон лишенных скромности предложений.

– Как так выходит, что в нашей стране проституция разрешена, но публичные дома, которые можно было-бы спокойно проверять, запрещены. Тебе не кажется что

здесь пахнет абсурдом?

– Ни в коем случае, я этот запах называю финансовой заинтересованностью и ни чем более. Может я и не отличаюсь такой склонностью к дедукции как ты, Сайлен, но происходящее понятно даже мне. Чтобы сделать деньги на пороке необходимо этот самый порок возвести в культ, так как с культом бороться финансово не рентабельно. Вот мы и имеем, несколько принятых антисоциальных законов, которые с одной стороны, выступают на страже порядка и заботы о морали, а с другой стороны, сами по себе проецируют вот такие, свободные от налогообложения, места. Здесь именно картель «Добрый Христианин» выступает в роли сборщика налогов, только собирает он их не для государства в целом, а лишь для некоторых политиков в частности. Но я давно для себя решил, что это не мое дело, так как система она слишком многогранна, а грани эти остры.

Сайлен внимательно посмотрел на своего напарника.

– Дружище, так ты еще и философ.

– Скорее практик, которому своя шкура еще в самую пору. Стой! - Ричард придержал Сайлена от дальнейшего движения. - Нам сюда. - Ричард кивнул головой в сторону темного дверного проема.

Сайлен подняв голову, скользнул взглядом по задернутым плотной тканью окнам.

– Ты уверен? Я что-то сомневаюсь, что это хорошая идея. Кстати, ты не поверишь, я впервые зашел настолько далеко в этот квартал.

Ричард усмехнувшись, спросил:

– А как далеко ты заходил?

– По краешку, по краешку.

Невысокое двухэтажное здание совершенно ни чем не отличалось от двух десятков подобных домов, расположенных вдоль всей улицы. Такое же грязное, обшарпанное, лишенное прочных перекрытий, как и надежды на хоть какой-нибудь ремонт. В данном месте вообще своеобразно реагировали на рухнувшие здания. Если такое событие происходило, то сразу же находились несколько десятков желающих разобрать завал, а заодно и прихватить любую чего-нибудь да стоящую вещь.

Просочившись внутрь помещения, следователям открылась картина ничуть не лучше той, которую они видели снаружи. Затоптанные, выкрашенные в коричневый цвет доски пола, желтые порванные обои и тусклое освещение, подчеркивающее

царящую атмосферу упадка.

– Нам куда-то сюда. - Остановив пытающуюся проскочить мимо них девушку, Ричард спросил: - Ты знаешь где нам найти Додо?

– Додо? А чем я вам не подхожу? - И посчитав, что клиенты готовы, девушка сделала попытку поцеловать Ричарда.

Резко отшатнувшись, он оттолкнул ее.

– Я сказал До-до. Если тебе будет не сложно, подскажи, где мне ее найти?

Видя что гости не проявляют к ней никакого интереса, девушка ткнула пальцем в сторону небольшой лестницы ведущей на второй этаж. - Вот и отлично. Свободна! Следующие несколько метров напарники шли в относительной тишине.

– А почему Додо? - нарушив молчание, спросил Сайлен.

– Сам у нее спросишь.

Каждая ступенька, по которой пришлось подниматься напарникам, имела свой, уникальный звук. Казалось лестница была живой. С таким надрывом деревянные расшатанные доски рвались рассказать свою длинную наполненную грустью историю.

– Ричард, а что мы вообще спросим у этих ребят? Я думаю, что вопрос в формате «Простите, а недавняя перестрелка - это случайно не Ваших рук дело?» будет в некотором роде провокацией к продолжению вчерашнего дня. Ты не подумай, я не боюсь. Подумаешь, двое полицейских в самом сердце разврата и Мекке употребления наркотиков задают всякие странные вопросы. А если мы окажемся не правы и то, что произошло дело рук именно «Честного Христианина»?

Не останавливаясь, Ричард пожал плечами.

– В таком случае они нас убьют.

– Вот и отлично, именно такой ответ я и хотел услышать. Что может быть лучше чем подохнуть здесь. А потом все газеты будут пестреть заголовками: «Двое полицейских найдены мертвыми на полях продажной любви». - Сайлен поднял две руки с раскрытыми ладонями к потолку и синхронно провел ими в разных направлениях, видимо представляя придуманные им заголовки.

– Расслабься, если они нас грохнут, то уж точно позаботятся о том, чтобы нас не нашли.

– Шикарное известие. Но ты учти, что в отличии от тебя, моя задница поместится в бочку с кислотой минимум в трех частях.

– Вот и отлично, значит им придется попотеть.

Продолжая перебрасываться плоским, профессиональным юмором офицеры вышли на этаж. На втором этаже расположилось не более пяти комнат, о чем свидетельствовали пять выкрашенных заборной краской дверей. Подойдя к одной из них, Ричард тихо постучал, а за тем, не дожидаясь ответа, дернул за дверную ручку.

– Я бы на твоём месте этого не делала. Разве тебя не учили, что в порядочном обществе необходимо дождаться пока хозяин ответит?

В конце коридора, окутанная сигаретным дымом, который плотной стеной застилал открытую дверь, стояла высокая, темноволосая женщина.

– Ричард, по-моему твой информатор в положении. - буркнул Сайлен.

– Это не мои проблемы. Привет, Додо, тут поговорим или пригласишь нас к себе?

Девушка небрежным движением руки поманила гостей внутрь комнаты.

– Какой месяц?

– Тот, на котором его уже от этого мира не спасти.

– Ты и сейчас принимаешь клиентов? - поинтересовался Ричард.

– А ты перевелся в отдел по социальным делам?

Отрицательный кивок головой.

– Я пришел, давай ближе к делу.

– Ты принес?

– Я всегда держу свое слово.

Додо улыбнулась:

– Ты коп и в состоянии держать только слово своего начальства. Ты тот, кто диктует другим их права, но не имеет права на собственный выбор. - Подойдя к окну Додо закурила сигарету и сделав глубокую затяжку выдохнула в треснутое грязное стекло.

– Честь мундира и честь того, кто в этом самом мундире - это не одно и то же. Положи на кровать.

Ричард достал конверт и аккуратно положил на кровать. Сайлен молча смотрел на происходящее со стороны.

– Так что с информацией?

Додо сделав шаг подняла конверт и раскрыв его посмотрела внутрь.

– Подождите на первом этаже. Вас проведут.

– А почему Додо? - заинтриговано спросил Сайлен.

Печальные глаза наполнились жалким подобием счастья, которое со стороны походило больше на боль и отчаяние.

– Все мы здесь вымираем. Я просто не делаю вид, что этого не происходит.

Ничего не поняв, Сайлен быстрыми шагами нагнал уже спускающегося по лестнице напарника.

Спустя некоторое время полицейские сидели в своей машине и обсуждали услышанное.

– Я тебе еще раз повторяю. Если мы не первые кто пришел и интересовался этим делом, то совершенно понятно, что у нас в отделе есть крыса. Кроме нас двоих об этой зацепке никто не знал.

– Или знал. - Многозначительно произнес Сайлен. - Ведь я запрашивал картотеку. Но я попросил, чтобы они придержали информацию. Это надежный человек.

– Насколько надежный? - спросил Ричард

– Настолько, что я даже изредка делаю ей маленькие подарки. - немного подумав, Сайлен выругался. - сейчас уже поздно, завтра я с утра навещу ее.

– Необязательно, что крыса именно в нашем отделе. Слишком большой круг лиц которые в курсе произошедших событий.

– Событий — да, Мимозы — нет.

– Ты учти, что есть еще заказчик, который выдернул тех парней из этой дыры.

– Надо разбираться кому Стефан Майерс мешает настолько, что он готов стравить между собой фавелы, полицию и еще неизвестно кого только для того, чтобы вывести его из игры. - побарабанив несколько раз пальцами по черному, кожаному рулю Ричард обратился к Сайлену. - Как думаешь, я ее сильно разозлю, если вторую ночь подряд проведу в участке?

– Дружище, я бы на твоём месте так не рисковал. Давай по домам. Нам нужно хорошенько выспаться и собраться с мыслями.

Медленно автомобиль двинулся в сторону комфорта и уюта. Каждый из мужчин думал о своем.

– Так почему Додо? - внезапно переспросил Сайлен.

Немного помолчав, Ричард протянул:

– Додооо — маврикийская птица, беззащитный комочек счастья, бегущий к человеку в своей доверчивой простоте. Особенность этой птицы в том, что она была

абсолютно лишена страха перед человеком, который, естественно, отблагодарил ее за такую доверчивость, отведя ей особое место на черных страницах в красной книге.

Ричард про себя прочел молитву, в которой он действительно просил дать Додо силы купить еды, а не наркотиков. Он очень редко обращался к Богу. Почему-то, в те места, куда его вызывали по работе, Бог зачастую опаздывал. Но в такие мрачные моменты он вспоминал слова его любимой жены, которая тихо шептала ему на ушко, что сомнения - это путь к вере. На самом деле верить не нужно, необходимо знать. А как можно узнать о чем-либо, не усомнившись в этом?

23

– Доброе утро, мистер Майерс. Как вам спалось на новом месте? Я вижу Вы уже на ногах.

Несмотря на то, что Сальве пришел гораздо раньше чем того позволяют приличия, подчеркнув таким образом привилегированность его положения, все же ему не удалось застать меня врасплох. Учитывая то, как мне пришлось провести сегодняшнюю ночь, я совершенно не хотел, чтобы кто-либо застукал Стефана Майерса распластанного на шершавом, твердом полу и укрытого при этом старым ковром. Не важно в какой ситуации мы находимся. Важно правильно расставить приоритеты и идти к ним несмотря ни на что.

– Доброе утро. - Приподняв кверху руки, я показал свои запястья. - Свобода стоит тысячи подушек. Так что мой сон был превосходен.

Немного склонив голову, мой гость улыбнулся.

– Вы мне искренне нравитесь. Позвольте пригласить вас пройтись со мной, а заодно по-дружески угостить чашечкой ароматного черного кофе.

Улыбнувшись в ответ, я согласился. Предложение Сальве казалось мне более чем заманчивым:

– Я с удовольствием составлю Вам компанию, особенно если мы пойдем вверх. Нет ничего приятнее утренней разминки.

Сальве рассмеялся.

– Только вверх, ни шагу вниз.

Выходя за пределы своего жилища, я весело заметил, что когда в доме нет ничего по-настоящему ценного, кроме себя, это имеет определенные преимущества. К примеру, не надо заботиться о наличии входной двери, а это, вообще, роскошь в наше время. Сальве усмехнулся, пытаясь понять к чему я клоню.

– У меня есть несколько недавно замороженных объектов недвижимости. А в управляющих я не вижу никакого смысла. И меня временами терзали сомнения по поводу того, запер ли я двери и окна после последнего посещения.

– Мне нравится как Вы настроены. Люблю людей, которые в состоянии запустить свои когти под толстую шкуру жизни и показать кто именно хозяин этой совершенно небезопасной, но стоящей свеч игры.

Пропустив Сальве чуть вперед, я, с легким уколом зависти, наблюдал как легко он преодолевает подъем. Будучи приблизительно одного возраста с ним я подумал о том, что если бы мне пришлось убежать от Сальве это погоня закончилась бы так и не начавшись. Его походка была упругой, а дыхание ровным. Пыхтя как тюлень, я порадовался тому, что иду сзади, успокаивая себя тем, что причиной моей усталости была не плохая физическая подготовка, а бессонная ночь и последствия пережитых событий. Хотя в душе я дал себе слово, что если мне удастся выпутаться из этой передраги я обязательно... А дальше последовали все те обещания, которые мы даем себе оказавшись в «заднице». Обернувшись и заметив мое отставание, Сальве остановился и, чтобы дать мне отдышаться, сказал:

– Мистер Майерс, вот еще одно преимущество Вашего пребывания в фавелах. Навещая меня, Вы сможете поправить свое здоровье. - И улыбнувшись, подбодрил меня. - Мы уже почти пришли.

Дом Сальве разительно отличался от моего жилья. Добротное двух этажное строение, с массивными оконными рамами и тяжелой надежной дверью, как-бы подчеркивали принадлежность хозяина к местной элите. Дважды стукнув в дверь, Сальве громко сказал:

– Сара, у нас гости.

Переступив порог вслед за хозяином, я оказался в большой, уютной гостиной обставленной хорошей, современной мебелью. Все говорило о том, что в этом доме есть художник этого уюта. На окнах слегка волновались нарядные, веселые, идеально выстиранные, цветные занавеси, придававшие большой гостиной некую легкомысленность и игривость, а пушистые ковры, поглощающие шум шагов, подчеркивали атмосферу удивительного покоя, такого несвойственного фавелам.

– Сара, позволь тебе представить Стефана Майерса. Теперь, насколько я понимаю, он окончательно принял решение остаться и стать хоть и временно, но частью нашей общины. Не так ли мистер Майерс?

– Вы совершенно правы. Я постараюсь быть человеком достойным Вашего гостеприимства. Про себя я отметил, что Сара и Сальве очень подходили друг другу. Не смотря на довольно существенную разницу в росте, они выглядели очень гармонично.

– Рада видеть Вас, Стефан. Располагайтесь, а я сейчас накрою на стол. - И с этими словами Сара, улыбнувшись мне, отправилась на кухню.

Оставшись вдвоем, мы переглянулись.

– У Вас очаровательная жена.

– Спасибо, а Вы состоите в отношениях?

Я задумался. С одной стороны мне очень хотелось бы утвердительно ответить на этот вопрос, но я понимал, что это будет ненужная хитрость с моей стороны.

– И в этом вопросе у меня все довольно сложно.

– А по вам и не скажешь. Вы производите впечатление полностью довольного жизнью человека.

– Ну, скорее это профессиональная, выработанная с годами привычка. Мы с Вами уже можем себе позволить такую роскошь как «горизонт личности».

Сальве неопределенно кивнул головой.

– К счастью ли это? Иногда меня терзают сомнения по этому поводу. - И немного подумав, продолжил. - Человек по своей природе, или, если хотите задумке, являет собой своеобразную, организованную систему. Что-то на подобии Государства, в котором действуют свои законы. Эти законы помогают нашему внутреннему миру сосуществовать в гармонии с отображающей, все без исключения, поверхностью. Начиная злоупотреблять никотином и алкоголем, мы отражаем в себе индустриальный век, со всеми ему присущими дымящимися производствами, загрязнением жизненно важных рек, озер и так далее. Вроде первоначальный видимый ущерб небольшой. Но это только на первый взгляд. Тело отзывается недовольством на нарушенную гармонию и как результат происходит нарушение на всех ярусах внутреннего взаимодействия. В итоге начинаются митинги и забастовки. Все как в обществе. И у нас есть несколько вариантов. Мы можем полностью отказаться от вредных привычек. Но почему-то этот путь люди выбирают редко. Путь компромисса оказывается более предпочтителен. С одной стороны, нам хочется подавить восстание, сохранив при этом все удовольствия, но при этом возникает угроза еще большего хаоса. Мы выбираем второй, менее радикальный путь. Путь

договоренности, а если сказать точнее, переговоры. С помощью фармакологии убираем все то, что вызывало волнения и выжидаем. Ждем столько, сколько понадобится, а затем постепенно начинаем вводить старые причины, постоянно прислушиваясь к волнующим нас откликам.

– Простите Сальве, но я не совсем понимаю, к чему Вы ведете.

– А Вы послушайте, ведь время располагает. Следствия наших внутренних компромиссов начинают постепенно отображаться на поверхности, и соответственно, привлекательности нашего Государства. С каждым новым признаком мы придумываем все новые и новые аспекты жизни, тем самым бесконечно усложняя изначально открытые и понятные процессы. Это может длиться на протяжении очень длительного времени, но осознание неминуемой трагедии, как и страх быть пойманным за руку, заставляет нас еще более изощренно ввергать то, что мы с такой заботой создавали в очевидную социальную бездну. Возможность выбора становится все меньше и, в итоге, нам, просто на просто, не хватает пространства для очередного маневра, и вот тут приходится выбирать. Совершенно не героическая возможность погибнуть в осаде собственных страхов и слабостей, либо же выпустить наружу всю накопленную мощь решений и волевых поступков. Два человека - это уже люди. Но человек ли каждый из этих двоих? Вот та самая загадка, на которую мы можем найти ответ только в выражении собственных решений и деяний. У каждого из нас есть выбор и он, как ни странно, заключается всего лишь в том, признаем ли мы его существование или же нет.

Возразить Сальве было нечего. Кивнув в знак согласия, я обратил внимание на висящую на стене фотографию. Мужчина и женщина обнимали маленькую девочку, в ярком кружевном платье. Опытный глаз фотографа оценил естественность этого снимка. Это был не постановочный кадр, а момент искреннего семейного счастья. Проследив за моим взглядом, Сальве сказал:

– Бабел, моя племянница. Так получилось, что мы с Сарой стали ее воспитателями, когда она была еще совсем маленькой.

Вспомнив, где именно я нахожусь, мне не захотелось уточнять, что случилось с родителями Бабел.

– Она у Вас очень ловкая.

– Я этим не горжусь и надеюсь, что мне удастся несколько изменить ее жизнь.

Пройдемте, мне кажется уже все готово. Не стоит заставлять двух голодных сеньоров

томится в ожидании завтрака. Меня очень радует тот факт, что Вы попробуете как великолепно готовит моя жена. - Сказал Сальве, пройдя в кухню-столовую.

Обернувшись, Сара шутливо промурлыкала:

- Перестань меня расхваливать, мне уже становится неудобно.
- Что Вы. В наше время познакомится с женщиной, которая не только умеет, но еще и любит готовить - это просто настоящая удача.
- Сальве, тебе не кажется что наш гость льстец.
- О, Сара, я забыл тебе рассказать, наш гость прилетел из Америки.
- Да, да. - Воспользовавшись моментом, я моментально устремился в расщелину радушия и решил воспользоваться началом хорошей беседы. Как когда-то говорил мой преподаватель: «Если хочешь добиться по-настоящему стоящего интервью, атакуй любую паузу в речи своего респондента! Культуру и вежливость будешь показывать тогда, когда сам станешь интервьюируемым». - В нашей стране действительно женщины очень часто хотят быть у руля крупной компании, но избегают домашних хлопот.

Сальве поддержал тему:

- Я считаю, что это все из-за мужчин. Если бы мужчины вели себя подобающе, то и всякие глупости не посещали бы эти милые головки. - С этими словами, он шутливо похлопал жену по плечу.

Сара засмеялась:

- Нет, ну вы видите, как можно такого мужчину не порадовать каким-нибудь вкусным блюдом.

Семейная пара выглядела так непринужденно и естественно, что мне на секунду показалось, что я нахожусь в гостях у старых знакомых, в том, привычном для меня мире. Я улыбнулся.

- Поддерживаю Ваши слова, Сальве. Мы полностью виноваты во всем происходящем. Исконные добытчики, вооруженные до зубов и опасные даже во сне, незаметно превратились в менеджеров, разносчиков писем, юристов и так далее. Но самое главное, мы на самом деле потеряли истинную свободу выражения собственного мнения. И именно поэтому женщины уже не могут рассчитывать на современных мужчин.

- Верно, мистер Майерс. Но все вокруг упорно стараются не замечать происходящих изменений, а вместо этого предпочитают называть данный процесс

эволюцией. Но могу сказать одно, техническое развитие нам слишком дорого обходится. Мы теряем самих себя в гонке за будущим для своих детей. Так вот скажите мне, пожалуйста, на кой черт нашим детям нужно будет такое, лишенное самовыражения души, будущее.

Сара вмешалась:

– Стефан, я Вас прошу, не обращать на моего мужа внимание. Теории заговоров это его любимая тема. Он может говорить о них часами.

Выслушав реплику жены, Сальве поспешил нежно приобнять ее, при этом хитро подмигнув мне.

– Моя журналистская практика показывает, что теории заговора не существует. Есть только заговор, остальное всего лишь теория. - поддержал я Сальве.

С одной стороны, я прекрасно понимал этого человека, который всю свою жизнь находился с изнаночной стороны системы, которая задолго до его появления установила свои правила и решила очевидную проблему не решать, а всего лишь оградить от лишних взглядов и пустить на самотек, очертив границы, разделяющие этот город на два Мира. На самом деле у обитателей фавел были такие же права, как и у других жителей Бразилии, но с маленьким нюансом: они не имели возможности, в силу политических причин, ими воспользоваться.

– Мистер Майерс, пройдемся?

Выпив чашечку кофе и съев большой кусок бразильского кукурузного пирога, я почувствовал себя полным сил и энергии.

– Конечно! - Поблагодарив хозяйку за чудесный и такой мне необходимый завтрак, я поспешил догнать уже успевшего выйти из кухни Сальве.

Постепенно нагревающийся влажный воздух Рио еще не вызывал какого-либо дискомфорта, но ясно давал понять, что это непременно скоро произойдет. Сальве стоял, скрестив руки как Демиург, возвышающийся над своими владениями.

– Посмотрите вокруг, что Вы видите?

Это был одновременно тяжелый и легкий вопрос. Задумавшись и примерив на язык несколько обжигающих ответов, я постарался выбрать наиболее мягкий, чтобы не обидеть Сальве, но в тоже время быть максимально честным с ним.

– Скорее всего, я вижу неопределенность.

– Почему именно это, а не страдания, отчаяние, боль, безысходность? Меня этот вопрос мучает на протяжении многих лет и никакого ответа. А вам хватило менее

двадцати четырех часов, чтобы разобраться в собственных ощущениях. Вам не кажется это довольно странным? - Его взгляд стал холодным, как-бы обличающим меня в празднословии.

Внимательный, не лишенный дара рассудительности, этот человек вызывал совершенно противоречивые чувства. С одной стороны примерный, заботливый, любящий семьянин, для которого счастье и благополучие тех, кого он любит, являлось чем-то большим, чем просто желание. Это было неоспоримое правило его убеждений. С другой стороны, бездушная деталь в сложном механизме взаимоотношений криминального Мира. Передо мной стоял настоящий, многоликий Демон современности.

– Нет, не кажется. Люди, они по своей природе одинаковы. Я подозреваю, что Вы отлично разбираетесь в таком понятии как «сферы влияния». Когда в спокойном, сытом, отчасти скучающем, но зачастую требовательном обществе, появляется носитель какой-либо идеи, то в независимости от массового стремления происходит своеобразное деление. Находятся как сторонники, так и противники. Со временем, те, кто изначально просто поддерживал замысел, превращаются в последователей, и именно они задают как ритм, так и направление дальнейшего движения. Идентичная картина происходит с противниками. Вот так рождаются общественные социальные тенеты. Вы только задумайтесь, кто объединяет консерваторов, либералов и социалистов?

Сальве медленно пожал плечами.

– По всей видимости, Вам это лучше знать.

– Радикалы! Именно к ним, обращаются приверженцы вышеперечисленных взглядов, когда у них возникают экономические или другие, сопутствующие правящим системам проблемы. Мы забываем самое важное. Когда какая-либо группа становится изгоем и принудительно отделяется от основной массы, то безусловно они не попадают ни в общественно-политическое, ни в философское движение. Так как хотеть кушать, и рассуждать о том, что кто-то хочет кушать - это совершенно разные вещи. И вот тут кроется тайна моего ответа. Люди за чертой — это, своего рода, уже готовые к действиям радикалы. Но так как всем вышестоящим выгодно держать спичку у фитиля, но никому не выгодно его поджигать, то и люди пребывают в постоянной растерянности по поводу, какие именно необходимо сделать движения, чтобы поправить то положение, в котором они находятся.

Сальве несколько раз хлопнул в ладони:

– Bravo. Если бы мне на следующих выборах разрешили голосовать за того кандидата, которого я сам выберу, то однозначно это был бы любой человек, но только не Вы.

Я улыбнулся.

– Почему же? Разве мои суждения не имеют права на жизнь?

Рука стоящего рядом бразильца медленно легла на мое плечо.

– Ну, Вы ведь и сами знаете, что слово само по себе ничего не стоит. Но вот эмоция! Она бесценна. Я знаю очень много людей и у каждого есть что-то свое. Одни наделены характером, другие умны, третьи сильны, у четвертых золотые руки, даже в бездельниках и тунейдцах можно рассмотреть определенные задатки. А вот Вы, мистер Майерс, даже не догадываетесь, какая сила скрыта внутри этого тела. - Его вторая рука несколько раз коснулась моей груди. - То, что у Вас было вчера в Вашем Мире -это, не стоящий ломаного гроша, «пшик».

– Оооо, Вы даже себе не представляете, как сильно я любил этот самый «пшик». Который, надо сказать, достался мне не легко.

Сальве покачал головой.

– Еще вчера Вы были рабом собственных страхов, поработанный материальными глупостями. Разве Вы лишились умения видеть? Неужели Вы больше не в состоянии делать то, что лучше всего умеете? Я считаю обратное. Свобода, она никогда не дается просто так. Мы либо платим за нее неизвестностью будущего, пропитанного надеждой, либо же пропускаем свою очередь и задаем вопрос: почему одних забывают через мгновение, а других помнят вечно? Мистер Майерс давайте откровенно, Вы -мастер, возможно даже Роден обмана.

– Поверьте Сальве, это не самый сильный комплимент, который мне когда-либо говорили.

– Майерс, не глумитесь. Комплимент - это не чужие слова. Комплимент - это собственные поступки. Теперь, не стесненный обязательствами перед поглотившим Вас успехом, Вы можете позволить себе быть свободным скульптором лжи. Говорите, что хотите и как хотите, но поймите, такие как я являются дьявольской необходимостью, а не божьим проклятием.

Я внимательно посмотрел на Сальве и решив сменить тему разговора, сказал:

– Ваша жена действительно вкусно готовит.

Двое мужчин стояли над пропастью, наполненной одними из самых бедных людей во всем мире, и едва заметно улыбались. Жизнь, она рождается именно в те моменты, когда ты понимаешь, что не готов с ней проститься. Мой взгляд медленно скользил вдоль каждого строения, цепляясь за любое движение, шевеление или просто дуновение ветра. Деление общей картины на мельчайшие частицы причинно-следственных связей, было всего лишь анализом того, что меня окружает.

– Мистер Майерс. - слегка повышенный тон Сальве вернул меня обратно к собеседнику. - С Вами все в порядке?

– Да, я просто подумал о том, сколько мне понадобится времени для того, чтобы навести порядок в собственной жизни.

– Сколько Вам будет угодно. Все равно ведь фактор времени существует лишь для тех людей, которым есть куда торопиться.

С этим я не мог не согласиться. Мне было просто необходимо как можно скорее начать самостоятельно разбираться во что я вляпался и почему. Хорошо продуманное, но отвратительно исполненное преступление говорило само за себя. Я был слишком неудобной фигурой на шахматной доске, которая мешала разыграть трехходовку, но не своей ценностью, а занимаемой позицией. Обернувшись, я увидел как Сальве медленными шагами двигался в сторону своего дома. Разговор был окончен.

Сновидения Ричарда никогда не были спокойными. Он давно уже забыл что такое проснуться отдохнувшим. Проекция его работы, неконтролируемая сознанием, зачастую обрушивала его в пучину кошмаров. По этому в отличии от большинства людей он относился к своему будильнику более чем снисходительно. Бывало что именно этот, казалось бы, слишком громкий и резкий персонаж приходил на помощь своему хозяину, выдергивая его из совершенно безвыходных ситуации. Если взглянуть беспристрастно, то Ричард был образцом современного следователя. Верный законам не только государственным, а еще и человеческим, он всегда отдавал должное упорядоченному течению дел. Вся суть соблюдения правопорядка обычными гражданами - это страх как перед ярким светом, так и непроглядной тьмой. Первое обличает, второе поглощает. Если представить что Дьявол - это тень, то не стоит вдаваться в подробности, чья именно. Отточенным движением Ричард нажал на кнопку отключения сигнала. Ему не хотелось никого будить. Да и пренебрегать возможностью подумать в тихом спокойствии родной спальни, было крайне глупо.

Привычные звуки, доносившиеся со стороны, оставленного открытым на ночь окна, одновременно не давали вновь заснуть и помогали ориентироваться во времени, не прибегая к тому, чтобы лишний раз посмотреть на часы. Раздавшийся где-то вдалеке громкий сигнал, указывал на то, что первая смена рабочих на производстве приступила к выполнению своих обязанностей. Потрескивающий звук, напоминающий приглушенный шум проезжающего трамвая, был не чем иным как скользящими роллетами начинающего свою работу магазина. Захватывающий комнату свет, будто после окончания сеанса в кинотеатре, медленно становился ярче. Бывают дни, когда на работу идти не хочется. Но бывают и такие, когда работа не хочет чтобы ты на нее шел. Именно это ощущение проснулось вместе с Ричардом. У него было слишком мало времени для того, чтобы найти хоть какой-нибудь след. Когда дело носит резонансный характер, то оно имеет тенденцию подниматься все выше и выше, пока в конце концов не упрется в того, кто посчитает его слишком надуманным или попросту способным чему-нибудь помешать. Миллионы таких вот одиноких, требующих решения дел, кочуя из года в год, пылились на архивных полках по всему миру, и Бразилия в этом смысле не была исключением. Но самое плохое в данной ситуации являлось то, что вне зависимости от того заберут дело или нет, серьезные последствия никуда не денутся. Вообще происходящее сейчас было алогичным. Находясь в здравом уме, ни один человек не рискнул бы включать в свои махинации фавелы. Так как каждая ячейка бедности служит не чем иным как живым щитом для обитающих там картелей. Очень удобно иметь такое место, где можно, в случае необходимости, просто раствориться. Если Майерс еще жив, по поводу чего у Ричарда были весьма обоснованные сомнения, то наверняка это чудо продлится не долго. Вздохнув, Ричард направился в ванную комнату.

Жизнь человека слишком сильно подвержена привычкам, которые вырабатываются по многим причинам. Одни - это дань моде и не более. Другие вызывают положительные эмоции. Третьи вовсе не имеют видимой причины. Каждый из нас является носителем определенных жизненных предпочтений. И мышление работает по установленным временем правилам. Исследуя неизвестный предмет, каждое живое существо будет в первую очередь обращаться за помощью к своему жизненному опыту, но если в данной области такового не находится, то за дело принимается воображение.

Уже несколько минут Ричард следил как капли воды, в поисках самого легкого пути, устремлялись в уже готовые ранее проделанные дорожки. Раз за разом картина

повторялась. Что именно могло послужить причиной полного разрушения жизни мистера Майерса. В один момент популярный человек, мастер своего дела, богатый до безобразия лишается всех вышеперечисленных привилегий. Зачем настолько поднимать ненужные ставки?! Ведь каждый знает, что кусочек свинца, стоимостью в доллар, с легкостью решает большинство многомиллионных проблем. Когда затратная часть превышает ожидаемый доход, то преступление автоматически становится бессмысленным. Если только не личные счета? Учитывая все нюансы, именно эта версия начинала казаться ему наиболее подходящей. Возможно, что кто-то знал о махинациях, в которых участвовали Майерс и Уотенберг. Шантаж, который вышел из под контроля? Тогда не сходитесь нападение на сотрудника полиции. И, в конце концов, почему Уотенберг не пришел в полицию, если опасался за свою жизнь? Или он намекал на совершенно другое преступление, которое не должно было иметь ничего общего с его собственной смертью.

Чуть позже, получив от жены несколько сытых поцелуев, Ричард направился к своей машине. Первым делом нужно было заглянуть в финансовый отдел и разобраться кто и в каких масштабах выплачивал гонорары мистеру Майерсу. Затем встретится с Сайленом. Может у него получится выяснить откуда происходит утечка информации. Пройдя хорошую сотню метров, Ричард остановился. Его взгляд привлекла лежащая на тротуаре смятая пачка из под сигарет. Мысли в хаотичном порядке начинали выстраивать определенную связь между приемом в посольстве, убийством Уотенберга и покушением на Майерса. По своей сути, систематическое изъятие сигарет по одной это очевидное покушение на всю пачку в целом. Еще через несколько минут он завел двигатель автомобиля, включил радиоприемник и, прокрутив колесиком, нашел любимую радиостанцию. Начался новый, не слишком многообещающий день.

24

При строительстве данной фавелы люди руководствовались не чувством вкуса, а двумя главными правилами: каждое здание должно было быть продолжением предыдущего, в независимости от их архитектурной совместимости, а улицы ни в коем случае не заканчиваться тупиками. Еще одна ирония мироустройства. Жизненная граница, лишенная тупиков в своей структуре. Неспешно прогуливаясь под любопытные местные взгляды я не испытывал никакого дискомфорта. Данное место мне напоминало огромное, не в меру опутанное проводами и различными

электрическими приспособлениями общежитие, жильцы которого были крепко связаны всевозможными социальными аспектами, и я, в не зависимости от собственного желания, становился одним из них. Разница в цвете кожи, истории, образования здесь не имели никакого значения. Люди были повсюду. Некоторые из них просто сидели на порогах своих жилищ, переговариваясь с соседями и наполняя улочки гортанными звуками, другие были заняты домашними хлопотами. Ребятишки, как стайки рыб, кружились на редких свободных пространствах. Быт, который окружает каждого человека - это один из множества щитов, который защищает его от некоторых ударов судьбы. Наш разум в любой ситуации стремится к упорядочению окружающего нас разнообразия, причем совершенно не важно, информационное либо материальное это самое разнообразие. Факт моего присутствия в данном месте говорил сам за себя. Я - жив, а значит, я имею право на борьбу за собственное будущее. Одно из немногих воспоминаний, которые связывали меня с отцом - это слова, которые он повторял в тяжелые моменты его пути: «Майерс ,запомни, если кто-то выключил свет в твоей жизни, то у тебя есть всего лишь две возможности. Первая - это найти выключатель, но в таком случае свет может погаснуть вновь, либо найти того, кто посмел это сделать». Удивительная способность человека приспособливаться, чтобы не быть в ответе за те невыносимы условия, которыми мы наградили свой собственный Мир. Эволюция сыграла слишком жестокую шутку, наделив нас помимо разума еще и безумием. Прогуливаясь по улочкам фавелы, я удалился достаточно далеко от своего дома, но с мудрой предосторожностью, сохраняя выданный мне Сальве иммунитет. Я старался придерживаться своего уровня, четко помня: «ни шагу в низ». Еще одной особенностью царства маленьких, приземистых строений было отсутствие повторений. С каждым шагом мне открывались, безусловно, подобные, но ни в коем случае не одинаковые картинки окружающих зданий, людей и улиц. Не стремлением к индивидуальности, а жадной к жизни вырисовывался фон, объединяющий эту действительность. Утверждение собственной личности нужно лишь тому, кто сомневается в наличии таковой. Как можно стать тем, кем ты есть если не жить? Обычная человеческая жизнь, без оглядки на деньги, статус, взгляды и мнения окружающих. Жизнь, наполненная своим личным, неповторимым, возможно понятным только самому себе, смыслом. Мы до самой смерти можем даже не подозревать, что каждый прожитый нами день - это частичка чего-то большего, чем просто отрезок нашей истории. Возможно, это то самое место, где рождаются легенды! Судя по солнечному диску, который то и дело

выглядывал из-за очередной крыши, время располагало вернуться в свой новый, временный дом.

Развернувшись, я неспешно направился обратно. Кажется, здесь я повернул вверх, нет скорее вниз. Точно, а перед этими ступеньками я двигался по левому, да, именно по левому переулку. А вот и он, не в меру большой синий таз. Нет, тот вроде был с ручками. Скорее всего, это не он, тот стоял, а этот лежит. Почему когда человек теряется, то ему хочется двигаться все быстрее и быстрее? Как будто испуганный мозг пытается поскорее найти хоть что-нибудь отдаленно похожее на уже виденное, знакомое, то, что поможет вернуться в тишину, спокойствие и безопасность. Нет, так больше невозможно. Все настолько же разное, насколько и одинаковое. Каждый переулочек, каждое окно, стоявший на нем цветок, занавесь, либо человек вызывали отчетливое чувство, что здесь я уже был, но в действительности что-то мне подсказывало, что ни черта я здесь не был. Люди присутствовали на улицах в изрядном количестве, но кого бы я ни спрашивал о Бабел, или Сальве, они просто в отрицании махали головами. В итоге, кроме того, что мне удалось несколько раз попить воды, я так ничего и не узнал о том, в какую сторону мне нужно было двигаться. Решительно стараясь придерживаться направления вверх, я шел и шел. Кожа на моих изнеженных ногах не просто пекла и зудела, она готова была лопнуть. В конце концов, я добрался, как мне показалось, на самую вершину. Небольшая площадка, всего в несколько квадратных метров, напоминала иллюзию. Оглядевшись, я был ошеломлен. Передо мной открылись километры связанных между собой крыш, которые, по левую сторону, плавно перетекали в темную полосу. Наверняка это был лес. А по правую виднелся желтый, выжженный солнцем пустырь.

Оглянувшись назад, я увидел еще одну вершину, подобную той, на которой я стоял сейчас, а позади нее красовались едва заметные многоэтажные, поблескивающие здания. Я постепенно начинал сомневаться в собственном рассудке. Предполагать, что размер данной фавелы заключался в том небольшом кусочке, который я видел перед собой из моего окна, было крайне наивно и глупо. Если кто и мог заблудиться в городе, состоящим преимущественно из одноэтажных зданий, то это был однозначно Стефан Майерс. Отдых был просто необходим. Устало опустившись на выжженную землю, я с наслаждением скинул тапки и вытянул ноги. Влажный и теплый климат Бразилии, смешиваясь с пыльными улочками, оказался чрезмерно благоприятной средой для активного роста всевозможных натертостей и мозолей, которые уже в изрядном количестве украшали мои стопы. Подставив лицо

горячим потокам ветра, я прикрыл глаза. Мы сами авторы большинства наших приключений. Как же мне не хватает моего всезнающего блокнота или хотя бы мобильного телефона. Привычка записывать все важные, гарантированно хорошие, проверенные кем-либо места, контакты и прочее сыграла со мной злую шутку. Лишившись этих двух вещей, и при этом, оказавшись в заключении фавелы, я выглядел совершенно беспомощным перед сложившимися обстоятельствами. Внезапно я вздрогнул. Скорее почувствовал, чем увидел, что нахожусь не один, я обернулся.

Молодая, темноволосая девушка стояла позади меня. Высокого роста, смуглая, одетая в полосатые джинсы, кепку и солнцезащитные очки она была похожа на маленькую и шkodную окапи. Я ухмыльнулся и дружелюбно поднял руку. Разговаривать не хотелось. Преувеличенно безразлично глянув, девушка обошла меня с боку и опустилась на землю в нескольких метрах.

- В этих фавелах спрятаться негде. - Негромко произнес я.
- Вы правы. Здесь все на виду. Особенно иностранцы.

Я внимательно посмотрел на девушку. Неужели во время моей прогулки Сальве приставил ко мне сопровождающего. Хотя заблудившись в многочисленных переулках, я неоднократно сворачивал и возвращался обратно в поисках дороги и никого не замечал. Нет, наверное это моя излишняя подозрительность.

- Меня зовут Стефан.
- Маэлен.
- У Вас красивое имя.
- Спасибо.

Кивнув головой в сторону моих босых стоп, она спросила:

– Заблудились? - И не дожидаясь моего ответа продолжила. - Фавелы - это не слишком хорошее место для прогулок.

- Но Вы ведь гуляете. - Парировал я.

Маэлен безразлично хмыкнула.

– Я часто прихожу сюда. - И вытянув вперед руку, указала на блестящий в солнечных лучах город. - Красивый вид.

Я скользнул взглядом и кашлянув ответил.

- Красиво. - И решив воспользоваться возможностью спросил.
- Вы не подскажете, как мне пройти к дому Сальве? Моя новая знакомая

приподняла очки, приоткрыв изумрудный бриз глаз. Она качнула головой. В выражении ее лица неуловимо изменилось. В нем одновременно читались опаска и раздражение.

– Надо отметить, что у Вас сильные покровители. - И как бы потеряв ко мне интерес, Маэлен поднялась и добавила:

– Но это не значит что Вы в безопасности. Будьте осторожны.

И тактично попрощавшись, направилась к спуску.

– Мы с Вами еще встретимся?

Немного задумавшись, она ответила.

– В этом месте каждый когда-нибудь встречается.

Я снова остался наедине с обжигающими лучами солнца, жарким ветром и блестящей картинкой своего прошлого. Прошлого, в котором сейчас я был нежелательным гостем.

Примерно проложив маршрут, я направился в путь. Всю обратную дорогу я провел в мыслях о том, что мне нужна связь. Юридическое агентство моего приятеля имело не только громкое название, но и хорошую репутацию. Рекламные слоганы, которые придумывал Патрик, были настолько яркими и запоминающимися, что вызвали желание совершить какое-либо преступление только ради того, чтобы потом был повод обратиться к нему за помощь: «Неправомерность - это закон современности. Ангелы чести приходят на защиту павших в его глазах граждан» и т.д. Вот это я называю наглым, беспардонным, лишенным капли стыда предприятием. Защищая самых виновных, опасных и неизменно богатых, Патрик сделал целое состояние, которое как нельзя лучше сказывалось на популярности самого агентства. Вера не в то, что он делает, а в то, насколько много он за это требует. Это именно те самые основы финансового магнетизма. К счастью, у нас с Патриком были больше дружеские отношения. Этот парень со своей компанией был просто образцом системы. Когда-то давно я задал ему вопрос: «Что ты чувствуешь, когда защищаешь виновных?». Его ответ был взвешенным и, по всей видимости, продуманным задолго до моего вопроса: «Стефан, я считаю, что существование закона как такового -это уже своеобразный показатель отсутствия морали у всего человечества в целом. Зачем ограничивать права и свободы высокоморального, духовного человека? Так что, я чувствую лишь запах денег и больше ничего. С каждым годом «свобод становится все меньше, а говорят о них все больше. Это в свою очередь благотворно

сказывается на моих выступлениях».

К моему удивлению, обратный путь занял не более получаса. Увидев знакомую лестницу, ведущую к моему жилищу, я почувствовал облегчение и, ускорив шаг, направился домой. Последние метры подъема дались мне особенно тяжело. Хотелось просто лечь. Поэтому, увидев перед своим домом Винера, я не испытал особого энтузиазма. Не было желания изображать из себя ручную обезьянку, развлекающую местных жителей. Мельком взглянув на выражение лица Винера, я прочел его мысли. Он не думал, что я вернусь. И если говорить, не кривя душой, то эта мысль мне была приятна и желанна, так как она сама по себе не раз всплывала в моей голове. Но к счастью, комфорт ценой в жизнь был сейчас крайне неуместен. Поздоровавшись, я прошел к себе, не приглашая Винера, так как понимал, что этот парень в приглашениях не нуждается. Зайдя, я был приятно удивлен. Первое, что бросилось в глаза, это была аккуратно застеленная, ставшая немного выше благодаря обретенному матрасу, кровать. Ковер, служивший мне одеялом, был водворен на прежнее место. В углу около входа стояло пять галлонов воды. Понимая, что все это только благодаря Сальве я повернулся к Винеру и сказал:

– Передай Сальве мою благодарность.

Винер молча кивнул головой и, показав пальцем в сторону кухни вышел. Я был настолько уставшим, что обнаруженные на кухне продукты и бритвенные принадлежности так и остались не распакованными.

– Вот и все. – Сказал я, оставшись наедине с относительной тишиной и солнцем, которое не преминув возможностью спрятаться, уже на половину скрылось за горизонтом.

День подходил к концу, оставив после себя лишь тень воспоминаний: о таинственной молодой особе, с которой я познакомился днем, приключениях в совершенно новом для меня мире и заботе Сальве. Я прекрасно понимал, что цена этой заботы - его личная заинтересованность. Как опытный игрок придерживает хорошую карту в надежде на пару, так и он придерживает меня в «бекдоре»

25

Серая столешница, покрытая дешевым, но практичным пластиком, на которой стояли коричневые подносы, была настолько хорошо протерта, что Ричард не удержавшись, процедил:

– Ни одного отпечатка.

Сайлен согласно кивнул.

– А я вот что тебе скажу. Мы ходим сюда уже сколько? Пять, нет целых восемь лет. И за все это время здесь совершенно ничего не меняется кроме моих габаритов. Ты только подумай, мы этим парням сделали целое состояние, а они даже не хотят добавить что-нибудь в этом меню. Или скидки, нам хоть раз предложили скидку, хоть маленькую?

Заведение «У Луи» было небольшой закуской. Одной из тех что располагают к себе не вычурностью блюд или отточенным поведением официантов, а своей славной атмосферой непринужденности и незамысловатой, но сытной едой. Это было как раз то заведение, где холостяк мог получить имитацию семейного ужина.

Не хитрое меню, состоящее из жареной картошки и пары гамбургеров с несколькими бокалами пива, было неподвластно тенденциям моды. История этого заведения писалась обычными жителями Рио. Людьми, которые из года в год, не изменяя своим вкусам, с завидной регулярностью, которой могли бы позавидовать модные рестораны, наполняли стены этого заведения своими историями.

– Мне кажется, что Майерса уже нет в живых. Скажи, какая вероятность того, что мы сможем его найти? У него здесь нет больше никаких знакомых кроме Мари. У него нет денег, а если и есть еще пару спрятанных счетов, то до сих пор ни в один банк на территории Бразилии он не обращался. Да и это довольно затруднительно сделать без документов, а еще и в браслетах.

– Дружище, меня сегодня с утра терзали точно такие же сомнения. Я прекрасно понимаю, что все играет против Майерса, но мое чутье говорит мне, что просто так эта история не закончится. - Сайлен вновь принялся изучать ламинированные листы меню.

– В финансовом пусто. Они сказали, что у Майерса были множественные счета, которые закрывались сразу же после одного или двух переводов. А вот отправлял деньги он только со своего официального счета. И ни куда-нибудь, а напрямик на счета сотрудников самых топовых печатных и не только изданий. А сотрудники, те которые получали переводы, все как один утверждают, что Стефан Майерс действительно им оплачивал определенные услуги личного характера, о которых они распространяться не собираются. Так что, здесь нам точно ничего не светит. Единственный перевод, который указывает на то, что Майерс имел какие-либо дела с Уотенбергом это тот, который был сделан в день смерти того самого Уотенберга. Он

даже сделав признание на пленку, по сути остался совершенно чистым. Так как доказать, его вину попросту невозможно.

– А Мари? Это, в принципе, единственный свидетель, который был с Майерсом в тесном контакте. Хотя, вполне вероятно, что он мог общаться еще с кем-то, но эти лица пока не установлены.

– Вот и все. - Сайлен слегка приподнялся и крикнул. - Луи, две порции, пожалуйста. - Он знал, что любую проблему лучше заедать сразу, тогда возможно ему удастся избежать ночных калорийных последствий. - А номер, с которого пришли предупредительные сообщения на телефон Майерса?

Ричард скривился, всем своим видом показывая, что в этом направлении вообще копать бесполезно.

– А что номер? Ясно, что кто-то пытался его предупредить. Но судя по времени, они начали приходить только тогда, когда мы уже вошли в здание. А ты и сам понимаешь, если за отелем в котором проживал Майерс, велась слежка, то она могла вестись из любой точки в радиусе ста метров. Машины, квартиры, ресторанчики и так далее. Пробивка сим-карты ничего не дала. Одна из тех сотен тысяч предварительно оплаченных, которые можно купить в любом киоске, магазине, торговом центре страны.

Сайлен в друг оживился:

– Рич, а может послать все к черту и взять несколько выходных. Прокатимся с ветерком, на полигоне настроляемся вдоволь. Потом хорошенько напьемся и просто забудем о существовании Стефана Майерса, Мари, финансового отдела, да и вообще всей этой трясины.

– Давай закончим ужин и поедом еще раз покопаемся в вещь доках Майерса. Возможно, мы что-то упустили. Что объединяет убийство Уотенберга и Стефана Майерса? Конечно, кроме того, что второй это убийца первого. Все как в театре. Почему ни кто не замечает, как меняются декорации, а если и замечают, то не придают этому никакого значения? Только по одной причине. Никому не нужен разрыв той реальности, за которую они заплатили деньги.

Сайлен откинулся на спинку кожаного дивана и сказал:

– Не могу сказать, что я счастлив опять возвращаться в отдел, но двигаться куда-то надо. - И Сайлен неохотно потянулся за перекинутым через спинку пиджаком
Через пятнадцать минут Ричард постучал в металлическую клетку отдела

хранения вещь доков.

26

Аккуратно застеленная кровать магнитом притягивала, и я с трудом удержался, чтобы не окунуться в пену чистых простыней. Ноги горели от вьевшейся пыли. Перед глазами в ярком калейдоскопе продолжали свое кружение, маленькие строения, которые впадали в бесконечный поток усталости. Тело ныло, и каждая клетка просила влаги. Я поспешил хоть как-то привести себя в порядок. Для этого мне понадобилась практически вся имеющаяся в моем распоряжении вода. Если кто-то из Вас бывал в пеших или длительных экспедициях, в таких местах, где Вы лишены возможности элементарной гигиены и удобств, то Вы понимаете, насколько мне сейчас было хорошо. Чистый, выбритый я устремился в мягкую, манящую тело постель. Выключив одну единственную, тусклую лампочку, которая весела прямо по среди комнаты и коснувшись головой мягкой подушки я удобно устроился в предвкушении сна. Мне казалось, что как только голова коснется подушки, я сразу усну. Но, невзирая на усталость, я просто лежал. Лежал и вспоминал

Примерно на таких же сетчатых кроватях мы по очереди спали во времена фронтовой журналистики. Бедность, она разная. Мы можем быть лишены удобств, качественной еды, страховки, но на самом деле быть намного богаче любого финансово воротилы. В некоторых случаях недостаток чего-либо -это и есть то самое богатство, от которого мы всеми силами пытаемся избавиться, при этом не замечая, что вместе с приходом денег, славы, признания, уходят тысячи мелочей, каждая из которых была по своей сути бесценна. Перевернувшись, я закусил уголок подушки зубами. Стоило только на миг прикрыть глаза как тысячи ярких, цветных видений врывались в мое воспаленное, постепенно расслабляющееся сознание, начиная с абсолютно аморфных образов и заканчивая хорошо знакомыми лицами. Все в одном и каждый в отдельности. Марк был той самой занозой в моих мыслях, от которой просто невозможно было избавиться. «Эх, парень. Мы были глупы, но в меру. Доблестны? Возможно, недостаточно. Честны друг перед другом на все сто процентов. Перед собой, сомнительно. Ложь всегда оборачивается крахом любых, даже самых великих империй, как унаследованных, так и созданных самостоятельно». Мое знакомство с Марком -это была империя, которую мы сами разрушили.

А как же все началось и насколько логичен этот итог. В те времена я верой и

правдой служил изданию National Geographic, которая очень неплохо платила за довольно посредственные фотографии. Только мои бабочки, птицы, носороги, слоны, гепарды и прочие животные, которые водились в изрядном количестве, особо никого не интересовали. Агентству нужны были фотографии браконьеров, которые промышляли незаконным отстрелом и выловом этих животных. Вот мне и приходилось, вооружившись здоровенным объективом, отщелкивать совершенно не фотогеничные лица, гонимых нуждой людей. Несколько месяцев я провел, блуждая вдоль величественной дельты реки Окаванго, где в период разлива в изобилии наблюдались антилопы, бегемоты и крокодилы. Постоянно мокрый, покусанный насекомыми, избегающий встречи как с браконьерами так и с теми на кого они охотились. Я был подобно гиене. Идя на звук выстрелов, зная, что где-то там обрывается жизнь гордого, сильного, красивого животного. Смерть которого принесет несколько долларов, на которые я смогу прожить еще какое-то время. В удачный день мой фотоаппарат мог сделать от пятидесяти до сотни уличающих правонарушение снимков. За каждое десятое фото мне выделяли вознаграждение в размере десяти долларов. Когда начинался сезон дождей, я убеждал мое начальство, что лучше будет переместиться на пустоши Калахари, где линза объектива с завидной регулярностью становилась свидетельницей настоящей бойни охотников за слоновой костью. Во время моих вылазок мы с браконьерами были врагами. Поначалу я даже опасался выходить в темное время из территории частного отеля, где я арендовал маленькую, лишенную удобств комнату. Позже я понял, что никому по-настоящему нет дела до того, что именно я делаю. Видимо, для местных я был точно такой же охотник, как и они. Они убивали, я же фотографировал, как именно это происходило. Иногда даже случалось синхронно с охотником нажимать на спуск затвора фотоаппарата. Кто из нас был хуже? Никто! Мы просто были людьми. Шел второй год моей работы. На это время Ботсвана в какой-то степени стала для меня вторым домом. Один из самых пустых для моего кармана дней. Ни одной фотографии, ни одного выстрела. Я уже около двух часов шел вдоль зарослей акации, когда мое внимание привлек шум. Отлично помня одно из самых важных правил Африки: «Если тебе стало интересно, что там, в кустах — беги». Но никакого шевеления не наблюдалось, только периодический немного свистящий шум. Не удержавшись, я медленно начал красться на звук. Пройдя десяток метров вглубь кустарника, я увидел спину взрослого, черного носорога. Он лежал на животе, и при каждом вдохе, по его могучим бокам пробегала мелкая дрожь. Решив воспользоваться моментом, я снял с

плеча камеру и приготовился сделать несколько снимков. Подняв небольшой камень, бросил в сторону, никакой реакции не последовало, лишь свист стал слышаться чаще и громче. Мне показалось хорошей идеей обойти двухтонное животное вокруг. Шаг за шагом я медленно, бесшумно крался вдоль большой темной массы. Опять никакой реакции. Только свист. Через минуту я стоял напротив огромной кровоточащей раны на том месте, где должен был быть рог. При каждом вдохе доносился хрип, при выдохе свист. Я посмотрел в его мудрые глаза, в них не было злости, не было отчаяния, страха или укора. Всего лишь вопрос, он обращался ко мне, к National Geographic, к людям в целом: «Что я сделал не так?», «Разве плохо иметь такой красивый рог?», «Зачем Вы меня убили?», «Я ведь не виноват. Я просто жил». Был вопрос, на который стыдно ответить и были слезы, в которые лучше не верить, потому что если в них поверить, то лучше не жить. На память пришли строки неизвестного автора:

«Титанов больше нет, ушли на небеса...

Лишь зов нетленных душ, остался на века.

Огонь внутри угас, но есть одна искра.

Печальная печать орнаментом в сердцах

умерших не за что....

Ушедших просто так...»

В тот вечер я напился. Ведь нам свойственно так поступать, когда мы хотим чтобы уснула наша совесть. Хотя, наверное, не всем. Ведь у каждого своя колыбельная для его совести. Бар с одноименным названием поселения, в котором он был расположен, назывался Сехитва. Небольшое заведение всего на двадцать столиков, являлся своеобразной отдушиной для местного населения. Каждый житель Ботсваны мог прийти в это место, зная что ни один человек в этом Мире не позволит себе такую вольность как любопытство. Заняв свое любимое место прямо по центру бара я вместо ответа бармену, просто положил на стол монету в два пула на аверсе которой был отчеканен носорог, за что в течении нескольких минут получил наполненную до самого верха пятидесяти граммовую рюмку персиковой Мампозйры. Оглянувшись по сторонам, я поднял рюмку и машинально кивнул бармену. Залп, огонь, рюмка с громким стуком опускается на столешницу. Через минуту бумажка в десять пулов ложится как дополнение к двум предыдущим. Сознание мне сегодня совершенно ни к чему. Свежая порция выпивки уже была подана, а рука так и тянулась повторить, когда справа от меня кто-то тяжело выдохнул и опустился на

стул. Повернувшись, я увидел, высокого, с таким же характерным загаром как у меня, свойственным только иностранцам, парня. Посмотрев на меня, он протянул руку и добродушно представился:

– Марк.

Мы обменялись рукопожатиями.

– Стефан Майерс. Выпьем?

Рассмеявшись, он весело согласился.

– А почему бы и нет.

Я молча подвинул свою рюмку новому знакомому.

– Персик?!

– Персик.

– Ну, тогда за Вас и Ботсвану. - С этими словами рюмка была опустошена. - Ого!

Сколько в ней?

– Бывает по разному, от пятидесяти до восьмидесяти градусов. Все зависит от настроения производителя.

Этой ночью мы разговаривали совершенно обо всем том, о чем могут разговаривать люди, которые находятся за тысячи миль от своего дома. Каждый из которых выполняет ту работу, за которую ему платят деньги и никогда не спрашивают нравится ли ему то, что он делает. Оказалось, что это парень родом из Англии. Работал в каком -то международном агентстве по связям и был яростным болельщиком своей национальной футбольной лиги. Странно, насколько место и время могут объединить двух совершенно разных, незнакомых людей. Но и последствия этих самых знакомств такие же не предсказуемые. Наше знакомство со временем превратилось в крепкую дружбу. С помощью Марка о Стефане Майерсе начинали узнавать не только в разных странах, но и на других континентах. Но все имеет свою цену.

Я открыл глаза и рассмеялся. Черное сердце манит своих детей. Надо будет сказать Бабел о газетах. Хочется посмотреть на результаты моих трудов. Мне было хорошо известно, что «Таймс» никогда меня не только не сдаст, но и не будет отстаивать мои интересы. Их первоначальные попытки откреститься от моей личности не принесут совершенно никакого результата, так как я не только долгие годы работал на них, но и числился в официальном штате издательства. Остальные будут в точности копировать поведение главных игроков. Я самый разыскиваемый

человек только по одной причине, кто-то очень хочет, чтобы так и было. Ричард явно не ожидал, что прессе сольют мое задержание. В кругу тех, кто знал об этой ситуации, был аноним, звонивший мне перед началом всех событий. И этот аноним был явным аматером в подобных делах. Мысленно я попытался вспомнить голос звонившего. Молодой мужчина, это все, что могло запомниться за те несколько секунд нашего общения. Расслабившись и начав трезво анализировать все произошедшие события, мне стало очевидно, что полиция толком совершенно ничего против меня не имеет. Во-первых, у меня блестящая репутация, во-вторых, я достаточно богатый человек, чтобы никого не убивать, по крайней мере, за такие суммы. Почему Ричард не проверил информацию о тех маршалах, а поверил листку бумаги, выданном, хоть и высшим, но все же местным органом власти? И какого черта он вел себя настолько уверенно в отеле? Однозначно все произошедшее было последствием экономического преступления. Марк был достаточно умным человеком, чтобы не умереть из-за собственной алчности. Необходимо было навести справки по поводу трех обратившихся ко мне компаний. Обычно убивают не за деньги, а за очень большие деньги. Я вздохнул. Вспомнив, что арендованное прибрежное шале с полным спектром услуг, которое обошлось в довольно кругленькую сумму, так и останется неиспользованным, мне стало обидно. Когда я вносил полную оплату, моя фантазия рисовала белоснежный пляж, по которому мы с Мари будем медленно прогуливаться после посещения какого-либо мероприятия. Кушать различные деликатесы и наслаждаться обществом друг друга. Возможно, у меня хватило бы мужества признаться в своих чувствах. Я открыл глаза и огляделся: «Да, это почти шале, Сальве почти Мари, а пыльные тропы фавелы совсем чуть-чуть не дотягивают до белоснежного пляжа». Вновь отвернувшись, я выругался. Нужно было уточнить, как именно умер Уотенберг. Мысли начали путаться, внимание рассеиваться. Я постепенно засыпал.

27

- Нет, ну ты представляешь, он заказал себе виллу на целых две недели. Мы тут концы с концами сводим, а Майерс готов потратить столько бабок на то, чтобы наладить свою личную жизнь. - Сайлен уже десять минут не мог успокоиться.
- Ты не переживай. Смотри, какую задницу наел на свою зарплату.
- Это нервное. - При этих словах Сайлен несколько раз хлопнул себя по животу. Ричард усмехнулся.

– А может от зависти? Я читал, что люди пухнут от зависти.

– Еще чего. Сильно мне надо завидовать человеку, который может позволить себе все что захочет только потому, что у него язык находится в нужном месте и глаз наметан на красивые картинки. - Напарник пнул стоявшее на полу мусорное ведро.

– Я вот стреляю хорошо. Мой глаз тоже не промах, но почему-то мне никто за это не доплачивает.

Ричард уже откровенно смеялся. В такие моменты Сайлен выглядел словно пухлый, обиженный ребенок.

– Ладно тебе. Пошли лучше пройдемся.

Ему и самому было обидно, что эта версия оказалась не менее тупиковой чем все остальные.

– Отлично, пойду съем еще один гамбургер.

Собрав все необходимые вещи, чтобы уже не возвращаться в участок Ричард и его напарник вышли на улицу.

Душный, не располагающий к разговорам, воздух густой патоккой окутывал любого рискнувшего высунуться на улицу в это время суток.

– Мороженого хочешь? - Ричард хитро посмотрел на все еще раздраженного Сайлена.

– Знаешь чем подкупить.

Оба следователя рассмеялись.

– И ни слова о Майерсе.

– Так точно, лейтенант.

Наметив ближайший магазин с мороженым, напарники направились к нему.

– Как у тебя с той девушкой о которой ты говорил?

Сайлен прищурился, не понимая о ком именно говорит Ричард.

– Ну, из информационного.

– А. - Сайлен махнул рукой. - Не очень. После моего допроса по поводу слива информации она почему-то решила принять все на свой счет и в буквальном смысле послала меня куда подальше.

– Болван, всему тебя учить надо. А ты не мог подарить ей конфеты или мороженое, проводить домой, а уж потом, при полной луне устроить допрос с пристрастием. Так сказать совместить приятное с полезным. - С этими словами Ричард потрепал напарника по волосам.

Сайлен прищурил глаза.

– А не собираешься ли ты допросить меня при полной луне?! Вон, мороженное уже купил.

– Тьфу на тебя.

И раздался спокойный, расслабляющий смех. То напряжение, которое весь день сопутствовало зашедшему в тупик расследованию, спало, оставив после себя всего лишь легкий, незаметный след.

Блестящий черный кадиллак, с сильно затемненными стеклами, остановился прямо напротив следователей, дерзко прервав вечернюю сиесту. Две руки моментально легли на рукоятки оружия и плавно взвели курки. В такие моменты, для людей которым есть чего опасаться, время замедляется настолько, что кажется возможным посчитать до десяти между ударами собственного сердца. Машина стояла, всем своим видом показывая власть тех людей, которые находились внутри. Сайлен громко сглотнул.

– Рич, чего это они?

– Сейчас узнаем. Если бы нас хотели убить, то точно не из этой красавицы. - Ричард медленно убрал руку с рукоятки пистолета, не меняя при этом положение курка. Воцарилось жизненное многоточие. Пауза, не предвещающая ничего хорошего. Наконец стекло медленно опустилось. Оттуда на него смотрело маленькое, испещренное морщинами лицо.

– Я могу Вам чем-то помочь? - Громко спросил Ричард

– Сомневаюсь, но совершенно не возражаю, чтобы между нами произошел небольшой диалог.

Ричард посмотрел на напряженного напарника и, подав знак рукой оставаться на месте, подошел к автомобилю.

– Это хороший выбор. Меня зовут Аруто де Лисандро.

– Ричард Джонсон.

Незнакомец улыбнулся.

– Мне отлично известно кто Вы такой и чем занимаетесь, иначе, зачем бы мне было с Вами встречаться. Белоснежные, редкие волосы, вместе с не менее белыми манжетами рубашки, как будто специально подчеркивали смуглую кожу Аруто.

– Присядете?

Ричард задумчиво посмотрел на незнакомца и молча сел в машину.

- Простите, но я не слишком хорошо улавливаю предмет нашей встречи.
- Я Вас понимаю. Все дело в том, что меня скоро убьют.

Ричард удивленно посмотрел на Аруто.

– Тогда Вам лучше подъехать в отделение и написать заявление. Сидя в вашем автомобиле я действительно мало чем смогу Вам помочь.

Аруто рассмеялся.

– Если бы я захотел написать заявление, то вместе с ним мне пришлось бы написать и завещание.

Ричард понимающе кивнул. Воцарилось секундное молчание.

– Вам хорошо известны такие имена как Стефан Майерс и Марк Уотенберг не так ли?

Услышав эти имена, Ричард напрягся и кивнул головой. Аруто продолжил

– Вы сами верите, что один американский гражданин, почти миллионер и публичное лицо, убивает другого американского гражданина, который оказывается по совместительству другом и отчасти работодателем своего убийцы?

– У полиции есть своя версия всего произошедшего, и я не могу обсуждать это дело с гражданским лицом.

Аруто засмеялся.

– Мы прекрасно с Вами знаем, что большинство преступлений раскрываются не путем следования правил, а вопреки.

– А при чем здесь Вы?

– Молодой человек, у каждой цепи есть звено, которое находится чуть ближе к шеи хозяина, но проблема в том, что цепь, она имеет тенденцию перекручиваться. И самое неприятное, что в самом низу нас всегда ждет какой-либо божественный образ, которому мы все молимся, но в этих молитвах просим подольше с этим самым образом не встречаться.

– Возможно, Вы правы, но в том месте, где я работаю, вышесказанное не имеет толком никакого значения. Мне тяжело говорить с человеком, который очевидно знает больше меня, и ходит кругами вокруг той ситуации, которая, как мне кажется, полностью вышла из-под контроля. Не я к Вам пришел, и не меня собираются убить. Поэтому мы либо говорим о данной проблеме, либо я выхожу из Вашего роскошного автомобиля, и мы оба делаем вид, что этого разговора просто-напросто не было.

Выслушав Ричарда, Аруто цокнул языком и взял лежащий рядом маленький

деревянный хьюмидор. Ричард бросил взгляд на Сайлена. Он продолжал внимательно следить за автомобилем. Тем временем тяжелый, пощипывающий ноздри, исходивший от сигары запах, которую раскуривал Аруто, медленно распространялся по кожаному салону автомобиля.

– Ричард, не горячитесь. Во-первых, то, что меня собираются убить, это совершенно не значит, что я собираюсь умирать, а во-вторых, Вы слишком близко к сердцу принимаете все происходящее. Давайте для начала расставим наши с Вами приоритеты.

– Прошу прощения, но нас с Вами не существует. Есть я, и есть Вы.

– Ну, хорошо, тогда давайте расставим приоритеты для каждого из нас по отдельности. Мне важно, чтобы Вы поймали того, кого я начинаю опасаться. И согласитесь, в этом наши цели совпадают.

Ричард кивнул.

– Но для этого, нам необходимо открыть официальную охоту на Мистера Майерса.

– В каком смысле официальную охоту?

Аруто улыбнулся.

– В прямом. Как Вы, так и я, мы можем всего лишь подозревать кто именно затеял эту игру. Но мы ведь не звери, чтобы пустые, ничем не подкрепленные подозрения выражать в частных кровопролитиях и массовых беспорядках.

– Разве? Вы, кажется, сами только что подняли тему охоты на какого-бы ни было, но человека. Между нами есть существенная разница. Вы хотите спасти свою жизнь, а я хочу, чтобы виновные понесли заслуженное наказание, а невиновные были оправданы.

– Не смешите меня! Мы с Вами служим практически одним и тем же лицам. Просто несем совершенно разные функции. Каждый из нас подчищает друг за другом в случае какого-либо провала, успеха. И именно по этой причине я обратился к Вам. Я уже стар, но это не делает мою жизнь менее ценной чем Ваша или мистера Майерса. А как говорится, приближение смерти, как ничто другое, придает жизни цвет и обесценивает мораль, причем как частную, так и общественную.

Чем больше Ричард слушал своего собеседника, тем больше убеждался в шаткости своих позиций. Аруто был действительно прав. Подставив Майерса, у полиции появлялся шанс выйти на человека, затеявшего эту игру. В любом случае

Майерс был слишком нежелательным игроком, которого будут пытаться любыми способами вывести из игры.

– Что Вы предлагаете?

Поняв, что его доводы начали приносить плоды, Аруто медленно склонил голову, при этом выпустив себе в ноги обильную порцию дыма.

– Вы любите рыбалку?

– Нет, не люблю сидеть без дела.

– А зря, успокаивает. Мы устроим рыбалку на живца. Как только заинтересованным людям станет известно, где именно скрывается мистер Майерс, они сразу начнут действовать. Представьте что фавелы это своеобразные поплавки, заброшенные разными компаниями. Я не сомневаюсь, что движение будет наблюдаться сразу во всех фавелах без исключения. Но искусство рыбалки как раз и заключается именно в том, насколько верно рыбак сможет отличить, когда жертва интересуется приманкой из праздного любопытства, а когда заглатывает ее. Вот в этот момент появись Вы со своими ребятами. А потом все завертится.

Ричард посмотрел прямо в глаза собеседнику.

– Будет много насилия.

На мгновение воцарилось молчание.

– Молодой человек, вся жизнь это насилие, и здравый смысл мне подсказывает, что если схватка неизбежна, то лучше чтобы она проходила по нашим правилам.

Ричард задумчиво посмотрел на Аруто и наконец, произнес:

– Не будем так быстро решать судьбу Мистера Майерса, ведь мы с Вами знаем, что спешка ни к чему хорошему не приводит.

– Но и ожидание не всегда полезно.

– Но в данном случае это касается только Вас.

– Разве? - Переспросил Аруто.

Ричард решительно открыл двери и, выходя из машины сказал:

– Я подумаю. - Отвечая на немой вопрос напарника, Ричард ответил - Это Дьявол, и говорили мы о рыбалке. Пошли перекусим, нам надо многое обсудить.

28

Каждый уголок на земле обладает своим характерным голосом, который присущ именно данному месту. Как темперамент наносит свой отпечаток на черты лица, так и

звук подчеркивает нрав, свойственный тому или иному пространству. Постепенно, сквозь пелену утренних беспорядочных сновидений, начала прорываться разноголосица, наполненная различными резкими нотами. Фавела проснулась. Предприняв несколько попыток удержать остатки сна, и осознав всю бесполезность этой затеи, я смирился и открыл глаза. Okрепшие солнечные лучи прогоняя остатки ночи, уверенно царствовали в моей невзрачной комнатухи.

Наблюдая за купающимися в солнечных лучах мельчайшими частичками пыли и бессмысленно провожая глазами этот краткий клубящийся футаж, я не был спокоен, нервное напряжение прошедших дней давало о себе знать.

Поднявшись с постели, я ощутил легкую ломоту во всем теле. Я чувствовал себя разбитым и усталым. Ночь не дала мне сил, а только усыпила мое восприятие, как бы отодвинув опасность чуть дальше, всего лишь на пару часов, тем самым дав организму возможность приспособиться ко всему происходящему.

Скорее без отчетным движением я сделал шаг к занавеске имитирующей входную дверь и отодвинув ее увидел Винера. Почему-то не удивившись, я спросил:

– Будешь кофе?

Кивнув, он вошел. Пока я готовил кофе на небольшой электроплите, Винер решив использовать тумбочку в качестве табурета, расположился у входа.

– Расскажи мне о фавелах. - Попросил я, передавая ему чашечку кофе.

– Что рассказать?

– К примеру, у меня нет воды? Это у всех так или только у меня?

– Мистер Майерс, Вы очень плохо понимаете что такое фавелы в общем и «Черное сердце» в частности, раз задаете такие вопросы.

– Расскажи, я буду знать больше.

– Во-первых, сами по себе, фавелы имеют довольно сложную структуру и организацию. Многие думают, что здесь нет воды и элементарных условий для проживания, но это не так. Раньше было, но сейчас нет.

Я внимательно посмотрел на Винера.

– Нет, это именно так. У меня ведь нет воды и вместо окон у меня щиты.

Он покачал головой.

– Вы живете во временной постройке. Все зависит от того, чем именно человек занимается, и вообще, хватает ли у него времени и денег на устройство своего быта. К примеру: в низине, в районе первого кольца, везде есть удобства, но вместе с этим

и недвижимостью там стоит не дешево. Власти стараются облагораживать окраины, чтобы можно было показывать их инвесторам.

– Сколько людей живет в этой фавеле?

Винер пожал плечами.

– Если не учитывать людей с достатком, а брать только тех, кто находится за гранью бедности, то будет около тридцати, возможно сорока тысяч. Здесь каждый занимается своим делом, и никто не спрашивает чем именно. Большинство работают в городе. Многие находят себе работу на дому. В принципе все как везде.

– А Сальве?

Винер внимательно посмотрел на меня.

– Сальве, это один из тех немногих людей, которые дают возможность привлекать деньги в эти трущобы. Хоть ручеек и не большой, но это лучше чем ничего.

Я внимательно слушал своего собеседника, и чем больше он говорил, тем отчетливее я понимал, что любая фавела это своеобразное государство, со своими установленными правилами и порядками, которое поглотило и заперло материнское чрево системы. Здесь, как и везде, был правящий класс. Идентичное выражение какого-либо протеста подавлялось в одном случае ограничением прав и свобод, в другом, кровавой расправой над митингующими.

– Хорошо, а что касается постройки зданий. Кто и как их возводит? Сколько максимально этажей бывает в Фавеле? Я когда вчера гулял, то видел несколько трехэтажных зданий.

– Есть и еще выше, но это на северной стороне. А в других, более цивилизованных Фавелах, есть полноценные многоэтажки.

– Что значит цивилизованных?

– Тех, чье расположение способствует туризму. Весь секрет в том, что необходимо уметь приспосабливаться к тем условиям, которые нам подкидывает жизнь.

Эти слова мне показались логичными.

– А ты?

– Что я?

– Как ты приспособился ко всему этому?

– Я просто живу, и делаю то, что необходимо делать.

Решив перевести разговор на другую тему спросил:

– А где у Вас продаются газеты?

– Фавела не выпускает газет. У нас здесь нет таких новостей, которые нуждаются в освещении прессой. - И передав мне чашку, он вежливо кивнул и неспешно вышел из комнаты. Мгновение спустя заглянул вновь и произнес: - Мистер Майерс, если Вам что-либо будет надо, я буду поблизости.

Я промолчал. Изображать учтивость не было настроения. Фактически только что Винер открыто дал мне понять, что следит за мной. А это могло быть только в том случае, если Сальве или стоящие над ним люди окончательно определились что со мной делать, а самое главное когда. Винер не играл сегодня роль. Он бы самим собой. Натренированный питбуль, следящий глазами за своей жертвой. Хоть и не получивший еще приказа от хозяина на разрыв, но находящийся уже в предвкушении.

– У Вас очень озабоченный вид.

Я обернулся. В дверном проеме стоял Сальве. «На сегодня церемониал отброшен» - подумал я. Ведь Сальве был достаточно умен, чтобы понимать элементарное правило: «Дай человеку иллюзию свободы и он перестанет замечать собственное порабощение».

– Вы думаете? - Спросил я.

Сальве рассмеялся.

– Мне действительно нравится Ваше мировосприятие. Я пришел, чтобы обсудить наши с Вами вопросы, Майерс.

Я вопросительно посмотрел на него. Приблизившись ко мне и заложив руки за спину, он издал какой-то странный и незнакомый мне звук.

– Гарпия. - Объяснил он. - У нас эту великолепную птицу называют «летучий ягуар» и знаете что, Вы мне ее напоминаете. С Вашей хваткой, мудростью, разборчивостью, верностью своему делу. Как Вас вообще угораздило вляпаться в такую историю?

Я молча наблюдал за тем, с какой изощренностью Сальве кружил вокруг своей добычи.

– Мистер Майерс, мне приятно, что мы с Вами изначально нашли общий язык и не доставляли друг другу каких-либо проблем.

– Зачем?! - Я не выдержал и вспылал.

В долю секунды лицо Винера мелькнуло и убедившись, что все в порядке, тут же

исчезло.

– Разве Вам не проще было бросить меня в какую-нибудь яму, хорошенько покричать что Вы поймали меня и все. Зачем было так усложнять? Винер, Бабел.

– Прошу Вас не горячитесь. Бабел тут ни при чем, она просто ребенок.

Остальное - это была альтернатива грубости. Мы с Вами два взрослых человека, каждый профессионал в своем деле. Не спорю, яма рассматривалась, но только в том случае, если бы Вы пожелали покинуть данную общину.

– Да Вы просто эстет человеческих взаимоотношений. А почему сейчас?

Сальве прищурился.

– Это только Ваша оплошность. Вообще кому-кому, а Вам должно быть известно, что если Вы чудом пережили вчерашний день, то планы на завтра лучше строить тогда, когда это самое завтра наступит.

Я подошел к окну и прошептал:

– Удивительно, какие умные люди окружают меня в последнее время.

– Мистер Майерс, вам не стоит на меня обижаться, так как я знаю не больше Вашего. Сегодня утром мне назвали довольно внушительную сумму, если я прослежу, чтобы до вечера с Вами ничего не случилось.

Я вскинул руки кверху и рассмеялся.

– Секунду назад Вы говорили, что я Вам не враг, а теперь Вы меня продаете словно я какой-то товар.

Сальве негромко произнес:

– Да, но я ведь не говорил, что мы с Вами друзья.

– А тот, кто хочет меня приобрести, он точно не говорил, что бы Вы меня убили до его приезда?

Сальве рассмеялся.

– Нет, Вы чертов гений. Такое чувство юмора! Такое чувство юмора. - С этими словами он вышел из помещения.

Следующие полчаса я широкими шагами ходил из одного края комнаты в другой, постоянно всматриваясь в медленно смещающееся солнце. Сначала меня задержали за преступление, которое я не совершал, потом меня попытались убить, а теперь меня собираются продать, и если учитывать все происходящее, то вероятнее всего покупатель не питает ко мне каких-либо нежных чувств. У времени есть одна очень плохая черта, оно никогда не играет на руку проигрывающей стороне. Я подошел к

импровизированной двери и посмотрел сквозь едва просвечивающуюся ткань. Сальве отлично позаботился о моей безопасности. Несколько молодых, вооруженных людей сидели прямо напротив и о чем-то разговаривали. Винер был среди них. Лицензия на мой отстрел была выписана. Надо было, что-то делать, но что именно было совершенно непонятно. Если даже я смогу совершить побег, то за пределы фавелы мне высовываться не стоит. Как в зоопарке. Даже если получится убежать из клетки, то меня будут искать все сотрудники без исключения. Подойдя к окну, я посмотрел вниз. Порядка четырех метров отделяло меня от следующей крыши. Я вздохнул. Учитывая мою физическую форму, прыгать совершенно не представлялось возможным. Опустившись под окном на пол, я попытался прислушаться о чем говорят мои стражники. Но незнакомый мне язык ничего не прояснял. Смирившись с бесполезностью этого занятия, я встал и направился на кухню в слепой, лишенной логики надежде на чудо. Осматривая каждый захламленный ненужной утварью угол, я сам не знал что искал. Мое внимание привлек лежащий на столе, старый, сточенный совершенно лишенный прочности нож. Взяв его в руку, я гневно сделал выпад, еще один и еще. Около минуты я словно сумасшедший в отчаянии размахивал осколком ярости. В маленьком пространстве я ощущал всю свою мощь. На секунду мне показалось что я в состоянии справится с сотней таких как Винер или Сальве, но еще через мгновение я тяжело дыша опустился на пол и закрыв глаза начал двумя руками растирать голову, стараясь привести свои мысли и чувства в порядок. Надо сохранять спокойствие, в конце концов, ведь Сальве не обещали деньги за мою смерть. Свинцовая усталость поглотила меня. Встав и слегка пошатываясь, я добрался до кровати и рухнул на нее. Как ни странно, я провалился в сон. Вязкий, прерывистый, тягучий, он сковал мое тело, и изредка пробуждаясь, я в каком-то тупом оцепенении провожал глазами неумолимо приближающееся к вечеру солнце. Окончательно я проснулся, когда в комнате уже царил ощутимый сумрак. За целый день меня никто не потревожил.

Откинув мысли о том, что должно случиться, я направился на кухню, чтобы приготовить себе кофе. Поставив не имевшую ручек, полную воды кастрюлю на электроплиту я вышел в комнату и начал вслушиваться в каждый доносившийся звук. Когда снаружи что-то начинало происходить, мое сердце моментально реагировало слишком частыми ударами. Мне было страшно и я не испытывал никакого стыда за это. Чего именно я боялся, самой смерти или того через какие ощущения мне придется пройти в этом процессе? А возможно я все это преувеличиваю и меня

просто... Я задумался, «что именно просто» мне придумать так и не удалось. Я включил свет. И чем темнее становилось за окном, тем ярче, казалось, освещена комната. По ту сторону дверного проема я все еще слышал голоса моих стражников. Как разнообразна по своей природе ночь. В моменты физического и душевного благосостояния кажется что угрозы - это чей то злой вымысел, который если и существует, то совершенно к нам не относится. Но когда сумрак сгущается именно внутри нас, то вместе с ним приходят и страхи, которым мы, как нам казалось, никогда не были подвластны. Обратив внимание на свои руки, я заметил мелкую, но постоянную дрожь. Паника нарастала вместе с неизвестностью собственного будущего. Четыре стены, в которых я ждал развития событий, были словно вырваны из тюрьмы строгого режима, а я был тем самым смертником, который смирившись с собственной судьбой, не мог найти в себе силы достойно закончить недостойный человека путь. Только разница между мной и обреченным заключенным была существенной, в отличие от него я ничего такого за что нужно было платить собственной жизнью не совершал. Страх, он может быть всеобъемлющим, поглощающим наши намерения, преобразующим наши эмоции, подчиняющим наши тела. И сейчас этот жестокий демон порабощения обрел полноценную власть над моим разумом и телом.

29

Раздавшийся телефонный звонок отвлек Ричарда от пятиминутного вращения на офисном кресле. Целый день Ричард провел в ожидании новостей, но, увы, день был совершенно пустым как в информационном, так и фактическом поле. Прошел уже почти час как Сайлен покинул участок, оставив Ричарду самую неприятную работу: разбираться с отчетами. Сайлен ненавидел отчеты. Действия, которые ты производишь в жизни, в минуту, которая требует от тебя молниеносного принятия решений, которые не всегда соответствуют букве Закона и прописываются в Уставе, и когда нет времени думать, потому что ты знаешь, что от этого зависит чья-то жизнь, на бумаге, все это приобретало совершенно другую окраску, подвергаясь сухой, безликой хронологии событий, подгоняемых под тот или иной параграф. Вот именно поэтому в этот вечер Ричард с тоской смотрел на череду черных символов появляющихся на мониторе компьютера.

- Слушаю.
- Нам необходимо сегодня встретиться. - Голос на противоположном конце

трубки принадлежал Аруто. - Есть информация.

– Где и когда?

– Если Вам удобно, мой водитель будет ждать Вас на месте нашей первой встречи.

Секунду подумав, Ричард ответил.

– Мне удобно.

– Отлично. - Краткие деловые нотки Аруто сменились частыми гудками телефонной сети.

Ричард оживился. Обсуждая с Сайленом свое знакомство с Аруто, Ричард вновь и вновь пытался вычленил из этой встречи не только цвета, но и оттенки. Те неуловимые помощники, которые иногда бывали важнее тысячи слов и помогали принять правильное решение. В прочем вариантов у них было не много. Факты и несколько тупиковых версий, кое-как скроенных из вероятностей и догадок, вынуждали напарников рискнуть и попробовать принять предложение Аруто.

Немного подумав, Ричард встал и взяв свой одиноко висящий на вешалки у двери пиджак, направился к выходу. По дороге он решил, что не мешало бы подстраховаться, и совершил короткий звонок. Приняв решение оставить в секрете свое общение с Аруто, но не желая оставаться вообще без поддержки, набранный Ричардом номер принадлежал одному из его свободных, изредка постукивающих агентов. Теперь оставалось гадать, сможет ли этот пронырливый парень сделать несколько ярких, памятных фотографий. Ричард вздохнул. Современность изменила такие понятия как «обязательство» и «благодарность», но ненадежный вариант в лице проверенного стукача, был в разы лучше вероятного предателя, уполномоченного выполнять государственную работу. Окунувшись в прохладу черного лака, и ощутив плавный ход автомобиля, Ричард подумал что машина - это факсимиле хозяина. Явный росчерк под его статусом. Удобно устроившись на заднем сиденье, Ричард провожал глазами мелькающих прохожих. Люди, они повсюду. Из своей практики он знал, что нет плохих или хороших. Есть миллионы внутренних миров. Возможно, с некоторыми из них ему придется вступить в схватку, других защищать. Все будет идти своим чередом, пока его самого не поглотит тот самый человеческий Мир, наполненный пороками, желаниями и стремлениями. Каждый увиденный им человек - это был владелец уникальной миссии, которую рано или поздно придется выполнить, а затем просто растворится без остатка в жизни Рио.

Если даже Стефану Майерсу не удастся выбраться из всего этого, то он будет не чем иным как очередной зацепкой, предвестником каких-либо изменений. Заметив легкую тень собственного отражения в стекле кадиллака, Ричард усмехнулся: «Вероятно, мне когда-нибудь выпадет шанс рискнуть собственной жизнью, с гарантией не вписаться в поворот судьбы. Но ради чего? Кого? Скорее всего, ради правды. Чтобы оставаться честным перед собственной верой». Болезненная правда о том, что на самом деле он не в силах ничего кардинально изменить была словно красная тряпка. Каждый раз, задумываясь о собственной роли в этом самом мироустройстве, ему казалось недостаточным того, что он делает. Но кто если не такие как он, Сайлен и еще многие сотни, которые сами выбрали жизненный путь, проложенный через обрывки чужих, а иногда и своих судеб.

Весь маршрут занял около часа. Молчаливый водитель филигранно исполнял свои обязанности. Он явно не торопился. Выбрав, как ему казалось, наиболее подходящую полосу он равномерно давил на педаль газа. Автомобиль двигался чуть медленней основного потока, но ни один его участник не мог набираться смелости даже для того, чтобы просто сделать попытку поторопить черного гиганта. Как будто в другом, параллельном мире машина мягко скользила над халатно асфальтированной поверхностью дороги.

Остановившись на перекрестке, внимание Ричарда привлекли два споривших человека. Они кричали и при этом активно жестикулировали руками, по всей видимости пытаясь что-то доказать друг другу. Но шумоизоляция автомобиля надежно хранила происходящее снаружи таинство. Неумелые танцоры или немые актеры. Водитель слегка пошевелил телом и машина, словно по волшебству, начала движение. Магия автопромышленности. Черный кадиллак, Как только не называли в народе этот автомобиль: «карета для дьявола», «перо ангела». Вся суть Аруто была заключена в этом фантоме дорог. Наконец машина остановилась.

– Мы приехали, Сеньор.

Ричард отлично знал этот район. Прилегающие кварталы, которые считались самыми престижными в Рио-де-Жанейро, были огранены не зеленью холмов, как в Копакабана, а феерической коралловой лагуной под названием Лагоа-ди-Фрейтас. Чтобы купить здесь недвижимость, такому как Ричард нужно было прожить три жизни и в одной из них стать, как минимум, начальником полиции. Дверь открылась.

– Добрый вечер, Сеньор Джонсон?

- Да. Именно он.
- Следуйте за мной.

Холл, прозрачный лифт, коридор на две квартиры, дверь. Все без исключения соответствовало тому уровню, который очень сложно достичь, при этом не нарушив закон.

Пройдя через большую гостиную, Ричард вышел на комфортную террасу. Аруто уже ожидал его сидя в одном из двух массивных белоснежных кресел.

– Присаживайтесь. Я понимаю, что Вы на работе, но я думаю, что Вы не откажитесь от небольшой порции отличного шотландского виски. Ведь Вы не будите отрицать что Виски, сигара и пару секретов способны превратить любой разговор в мужскую беседу.

Опускаясь в кресло, Ричард осмотрел небольшой стеклянный столик, на котором уже красовались два хайбола и вычурная, явно старинная, оплетенная серебряными нитями коробка с сигарами. Аруто явно изображал из себя гостеприимного хозяина. Видно было, что ему нравится бравировать перед Ричардом своим богатством. Ричард про себя усмехнулся. Такое поведение обычно свойственно людям, вышедшим из низов, которые пришли к своему положению не ценой своих талантов и кропотливого труда, а благодаря жизненной лотереи. В руках у Аруто была изготовленная из темно зеленого стекла бутылка

– Знаете, я всегда отдавал свое предпочтение нашей обыкновенной Кашасе. Но Лефройг это совсем другое дело. Теперь мне остается только сожалеть, что это открытие было сделано мной на закате жизни. Я надеюсь, Вы меня понимаете. Лефройг! - Повторил он громко.

Ричард смотрел на магию янтарного цвета жидкости, поглощающей в себе хрустальные кубики льда, стремясь распустить бутон вкуса для истинного ценителя демократии алкоголя.

– Да, это стоящая выпивка. Недаром мистер Уотенберг пил именно этот напиток.

Ричард внимательно посмотрел на Аруто.

– Вы не говорили, что были настолько близки с убитым.

Раскуривая сигару, Аруто указал рукой в сторону океана.

– Посмотрите, какая красота. Такие как мистер Майерс, они умеют это видеть. Такие как мистер Уотенберг, умеют использовать таких как Майерс. А мы с Вами

можем всего лишь на них паразитировать. Вы понимаете меня?!

– Я не могу с Вами полностью согласиться. В моей жизни очень часто встречаются люди двух типов: одни из них дышат, другие нет. Собственно в этом нет никакой дилеммы. Но которые из них обеспечивают меня работой, это остается вопросом.

– В точку, молодой человек. Мы никогда не сможем понять, в какой именно момент преступление стало считаться противозаконным. Когда начало мешать слабым или угрожать богатым. Спускаясь вниз, я придерживаюсь первой версии, смотря вниз с высоты этих апартаментов однозначно второй. В конечном счете, человечество пришло ко всей этой роскоши из духовно богатой бедности. Ничего не имея, мы, тем не менее, принадлежали себе и были владельцами собственной жизни.

– Аруто, да Вы философ.

– Да нет, просто человек, ничего более. - И отпив из своего стакана еще глоток, он резко перевел тему разговора. - И так, вернемся к причине нашей встречи. У меня для Вас две новости. Во-первых, мистер Майерс жив, или правильнее сказать, еще жив и я даже могу Вам намекнуть где он находится.

– И где же? - Ричард постарался придать своему голосу максимальное спокойствие.

– «Черное сердце».

– И когда же Вы об этом узнали?

– Какая разница. Главное то, когда об этом узнали Вы!

– И Вы пригласили меня сюда, чтобы обсудить предполагаемое развитие событий?

Аруто налил по дополнительной порции виски, затем выпил залпом содержимое бокала и замолчал.

– Аруто?!

Собеседник как будто отстранился от беседы.

– Аруто?! - Повторил Ричард.

Уставшие глаза медленно оторвались от собственных мыслей.

– Я думаю, что любое обсуждение наших с Вами совместных действий уже бесполезно.

– Вы хотите сказать, что Майерс, будучи еще жив, уже мертв?

– Скорее да, чем нет. Я думаю, что любые наши усилия, какие бы мы не

предприняли для спасения мистера Майерса, окажутся бесполезными.

– Зачем тогда это представление? То есть, Вы мне даете понять, что Вы хорошо знали мистера Уотенберга. Ведь знать любимый напиток человека - это знать его привычки. А это возможно только при близком контакте. И тут же Вы сообщаете мне, что знаете, где находится Майерс и что его сегодня должны убить, если еще не убили. Аруто, это говорит о Вашем прямом соучастии в этой истории. Зачем Вам это надо? Зачем Вам вообще была нужна эта встреча?

Аруто посмотрел на Ричарда и ответил:

– Ну, скажем так, я не знал как будут разворачиваться события. Ведь смерть Уотенберга для меня была точно такой же неожиданностью, как и для мистера Майерса.

– Значит, Вы знаете кто его убийца.

– Я не знаю кто его убийца, так как убийца и заказчик убийства это разные высоты.

– Хорошо, тогда Вы знаете или догадываетесь кто заказчик убийства или его причину. Почему же Вы тогда мне об этом не говорите.

– По той же причине, по которой Вы не позвонили собственному начальству, и не известили о нашей встрече. Не удивляйтесь моей осведомленности. Это обычная логика. В обратном случае наша с Вами сегодняшняя беседа была бы попросту невозможна. - Как-то устало вздохнув и поставив стакан на стол, Аруто продолжил. - Иногда лучше, когда все идет своим чередом. Вы, конечно, можете идти и попытаться спасти этого парня. У Вас есть примерно час для того чтобы помешать вывезти Майерса, либо же поймать его убийцу с поличным. Только дайте самому себе один ответ: «Разве жизнь одного стоит войны, которая заберет сотни?»

Глянув на часы, Ричард резко встал.

– Аруто, я хочу чтобы Вы определили для меня границы своих интересов. Я понимаю, что Вы пошли на контакт со мной не из-за большой любви к мистеру Майерсу. Почему сейчас, именно в эту минуту, когда, скорее всего, Майерс еще жив, Вы даете ему эту маленькую нить спасения в моем лице? Это игра с совестью или игра с полицией?

Аруто рассмеялся.

– Молодой человек. У каждого должен быть шанс. Ни Вы, ни я, ни Мистер Майерс не являемся исключениями. Поверьте, в моих интересах как смерть Майерса,

так и его жизнь. И мои дальнейшие действия будут зависеть от тех последствий, которые обязательно возникнут после того, как Вы примите решение.

30

– Добрый вечер, Мистер Майерс. Вот видите, как хорошо иметь знакомых, которые смогут позаботиться о Вас в трудную минуту.

По всей видимости, я снова уснул. Передо мной стоял Винер.

– Через минуту придет человек, который возьмет Вас под свою опеку и для Вас закончится весь этот ужас.

Я огляделся. За окном была полная темнота и удивительная тишина. Как будто, не желая мешать делам картеля, местные жители решили провести вечер дома. Я попытался встать на ноги, но в этот же момент тяжелая рука Винера легла на мое плечо, автоматически пресекая мое желание достойно встретить виновника всех моих проблем.

– Подождите. Через несколько минут Вы будете полностью свободны. Я уверен, Вы и сами этого хотите.

Интересно, этот парень был действительно так глуп, что не понимал суть всего происходящего или он думал, что его жалкие попытки успокоить обреченного человека могут к чему-нибудь привести. Он сидел на корточках прямо напротив меня и внимательно вслушивался в происходящее на улице. Мой взгляд пытался зацепиться за любую возможность, которая могла бы помочь в совершении побега. Приближение опасности как нельзя оживило мое уставшее бояться сознание. В комнате было необычно душно. Посмотрев на закрытый ковром проход в подсобное помещение, я вспомнил о так и не выпитом кофе. В этот момент, ткань, закрывающая входную дверь, зашевелилась. На мгновение Винер перевел взгляд.

Воспользовавшись этим, я подтянул одну ногу к своему животу и резко выпрямил, при этом со всей силы ударив моего стражника в скулу. Скорее от неожиданности, чем от мощности удара Винер упал, потерял равновесие и, прижав ладонь к месту толчка, посмотрел на меня ничего не понимающими глазами. Он явно не ожидал с моей стороны никакого сопротивления. Увидев, что нанесенный удар принес мне несколько драгоценных секунд, я вскочил на ноги и в два шага преодолел расстояние, отделяющее меня от кухни. Одергивая ковер, я краем глаза увидел, как опомнившийся Винер уже успел подняться и готовился броситься за мной в след. Оказавшись внутри, я первым делом посмотрел на плиту. Видимо мой сон длился не

очень долго, так как кастрюля, которую я использовал вместо чайника, успела выкипеть всего на четверть. Не раздумывая, мои руки схватили раскаленное железо. В этот же момент на моем лице отразилась гримаса боли, я почувствовал как кожа на ладонях начала прикипать к металлу. Из моего горла начали доноситься рычащие звуки. В этот момент Винер сорвал ковер и уже готов был схватить меня, но я опередил его, выплеснув все содержимое кастрюли в лицо нападавшего. Он моментально согнулся пополам и с криками начал ладонями бить себя по лицу. Не обращая внимания на его стоны, мои ноги сами направились к окну. В дверях, я краем глаза увидел две фигуры, устремившиеся на помощь Винеру.

– Черт бы Вас всех побрал! - Громко выругался я.

«Сейчас или никогда, гарантированная смерть или возможно сломанные кости».

Схватившись за оконную раму мое неспортивное, лишенное мышц тело буквально вывалилось в ночь. В этот момент мой отчаянный вопль был слышен далеко за пределами «черного сердца». Пролетев несколько ужасающих метров, я с грохотом приземлился на ветхую, покрытую старым шифером крышу. Ощувив как у меня внутри что-то хрустнуло, я не мог сделать вдох, но все же попытался подняться. Не выдержав моего веса, покрытие, на которое я упал, с треском проломилось. Что бы закричать еще раз у меня не хватило воздуха. В одно мгновение все вокруг залилось ярким, ослепляющим светом. Ничего не понимая, но лишь ощущая острую боль в груди и ногах, я бросился прочь. Не обращая внимания на ворвавшегося в комнату, очевидно хозяина жилья, мое тело пыталось выполнить хоть несколько из тех сотен команд, которые задавало испуганное и растерянное сознание. Скорее всего, крики раздавались со всех сторон, но я их не слышал. Оглядевшись и не заметив входной двери, я схватил стоявший на подоконнике увесистый горшок с цветами, и бросив его в окно тут же устремился за ним. Уже через несколько секунд, не обращая внимания на боль во всем теле, подгоняемый страхом, я мчался по темным, лишенным света переулкам. Оцарапанные руки, порезанные ноги, острая боль в груди. В этот момент ничего не имело большего значения, чем диктующий свои условия адреналин — «Бей или беги!». И я бежал. Каждый встречный прохожий казался моим преследователем. Пробежав около километра, я прижался к прохладной стене какого-то дома. Согнувшись пополам, я широко открывал рот, при этом стараясь вдохнуть как можно больше воздуха. Мне нужно было решить куда именно бежать. За пределы фавелы нельзя, но и бесконечно прятаться внутри нее я не смогу. Уже к утру за мою голову

будет назначена награда, ради которой поисками беглого иностранца займется вся община без исключения. Обычный человеческий фактор. Мы либо принимаем навязанные условия и живем в соответствии их требованиям, либо делаем то же самое, но уже не по собственной воле. На смену одышки пришла слабость и тошнота. Во всем теле ощущалась боль. Прислушавшись, я понял, что никто не собирается ждать утра. Облава уже началась и с каждой минутой, словно эпидемия распространялась по всему «черному сердцу». Я накинул капюшон на голову и, стараясь не слишком заметно спешить, направился в противоположную голосам сторону. Судя по тому, с какой скоростью затихали возгласы, я двигался однозначно быстрее моих преследователей, которые, по всей видимости, обшаривали каждый попадающийся на их пути дом. Через пол часа я уже совсем ничего не слышал, но все равно, не сбавляя темп пробирался в глубину фавелы. Мари, Ричард, Марк, Эстер, Сальве. Пять пальцев были загнуты. Пять встреченных в Бразилии людей. Насколько же разными были как эти люди, так и мои взаимоотношения с ними. Предатель, друг, любимая, защитник, хранитель - вот то, что мне подарила жизнь. Зачастую, попадая в тяжелые ситуации, мы часто начинаем сетовать на сложившиеся обстоятельства, на Бога, на родных и не очень родных людей, не желая признаться себе, что мы сами являемся архитекторами собственной жизни. И те виадуки, которые мы возводим, их прочность и красота зависят от внутреннего стержня, которым мы обладаем, и который закладываем в фундамент этого строительства. Всю мою жизнь я старался бороться с собственной неуверенностью. Молчаливо соглашаясь с несправедливостью Мира, я выбирал удобный путь параллельности к этой несправедливости. Блестящий фотограф, который фотографировал в угоду чужих вкусов и интересов. Выдающийся журналист, беспрерывно полирующий хрустальную линзу проектора лжи. Искусно балансируя в точке бифуркации, я в совершенстве овладел искусством в умении лгать, говоря правду. Спрятав собственное лицо от посторонних глаз, я шел по одному из самых страшных мест в мире и был тем самым замыкающим камнем собственного виадука.

31

Машина резко вошла в очередной поворот. Проблесковые маячки рассекали темноту этой ночи, как бы раздвигая именем Закона редкие, сонные автомобили. В прочем агрессивное вождение совершенно не мешало Ричарду одновременно курить сигарету и выкручивать кожаный руль. Он не сомневался, что в игре Аруто

присутствовал блеф. Нельзя доверять человеку, чья мораль дуальна. Ведь вся его суть заключалась в том, чтобы перепродать свой товар подороже. Информация, которой поделился Аруто, была взяткой. Взятка на перспективу. Ричард усмехнулся. Аруто конечно хитрая рыба, но как бы он ни был хитер, когда-нибудь ему будет преподнесена такая наживка, перед которой он не сможет устоять.

Из приоткрытого окна мчащегося автомобиля вылетела яркая искра, и несколько раз кувыркнувшись в воздухе, разбилась об сухую, безразличную серость асфальта.

До «Черного сердца» оставалось несколько минут, и самым глупым поступком было отправиться туда в одиночку. Но с другой стороны, если Аруто позволил себе играть на две стороны, то кто мешает Ричарду, в свою очередь, пойти по его стопам.

Правильно разыгранная карта нужного достоинства сейчас могла сыграть всю руку. Оставалось только не ошибиться в масти. Увидев первые очертания фавелы, Ричард притормозил. Почему когда полиция делает свои дела, то вся община гудит словно улей, но когда за дело принимается картель, все сидят, словно мыши, стараясь не мешать их делам. В такие моменты ему начинало казаться, что именно законы мешают полиции выполнять свою работу. Он прислушался. Редкие, громкие оклики доносились откуда-то сверху. Ричард увидел с десятков лучей от мощных фонарей, которые то и дело скользили вдоль крыш, стен и переулков.

Ну что, пора засветится. Видимо не только у меня все пошло не по плану. Если Майерс смог расшевелить этих парней, значит не все так плохо как кажется. Выйдя на середину ведущих вверх ступеней, он остановился. Через секунду ослепительный свет с силой ударил в лицо. Заслонившись ладонью, он достал свой жетон.

– Эй, ей. Спокойнее парни. Я коп.

– Коп? А ты что здесь делаешь?

– Прогуливаюсь.

– Прогулки здесь не безопасны для твоего здоровья. - В голосе парня послышалось явное раздражение.

– Обойдемся без проблем, я из убойного, не наркотики.

– Какого черта Вы остановились? Что там?! - Голос шел откуда-то выше по склону.

– Здесь полиция.

– Полиция? Пропустите. - В голосе говорящего не было удивления.

Ричард усмехнулся. Пресекая упомянутые последствия в самом начале, Аруто

являл собой блестящего стратега уличной политики Рио.

– Меня предупредили, что Вы можете явиться.

Ричард оставил эту реплику без внимания.

– Сальве де Лионо.

– Ричард Джонсон. Я так понимаю, что все уже закончилось? - Спросил Ричард.

– Что именно? Это не закончится никогда. Обернитесь. - Около полусотни фонарей методично продвигались вглубь фавелы. - Зачем Вы пришли?

– Вы сами знаете за Кем я пришел!

– Действительно. Но его уже нет, он где-то там. - Сальве вытянул руку, указывая в темноту.

– А разве его не должны были сегодня забрать?!

– Обстоятельства. Сами знаете в какое время живем. Пройдемте за мной.

Поднявшись еще на десяток ступеней, Ричард был приглашен в небольшое здание.

– Вот. - Сальве указал рукой на окно. - Вы представляете, он просто взял и выпрыгнул.

Ричард аккуратно посмотрел вниз.

– Высоко!

– Вот именно. Если быть точным, четыре с половиной метра. Сказать честно, он мне импонирует. Такая жажда к жизни, такое мировоззрение, интеллект, умение приспособливаться. Блестящий образец.

Внимательно посмотрев на своего собеседника, Ричард не удержался от вопроса:

– Мне кажется, или Вы действительно восхищаетесь человеком, которого лично заставили выпрыгнуть из окна?

Сальве поморщился.

– Ни в коем случае. Он сам. Это было его решение и, надо сказать, весьма обоснованное.

– В каком смысле «обоснованное»?

– Если в гнездо к неоперившемуся птенцу ползет змея, то у него не слишком много вариантов, и только один единственно возможный финал. Змеи слишком давно правят этой плеядой.

– Я думаю, что Вы не лучше. - Сказал Ричард и пошел к выходу.

– А Вы? - Прозвучало ему в след.

32

Остановившись, я затаил дыхание. Двое молодых людей стояли напротив меня. Они громко разговаривали. Неизвестно, были ли они из картеля, но проверять это мне совершенно не хотелось. Ни одного друга, ни одного врага. Раньше шпионские игры казались не более чем захватывающим времяпровождением. Сейчас мое положение показывало, что даже игры в шпионов могут закончиться смертью участников. Голоса стихли. Я осторожно выглянул и, убедившись в возможности двигаться дальше, направился на поиски какого-нибудь укрытия, в котором можно будет провести хотя бы завтрашний день. В любом случае мне нужно было время. Я отлично понимал, что если мне даже удастся выбраться из фавелы, то ни в полицию, ни к Мари я попросту не дойду. Если ты не веришь одному, то это отличный повод не доверять никому. Медленно лавируя между редкими, освещенными участками мои ноги сами выбирали путь, а глаза тем временем выискивали хоть какое-нибудь тихое, уединенное место. Вдруг яркий свет на долю секунды ослепил меня. Скорее всего, луч фонаря скользнул по мне совершенно случайно. Автоматически мое тело дернулось в сторону. Несколькими большими прыжками преодолев ведущую вверх маленькую лестницу, я остановился. Свет то становился ярким, то совсем затихал. Это повторялось несколько раз. Я вслушивался в происходящее — ничего. Оглядевшись, понял, что попал в тупик. Ведущие вверх ступени упирались в гладкую стену двухэтажной постройки. Уловив какое-то движение со стороны улицы, я поднялся еще выше. С каждой секундой шум все отчетливее превращался в шаги и голоса. В один миг страх смог вернуть себе все те позиции, которые я с таким трудом отвоевывал последние несколько часов. Слабость в ногах, легкая дрожь во всем теле, хаос в мыслях. Я снова посмотрел по сторонам — выхода нет. Со всей силы сжав ватные кулаки я шаткой, неуверенной походкой спустился к подножью лестницы и прислонившись к углу в очередной раз приготовился напасть первым. Чем ярче становился луч фонаря, тем сильнее я сжимал кулаки. Из-за напряженных скул кожа на лице натянулась, а веки как будто разучились моргать. Одно мгновение, еще и еще. Компания из нескольких человек появилась прямо передо мной. К моему ужасу я не смог заставить свое тело даже пошевелиться. Видимо на сегодня весь мой героический резерв был исчерпан. Увидев темную фигуру, крайний парень дернулся, и отступив на шаг, осветил мое лицо и выругался. Мгновение и компания направилась

дальше. словно пораженный светом я прижал ладони к лицу и тяжело опустился на ступени. «Просто люди, просто люди» - мои губы шептали эти слова словно заклинания. - «Не картель, просто люди». Нужно было идти дальше. Нет, нужно было заставить себя идти дальше. Слипшиеся волосы, грязные, изрезанные и обожженные руки. Синяки и ушибы. Мой собирательный образ. Попытавшись встать, я ощутил, как в глазах темнеет, а мысль приобретает размытые грани. Мое тело начало заваливаться на бок. Один лишь свет имеет значение, вот именно за него я безуспешно и цеплялся, теряя столь необходимое сейчас сознание.

33

Нежное прикосновение свежего, утреннего ветра, как будто совершенно случайно, но с такой необыкновенной легкостью и заботой, скользнуло уставшей кожи верного своему выбору путника. «Я вечно буду помнить то, что ты сделал для меня». Заставить повернуть назад можно только того, кто не знает зачем он отправился в путь. Открытия, которые мы совершаем с каждым шагом, с каждым вдохом, не только наполняют нас самих, они оттачивают все те сомнения, которые без устали атакуют подчиненное разуму тело. Вероятно, Истины как таковой не существует. Есть Суть, ради которой мы делаем то, на что решились. Победа, как и поражение - это вымысел, еще не вступившего в схватку воина. Блеск обнаженных клинков, ласкающая слух тишина, великолепная, возможно последняя зарисовка весеннего солнца и вороненная грива ночи, как воплощение верности. Сотня всадников чести и достоинства, за спиной которых сама смерть объята волей к жизни, а в будущем одна лишь страсть легендарной памяти. Вперед! Только страсть, ничего более. Вперед!

– Очнись.

Хлесткий удар по щеке вынудил меня открыть глаза.

– Вставай, сейчас не время терять сознание.

Открыв глаза, я попытался сфокусировать зрение. Тошнота и головокружение не давали возможности сосредоточиться. Вторая пощечина начала возвращать к жизни рефлексy.

– Что Вы делаете?! - Не сориентировавшись, я резко вскинул руку и отмахнулся. Женский голос на хорошем английском произнес.

– Тебе надо быстро встать и идти за мной.

Присмотревшись, я узнал в этой девушке, склонившейся надо мной, Маэлен,

таинственную незнакомку с которой я познакомился на том маленьком, вытоптанном множеством ног аэрации, когда совершал свое путешествие по фавеле. В ее голосе звучали настолько жесткие ноты, что я почувствовал, как во мне откуда-то из глубины, начала подниматься волна резерва. И хотя каждая клеточка моего тела молила об отдыхе, я заставил себя встать. Но ноги плохо слушались меня. Резкая боль при вдохе мутила сознание. Шум в ушах, не давал возможности сконцентрироваться. Чтобы понимать, что именно Маэлен пытается сказать, мне приходилось напрягаться, как будто я находился на Гранд Базаре Стамбула, где тысячи голосов сливались в единый, лишенный смысла посыл. Пытаясь увлечь за собой, Маэлен потянула меня за рукав. Я инстинктивно сделал шаг назад. Видимо недоверие отразилось на моем лице.

– Слушайте мистер. Для того, чтобы Вас сдать мне достаточно просто закричать. Если бы я захотела это сделать, то это бы уже давно произошло. Мне не выгодно тебя сдавать. Ты - это мой билет отсюда. А тот, кто тебя сдаст, получит только одно: возможность проводить тебя туда, куда ты, по всей видимости, не особо торопишься. Так что, можешь не бояться. - Ее голос звучал одновременно и близко и далеко. - Ты либо веришь мне и идешь за мной, либо я ухожу и делаю вид, что мой «счастливый билет» оказался просроченным! - С этими словами, она развернулась, и быстро направилась прочь.

«Один шанс из ста. Шанс на спасение» - подумал я.

Ситуация не позволяла долго раздумывать над поступившим с ее стороны предложением. И с усилием оттолкнувшись от стены, на которую опирался, я прихрамывая направился за ней. Наш путь занял около двадцати минут. Свернув на еще более маленькую и извилистую дорожку, по которой можно было двигаться только по одному, мы начали медленно пробираться через бесконечную череду электрических проводов и мусора. Всю дорогу наши стопы по щиколотки утопали в вязкой, разящей жиже, которая толстым слоем покрывала каждый дюйм переулка. Маэлен шла молча, изредка указывая рукой на опасные провода и скрытые грязью глубокие ямы. Иногда она останавливалась и, приложив палец к губам, напряженно прислушивалась, затем также бесшумно продолжала путь. Застенки фавелы. Все время что мы шли, окружавшие меня стены ни разу не прервались. Мы двигались между построек разных уровней. Лунный свет, прерываемый редкими облаками, часто и довольно ярко освещал двух идущих людей. Мы продолжали свой путь, останавливаясь каждый раз, когда нам надо было изменить направление или

пересечь более оживленные улицы.

– Вот мы и пришли. Стой здесь, а я посмотрю, чтобы никого не было. - С этими словами Маэлен осторожно выглянув из-за угла, исчезла в темноте.

Оставшись в одиночестве, мне казалось, что мое сердце бьется слишком громко. Чтобы заглушить волнение я заставил себя думать. Когда у меня было все хорошо, я был просто необходим широкому кругу людей. Для одних я был посредником между безызвестностью и славой, для других между бедностью и богатством. Людей, которые мечтали о моем присутствии в их коллекции, стало ничуть не меньше. Наоборот, для журналистов всего мира я был именно той самой историей, которая сможет поднять их на пьедестал журналистики. Для моей новой знакомой, как она сама выразилась, я был просто удачной находкой и ни чем другим. Для полиции Бразилии я был полезен и неугоден одновременно. Не получилось выдворить из страны, тогда придется просто забыть. Всегда можно сказать, что его вообще не видели. Всего лишь еще одно имя в книгах заблудившихся туристов. Для Сальве, просто инструмент обогащения. Мари и СМИ. Вот мои друзья. Причем если Мари безоговорочно должна узнать правду и может на какое-то время забыть о Бразилии. То СМИ должны узнать историю, которая была бы выгодна совершенно всем. В этот момент в моей голове начал зарождаться план. Передо мной возникла уже знакомая тень Маэлен. Рассвет не заставлял себя ждать. С одной стороны небо становилось светлее. С другой, оставалось все таким же темным, но уже успевшим лишиться звезд.

– Иди за мной шаг в шаг и молись, чтобы нас никто не заметил. - Прошептала Маэлен.

Словно два тайных агента мы тихо пробирались в находящуюся на втором этаже трехэтажного дома квартиру.

Еще долго после щелчка замка входной двери я не мог успокоиться. Каждый доносившийся со стороны окна звук мне казался враждебным. Взглянув на свои ноги, я не мог решиться сделать следующий шаг. Тяжело выдохнув, я опустился на коврик около двери. Маэлен улыбнулась.

– Проходи.

Книжный шкаф и два портшеза у окна, столик, раскладной диван и две выкрашенные белой краской двери. Одна из них вела на кухню, из которой, в свою очередь, можно было попасть ванную комнату. Причем санузел был отделен всего

лишь прозрачной клеенчатой занавесью. Другая дверь вела на лестничную клетку. Насколько я понял, единственными сожителями Маэлен были несколько удлинённых цветочных горшков, в которых совершенно вольготно расположились странного вида растения – суккуленты. С одной стороны, они напоминали колючие кактусы, с другой, низкие, но очень пышные листовые деревья. Маэлен прошла на кухню. Через какое-то время от туда начал медленно распространяться приятный запах тушеных бобов, перемешанных с не менее аппетитной телятиной.

– Ужин, а вернее завтрак, - поправилась Маэлен, - через пять минут будет готов. Предлагаю тебе привести себя в порядок и учти, что здесь очень тонкие стены. Надо разговаривать тихо. Желательно шепотом. Потому что эти стены не защищают тебя от посторонних взглядов. Пойду, посмотрю, что там у нас с завтраком. Но сначала, ты кое-что должен учесть. - С этими словами она наклонилась и через секунду в ее руках появилась пара тапочек. - Это самая мягкая обувь, что у меня есть. И я тебе советую во время ходьбы скользить по полу, а не топтать. Чем беднее, тем любопытнее. А в нашем с тобой положении, лучше не вызывать любопытство. Согласен?

Я кивнул и протянул руку за двумя нелепыми огромными, желтыми белками.

– Душ находится вон в той стороне. Вода только холодная. И постарайся не шуметь. Я посмотрю одежду. Может у меня найдется что-то подходящее.

Стоя под душем, я чувствовал как вместе с грязью с моего тела стекают события прошедших дней, уступая место, пусть и призрачной, но все же надежде. Пока Маэлен была занята приготовлением завтрака, я опустился в кресло и, оставшись наедине с ежеминутно набирающим силу рассветом, начал вглядываться в утреннюю дымку и в едва проснувшихся, но уже лениво спешивших на работу людей. Этот микрорайон «черного сердца» был более комфортабельным. В моем поле видимости располагался один небольшой магазин. Интересно, с какой стороны я нахожусь. Пытаясь рассмотреть витрину магазина, украшенную яркими постерами, мое внимание привлекли несколько парней. Их поведение мне показалось странным, они были не только бодры, но и что-то спрашивали у каждого встречного прохожего. Стараясь не производить никаких резких движений, я медленно переместился в кресле подальше от окна, и попытался успокоить дрожь в руках и подступающую тошноту. В этот момент зашла Маэлен. В руках у нее был дешевый пластиковый поднос, на котором стояли две глубокие тарелки с ароматным бобовым рагу и отдельно, в сплетенной из соломы корзинке, лежали несколько кусочков белого

хлеба. Кушали мы молча. Я изредка поднимал голову, и на моем лице появлялась та глупая улыбка, которой может похвастаться либо слишком уставший, либо ничего не понимающий в каком-либо деле, человек.

Маэлен же наоборот была очень сосредоточена. Она была менее улыбчива, но в тоже время выглядела более искренней. И от этого казалась взрослее и привлекательней. Итальянские или испанские корни, отчетливо прослеживающиеся во внешности моей новой знакомой, говорили намного больше, чем улавливал, цепляющийся за обычно привлекающие мужчину моменты, глаз. Страсть и огонь молодого тела были аккуратно вплетены в теплые оттенки нежного осеннего побережья внутреннего мира.

- Ты меня рассматриваешь. - Тихо, почти шепотом констатировала Маэлен.
- Никаких слов, только шелест викторианских нарядов.
- Прости? - Маэлен отложила столовый прибор и улыбнулась.

Я поспешил объяснить:

– У тебя светло-карий цвет глаз. В те времена этот цвет доминировал на балах, приемах и светских раутах. У тебя красивые глаза.

Маэлен рассмеялась и с этим смехом ушло нервное напряжение, которое не чувствовалось, а скорее угадывалось в нашем молчании. Продолжая есть, Маэлен наблюдала за мной.

- Как у тебя так получается?
- Что именно?
- Заставлять других видеть в тебе героя, при этом совершенно не скрывать своей слабости.

Не слишком поняв о чем говорит Маэлен, я просто пожал плечами.

- Бобовое рагу было восхитительным.

Опять воцарилось молчание.

– У тебя есть план? - Спросила Маэлен. В ее голосе звучал не только вопрос, но и тревога.

Немного подумав, я ответил:

– Нет, четкого плана у меня нет, но я думаю, что знаю каким образом вытащить нас отсюда. Для этого мне понадобится несколько вещей.

Не поднимая головы, девушка молча кивнула. Я начал перечислять:

- Газеты с финансовыми колонками за последний месяц, мобильный телефон

для звонка за границу и чтобы ты передала пару посланий в нужные места, для нужных людей.

Вместо ответа, Маэлен еще несколько раз кивнула головой. Доев свою порцию, я откинулся на спинку кресла и глубоко вдохнул. Впервые за несколько последних дней чувство тревоги уступило ощущению спокойствия и расслабления.

– Стефан, мне через два часа нужно будет уйти. Это не на долго. Смотри, сверху живут совершенно нелюбознательная пара. Они каждый день, кроме воскресенья, уходят около восьми утра. Возвращаются вечером, примерно к девяти. Снизу живет мистер Орландо. Ему уже столько лет, что он слышит только свой работающий на всю громкость телевизор. Но к нему приходят родственники. Сильно не топать, говорить по тише и проблем ни с верхними, ни с нижними не возникнет. Главное, это окна напротив. Там живут надоедливые дети, которые последние несколько месяцев нашли себе занятие, смотреть прямиком сюда. - Описав указательным пальцем круговое движение, указала на всю комнату. - Если мы завесим окна, то это сразу вызовет ненужные нам подозрения. Поэтому я предлагаю тебе переместиться на кухню. - Через секунду добавила. - Там жалюзи. Я сомневаюсь, что они будут обыскивать этот район. Дальние фавелы, скорее «Да», но здесь у них нет такой власти. Хотя это зависит от того, по какой именно причине ты сидишь сейчас в моем кресле, а не в полицейском участке.

Маэлен, как и я понимала, что в тот момент, когда она открыла мне двери своей квартиры, ее дальнейшая жизнь в фавеле была попросту невозможна, а ее личная жизнь подвергалась точно такой же угрозе, как и моя. На что она надеется? Или в действительности она просто скрывает свою человечность под ледяной маской страха? Мне было приятно думать именно так. В конце концов, разве суть не в том, чтобы проявлять человечность в абсолютно не человеческих условиях? Иначе, смысла в человеке как виде было бы не больше, чем в открытой консервной банке. Вся жизнь - это путешествие по целой вселенной разноцветных мыльных пузырей связанных между собой чудесными линиями волшебства жизни. Не стоит ждать от волшебника поблажек, он свою работу сделал, нам остается всего лишь совершить невозможное, первый шаг.

34

Выйдя из кабинета шефа, Ричард тихо прикрыл дверь.

– Сайлен, старик выразил нам с тобой благодарность в виде внепланового

отпуска.

– Нас отстранили? - Спросил Сайлен.

– Почти.

– Не скажу, что удивлен. У меня вчера созрела одна мысль, пошли я тебе кое-что покажу.

Зайдя свой кабинет, который уже несколько лет напарники делили на двоих, Ричард понял, что сегодняшнюю ночь Сайлен провел именно здесь. Весь стол был усеян какими-то справочниками, исписанными листами и прочим бумажным хаосом который разводил вокруг себя Сайлен во время работы. Почувствовав что он на что-то наступил, Ричард посмотрел под ноги. Десяток опустошенных кофейных стаканчиков валялись вокруг мусорной корзины.

– Выкладывай.

– Садись и слушай. - Вынув из кармана и протянув небольшой диктофон, напарник откинулся в кресле.

Ричард подвинул стул и, усевшись за свое рабочее место, включил аудио запись. Раздался мужской голос. Прослушав переписанную с автоответчика запись, перешел к следующей, которую Сайлен, видимо, взял из местного полицейского архива.

– Ну как тебе? Даже на слух сразу становится ясно, что нам звонил не покойный Уотенберг. К обеду будет официальное заключение экспертов.

Прослушав запись еще несколько раз, Ричард спросил:

– Ты хоть завтракал?

– Нет. Всю ночь искал голос Уотенберга.

– Молодчина Сайлен, молодчина. - Эти слова хоть и были искренними, но звучали тихо и как-то особенно апатично. - Пойдем напарник, нужно хорошенько подкрепиться. Правильно говорят, что дело считается закрытым не тогда, когда преступник пойман, оно считается таковым, если интересы государства превозносятся над интересами проживающих в нем граждан. Рио - это не место для грусти или печали. Рио де Жанейро это не просто город контраста, это яркий исполин, сумевший объединить в себе не только бедность и богатство, счастье и горе, успех и проигрыш. В Рио каждый рано или поздно находил надежду. А надежда это уже определенная победа, если не над сложившимися обстоятельствами, то однозначно над собственным миром грез и молитв.

– Рич, ты отдавал кассету финансовому отделу?

– Нет.

На лице Сайлена заиграла улыбка.

– Отлично, позавтракаем по дороге.

– Куда ты собрался?

– Нам необходимо встретится с Джимом.

– А ты случайно не забыл, что нас фактически освободили от этого дела.

– Ну, во-первых, это будет дружеская встреча, а во-вторых, официально мы все еще занимаемся всем этим дерьмом. Мы ее толкнем финансовому. Обычная межведомственная сделка.

Ричард с недоверием посмотрел на напарника:

– Ты хочешь продать информацию?

– Не продать, а обменять. Слышал о таком понятии как «бартер»? Все равно этим парням из финансового ничего не светит. А тут признание.

– Оно ничего не даст, там одна вода.

– Ну, вот и хорошо. Главное, что там есть голос самого Стефана Майерса.

Нужно заставить Джима немного помечтать о своем повышении.

Как ни пытался, но Ричард не мог понять к чему ведет напарник.

– Зачем нам все это надо?

После некоторого молчания Сайлен ответил:

– Не нам, Майерсу. Для начала мы заставим выдать нам все, что имеется у финансового, а потом ты возьмешь то, что нам удастся достать, и отправишься к своему новому знакомому.

Ричард хлопнул Сайлена по плечу.

– Если нас в итоге уволят, то меня радует, что Джим отправится следом.

Офицеры колко рассмеялись.

35

Я аккуратно пробрался в отведенную мне кухню. Мое спальное место ограничилось двумя сложенными пополам одеялами и одной подушкой. Надо отдать должное хозяйке, повсюду царили чистота и порядок. Каждой вещи было отведено свое место, а любые попытки вторжения обнаглевших насекомых, изначально пресекались огромным количеством специальных ловушек.

– Ты давно живешь одна?

– В этой квартире я живу одна с того самого момента как поселилась. А это уже, ни много ни мало, пять лет.

Я кивнул:

– Приличный срок для достаточно юной девушки.

Маэлен прошла в душ. Не желая смущать себя, я перевернулся на бок. Шум падающих на кафель капель чем-то напоминали один из тех спонтанных, летних, проливных дождей, когда большинство людей начинают искать укрытие, а некоторые, самые отважные, специально замедляют шаг, или вообще, остаются на месте, для того чтобы полноценно насладится освежающей влагой.

Постепенно я начинал проваливаться в сон. Лес, при каждом шаге босые ноги утопают в мягкой подстилке из мха и редких, немного влажных, сорванных природой листьев. Блеск солнечных лучей, которые как будто играючи, пробиваются через густые кроны высоких деревьев, заставляет прищуривать глаза, и в тоже время, захватывает воображение. Откуда-то издали доносится чарующее душу пение. Повернувшись, я иду на ветер такой знакомой моему сердцу мелодии. Возможно ли это? А разве наши возможности не являются сладкими плодами наших желаний и стремлений? Хитро переплетенные корни заставляют изменять темп, изначально показывая всю непредсказуемость выбранного направления. Солнце устремляется ко сну, погружая лес в легкую, завораживающую сознание дымку. Прекрасные ноты буквально окутывают стремящуюся к ним душу, тем самым лаская и успокаивая напряженный слух. Сгущающийся туман лишает возможности воспринимать мир привычно, но в этом я больше не нуждаюсь. Мне хватает той далекой, священной искры, которая поблескивая, не дает сбиться с этого сложного, но обязательного к покорению, пути.

– Мне пора уходить, будь осторожен.

Приоткрыв глаза, я кивнул.

– Ты тоже.

Звук захлопывающейся двери прозвучал как итог сегодняшнего утра. Я был чист, в безопасности и спокоен. Она ушла, а я закрыл глаза и вновь увидел нечто недоступное для того кто не спит. Скользнув капелькой росы на мягкий лепесток счастья, стал частью расцветающих в бескрайнем поле вечности цветков. Я почувствовал саму жизнь. Не знаю, сколько времени я проспал, но казалось

недостаточно. Все тело ломило как будто после тяжелой работы. Аккуратно проверив жалюзи, мне стало не по себе. Солнце клонилось к закату, а Маэлен все еще не было. Не покидая кухни, я выглянул в комнату, никого. Она уже давно должна была вернуться. Я почувствовал, как беспокойство начало возвращаться. В моем положении, любое, не оговоренное событие, говорило само за себя. А вдруг кто-нибудь видел, как я ночью проскользнул? А если это изначально был коварный план моей поимки. Я глубоко вдохнул. Чтобы не произошло, главное не поддаваться панике. Пальцем приподняв одну из пластиковых полос, я попытался отвлечься и стал наблюдать за происходящим на улице. Маленькая, с виду хрупкая женщина, одетая в разноцветную футболку и оранжевые бріджи, несла просто огромный тюк неизвестно чего. Особенно качественно эту картинку подчеркивал позади идущий мужчина. В отличие от нее, его руки были заняты дымящейся сигаретой и сотовым телефоном. Матерые приверженцы феминизма сказали бы: «Вот она, свобода женского индивидуализма». Хотя нет, глупости. Они бы это сказали, если бы груз нес мужчина, а женщина указывала ему, как именно он должен это делать. Суть в том, что главное - это картинка, а остальное делают слова. Тенденция - это когда слушающая одного, популярного индивидуума толпа, начинает копировать мысли этого самого индивидуума.

– Фуф. - Я звучно выдохнул.

Скрупулезный анализ какого-либо явления - это самый действенный способ для того, чтобы потом, вернувшись к тревожащему вопросу, можно было посмотреть на него как-бы со стороны, уже более спокойным, холодным взглядом. От нечего делать, пытаясь себя чем-то занять, я подошел к холодильнику. Подумав насколько будет приличным заглянуть в него без хозяйки, отошел. В этот момент раздался щелчок. Я вздрогнул. Прислушавшись, я понял что это Маэлен. Осторожно скользнув мимо окна, я взял у нее из рук пакеты с едой. Весь вечер мы с Маэлен наслаждались сладкими пончиками, которые запивали освежающим йогуртом и рассказывали друг другу ни к чему не обязывающие истории из своих жизней. С виду могло показаться что это два беззаботных человека коротают время в беспечном ноктюрне. Если бы не одно отличие, наш вечер был лишен голоса, только шепот.

36

Подъезжая к уже знакомому дому Аруто, все мысли Ричарда были заняты не столько будущим разговором, как собственными сомнениями. Эти маленькие

мерзавцы, с завидной настойчивостью, вносили смуту в его отношение к Закону в целом и данной ситуации в частности. Обдумывая предстоящий разговор с Аруто, Ричард старался сохранить в себе состояние нейтральности. Ведь безусловно, каждый из нас являет собой как судью так и подсудимого. Мы слишком быстро и строго выносим череду вердиктов по поводу того, или иного встречающегося в нашей жизни персонажа. Совершив несколько нехитрых маневров, чтобы припарковаться он вышел из машины и закулив сигарету наблюдал, как светло серый пепел, регулярно подгоняемый жаркой точкой, срывается к его ногам. Он все еще сомневался. С одной стороны, для него Майерс был просто ничего не значащим иностранцем, с другой, гарантированной зарубкой на собственной совести. Совести ценой в карьеру.

Фактически против Аруто у них с Сайленом ничего не было. Единственный козырь, который был у полиции, это та цепь финансовых компаний и денежных транзакций, которые давали возможность финансовому отделу полиции докопаться и до Аруто. Но Ричард очень сильно сомневался, что ребята из финансового отдела будут заинтересованы в таком звене. Тем более, что по всей видимости, учитывая осведомленность Аруто и наше с Сайленом отстранение от дела, заинтересованных в молчании было намного больше, чем могло показаться на первый взгляд.

Дежа вю. Та же терраса, те же кресла, тот же изображающий гостеприимство хозяин. Только на этот раз выпивку не предлагали, как бы давая понять, что в этот дом приходят только по приглашению. Стоящая на столе лакированная шахматная доска с изысканными, вытянутыми вверх солдатами логики, как бы подчеркивала готовность хозяина разыграть новый рапид.

– Я так понимаю, наша партия продолжается? - Голос Аруто был натренированно безликим.

Ричард кивнул.

– Тогда давайте перейдем к делу. У Вас есть информация, которая может меня заинтересовать?

Лицо Ричарда напряглось.

– Я не ношу известий, которые могут кого-то заинтересовать. Скорее обличить.

Раскулив сигару, и потратив на это, может, несколько больше времени, чем требовалось, Аруто переспросил:

– Обличить?

Вместо ответа Ричард протянул ему сложенный вчетверо лист бумаги, покрытый

длинными вереницами цифр, имен и названий. Аккуратно достав из лежащего на столе футляра очки, Аруто неторопливо принялся изучать лист. Он был абсолютно спокоен. Через минуту задумчиво посмотрел на шахматную доску и ответил:

– Вы, наверно, ожидаете, что я спрошу Вас «что это»?

Ричард процедил:

– Вы знаете «что это». Это не что иное, как способ заставить Вас, в конце концов, принять какую-либо из сторон.

Аруто улыбнулся.

– Заставить меня? Я не думаю что это возможно.

– Ричард медленно поднялся и сделал несколько шагов в сторону окна.

– Превосходный вид. Те счета и компании, которые указаны в списке, это развязанный язык мистера Майерса. Вы ведь сами понимаете, что жизнь всегда была дороже карьеры.

– Есть ли хоть какое-то подтверждение этой бумаге?

Ричард достал диктофон.

– Проверим на прочность лед доверия или растопим его, к чертовой матери?

Аруто тоже встал и подошел к Ричарду.

– Повременим со льдом. Он может нам еще понадобится. В конце концов, какая бы ни была дорога, но обычно она служит в две стороны. И прежде чем ее разрушать, нужно знать наверняка, что нам не понадобится пройти по ней в обратную сторону. Ричард, Вы играете в шахматы?

– Предпочитаю карты.

И тут Аруто рассмеялся:

– Шахматы - это величайшая игра, это бой логиков. В ней собрана вся мудрость противостояний: Как слепые схватки, лишь с обозначением участников, так и горячие испанские атаки. Но, мы с Вами в этой игре находимся в разных весовых категориях. И я, как гроссмейстер черных квадратов, могу позволить себе играть консультационно. И еще одно преимущество шахмат: они предполагаю маневренность, четкую, продуманную структуру мысли и совершенно не терпят блефа. А тот, кто блефует, уходит из-за стола ни с чем. Это не карты, Ричард.

– А мне кажется, что Вы слегка заигрались, Аруто. Жизнь - это не игра. Я все-таки включу диктофон.

– Я не вижу в этом необходимости. Возможно, некоторая тайна даст мне

определенные преимущества. - Аруто улыбнулся, как будто ему данная ситуация доставляла явное удовольствие. - Ричард, мы сейчас живем в довольно тяжелом финансовом, но предельно прозаичном Мире. Вы меня понимаете?

Ричард тяжело вздохнул. Поняв, что ничего толкового из Аруто вытащить не удастся и, медленно направляясь к выходу, сказал:

– Я надеюсь, что наш разговор будет иметь последствия, которые, в конечном счете, устроят каждую из сторон.

– Не смешите меня. Вот кто-кто, а уж Вы должны понимать, что все стороны удовлетворить невозможно. Это все попросту социальный треугольник. Как ни крути, но три угла сверху быть не могут. Даже у Вас в работе есть пострадавшая сторона, и никогда не будет такого, что человек с пулей в голове будет согласен со своим положением. Но ведь я Вам говорю о совершенно другом. Если бы не было криминала, то не было бы и полиции. А разве это возможно? Наши с Вами профессии совершенно ничем не отличаются от элементарных пищевых цепочек в природе.

Ричард приостановился перед входной дверью:

– Еще скажите, что исконная борьба добра со злом - это вымысел.

– Ни в коем случае. Это единственная реальность, которую мы имеем. А вот все остальное - уже вымысел.

С террасы донесся смех. Он был сухой и кроткий, словно режущая слух молния. Ричард, тихо выругавшись, дернул ручку двери.

37

День сменялся ночью и конца этому не наблюдалось. За эту неделю, которую мы провели вместе с Маэлен, я уже настолько привык к моим мягким и уютным тапочкам, что мне почти не хотелось прекращать своего невольного заточения. Но я понимал, что эта окружающая безопасность является мнимой, и любая оплошность может оказаться для нас фатальной. Наблюдая за Маэлен, я увидел, что она была рано повзрослевшим и несколько наивным ребенком. Выросшая на другом континенте она имела испанские корни. Ее отец был бизнесменом средней руки, который, как часто бывает, однажды поставил не на ту лошадку. Мать, просто любящая, искренняя женщина, которая попыталась вложить в каждую клеточку очаровательной дочурки нечто большее, чем свою нежность и преданность. Она дала Маэлен огромное, ласковое, чувственное сердце. Забота Маэлен обо мне, по сути, чужому человеку, выражалась в каждом движении, слове, эмоции. Через несколько дней вынужденное

совместное проживание, искренность общения вылились в дружбу между моим опытом и ее честностью. Спасительная приязнь друг к другу оказалась своеобразным поцелуем сжавшейся над нашими душами судьбы. Одинокие и испуганные. Ощущающие себя совершенно не там, где нам было отведено быть в данный момент. Мы просто нашли покой в присутствии друг друга. В очередной раз хитросплетения жизни оказались неподвластны таким острым и безжалостным лезвиям будущего. Смотря на Маэлен, я осознавал, что ее помощь мне - это моя обязанность ей. На другой день пребывания у Маэлен она принесла мне телефон. Первая мысль была позвонить Мари. Мне так нестерпимо захотелось услышать ее голос, что я начал, не отдавая отчета своим действиям, набирать ее номер. Но в последнюю секунду я остановил себя. Тревога за Мари и здравый смысл взяли верх. «Извини, дорогая, я надеюсь, что скоро мы с тобой встретимся, чтобы никогда больше не расставаться». - подумал я и набрал номер адвоката.

Патрик, как человек не пропускающий ни одного яркого заголовка, был в курсе моих неприятностей и абсолютно не удивился моему звонку. После недолгого общения мы сошлись на том, что в юридическом плане моя ситуация была намного лучше чем физическая. Он разумно предложил не поднимать лишнего шума, пока я нахожусь под влиянием другого государства. И выразив желание разобраться со всем этим так, как ему кажется, будет правильным, дал мне четкие указания в каком направлении мне стоит двигаться с наименьшим риском для собственной жизни. Моей целью стало посольство Соединенных Штатов Америки. По его мнению, это были единственные триста квадратных метров, которые не оставят шансов для моих противников. Конечно, Патрик был прав, и мне стоило бы направиться напрямик в Мекку дипломатических отношений, но посольство располагалось в столице и, на данный момент, нас разделяли 724 непреодолимые мили. Авенида Президент Уилсон, 147. Вот он, нужный мне адрес Генерального Консульства Америки в Рио де Жанейро. Поговорив с Патриком еще немного, и сделав ключевые акценты на юридическую сторону моего вопроса, мы договорились созвониться через пару дней.

Я понимал, что без посторонней помощи мне не обойтись, и хоть у меня и были в Бразилии знакомые, но к ним обращаться за помощью было не только бессмысленно, но и опасно. Единственный человек, которому я мог доверять - это была Мари. Я взвешивал все возможные последствия моего обращения к ней. С одной стороны, я не хотел подвергать ее опасности, с другой, каждый раз смотря через плотные кухонные жалюзи и видя парней, похожих на Винера, понимал, что

навряд ли без поддержки со стороны мы с Маэлен сумеем совершить больше двадцати шагов в дневное и десяти в ночное время суток. Единственным моим связующим звеном с внешним миром была Маэлен. Она выходила на улицу, болтала с соседками под окном, совершала походы в магазин, и ей нельзя было бросать работу. Несколько раз она подвергалась короткому допросу прямо у подножья своего дома, но учитывая тот факт, что она была местной, за которой никогда не наблюдалось ничего противозаконного или неугодного элите «черного сердца» парни довольствовались обычными расспросами. Но это не делало наше положение более безопасным и когда она возвращалась домой и закрывала за собой двери, я видел в каком чудовищном напряжении она находится. Я без слов понимал всю картину: меня продолжали искать. Мы соблюдали предельную осторожность. Даже для того чтобы позвонить Патрику мне пришлось залезть с головой под несколько одеял, тем самым стараясь заглушить для окружающих собственное присутствие. Вечером, лежа на кухне и вслушиваясь в ругань старого холодильника я подумал: «Ну что Стефан, вот ты на себе и испытал всю силу журналистского слова». В одних газетах меня представляли безжалостным убийцей. В других просто мошенником. Больше всех мне нравились те, которые помнили меня не долго. Надо сказать, что в действительности большинство изданий попросту решили ограничиться той славой, которую я им принес, и не продолжили информационное преследование вероятно уже мертвого Стефана Майерса. К моему удивлению, меньше всего информации о самом себе я находил в зарубежной, топовой прессе. Как будто, всем тем с кем я работал долгие годы, претило даже вспоминать о человеке, знакомство с которым могло бросить негативный отпечаток на их имя. Фавелы научили Маэлен быть не любопытной. Хоть иногда беседуя, я видел, что ей хочется задать какой-то вопрос, но она была корректна и сдержана. Один раз она спросила меня: «как именно я стал таким знаменитым». Не желая нарушать нашу немую договоренность не лгать друг другу, я улыбнувшись ответил:

– Понимаешь, Маэлен, я... на поприще пера мы подлецы, аккуратной гравюрой, без устали выводим ту правду, которая противна нам самим, но желанна для окружающего нас общества.

Я же в свою очередь тоже не спрашивал о том, чем именно зарабатывает Маэлен на жизнь. Но судя по тому, что питались мы скромно и в квартире присутствовали только нужные вещи, зарабатывала она не много. Пока Маэлен была на работе, я вновь и вновь перечитывал газеты. И все те подсказки, которые мне

удавалось найти, указывали, в первую очередь, на мою самоуверенную опрометчивость. Из номера в номер тянулась своеобразная «мертвая линия». Индекс одной из компании, которая попала под мое перо медленно, но неуклонно падал. И сейчас, анализируя данные, я уже был на сто процентов уверен, что помешал банкротству крупной компании. На первый взгляд в резком росте акций не было совершенно ничего необычного. Ведь именно за это я получал свои гонорары. Но это только на первый взгляд. Каждая прошедшая через меня компания была определенным аутсайдером в какой-либо области. Эта компания являла собой Титана, падение которого повлекло бы за собой цепную реакцию моментальной ликвидации более мелких, но крепко стоящих на ногах предприятий. Очевидно, все было готово к тому, чтобы смести всех конкурентов. Но кто-то хорошо знающий принцип работы новостного пиара, влияющего на рост или падение акций, воспользовался услугами Уотенберга, а следовательно и моими. Мне, по сути, было все равно, кто и какую игру затеял. В конечном итоге, я был той пешкой, которую без сожаления убрали с доски, но которой каким-то чудом удалось откатиться с поля боя. Наивно было предполагать, что мне еще придется выступить в роли дамки, но и со своим нынешним положением я был совершенно не согласен. Время само по себе вынуждало к принятию решений.

Взяв ручку и лист бумаги, я начал писать. Строчка за строчкой, как наделенный безграничной властью фотограф, я проявлял на белом листе собственные чувства. Это было письмо к Мари.

Нежность. Мы сами того не понимая преклоняем колени перед этим чувством. Нет разницы нежны с нами или наоборот. Любим ли мы этого человека или просто наслаждаемся, словно цветком, его присутствием. Мы впитываем ворвавшуюся страсть заботы и очарования каждой клеточкой своего тела, как испытывающая жажду природа впитывает дающую жизнь влагу. Нежность - это универсум из мира чувств и эмоций. Уникальное, божественное искусство, которое ярко выражено в каждом вдохе, дуновении ветра, снежинке. Дождинка, росинка, слезинка. Три капли, нерушимые постулаты нашего существования. Первая - очаровывает и воодушевляет окружающий нас мир. Вторая - улавливает дыхание мира. Третья — показывает, что все это не зря.

наступающего рассвета. Казалось она и не засыпала, но картинка за окном утверждала обратное. Привычным движением она нащупала лежащий на тумбочке мобильный телефон. Ноль сообщений. Ноль звонков. Изменился только циферблат электронных часов. Мари разочарованно перевернулась на спину. Удивительно, сама жизнь диктует, как нам относиться ко времени. Оно торопится, когда мы опаздываем, и так медлительно, когда мы спешим. Мы придумали палача собственных жизней и теперь каждый год, с ничего не понимающими улыбками, отрезаем прошлое, пытаемся ухватить настоящее, при этом столь умело расставляя ловушки будущему. Закрыв глаза, Мари смяла легкое летнее одеяло. Мы никогда не можем забыть того, кто живет в нашем сердце. Ведь именно такие воспоминания сродни картине, где вместо холста - сама жизнь, вместо красок - чувства, вместо кисти - поступки.

– Стефан Майерс, черт побери, сколько еще лет надо тебя ждать.

Вот уже несколько дней, с тех пор как исчез Стефан, утро Мари начиналось с ожидания. Хоть какая-то весточка, хоть какой-то намек на то, что Стефан был жив. Полиция сохраняла безразличное молчание. На первый взгляд в ее жизни ничего не изменилось, кроме серого седана, в котором сидели пара парней каждый раз назойливо провожающих взглядом, идущую в магазин или еще куда-либо Мари.

Несколько раз Мари звонила Ричарду. Его ответы были односложными и совершенно не информативными. Пресса и та потеряла интерес к Майерсу.

Складывалось ощущение, что горячие следы никого не устраивали и все отвернулись в ожидании, когда же они остынут. Приняв душ и надев халат, Мари неспешно прохаживалась по квартире. Висевшие в коридоре фотографии, где она с Джорджи выглядели счастливыми, были скорее яркой и броской декорацией, задача которой заключалась создать ощущение общепринятого стандарта взаимоотношений. Галантный, заботливый, культурный, обаятельный Джордж был привязанностью и комфортом, устраивающим двух взрослых, умеющих принимать правильные решения, людей. Мари никогда не мешала карьере, которую с такой тщательностью продумывал муж. Он же в свою очередь улыбался, дарил подарки, и никогда не забывал об их годовщине свадьбы.

Всегда яркая, привлекающая внимание, обладающая не стандартным острым умом Мари выбрала верность человеку, которого полюбила, но к которому она не могла сделать первый шаг. Человеческая глупость ценой в жизнь. Джордж поначалу казался всего лишь связующим звеном между ней и Стефаном. Потом вся

серьезность намерений Джорджа переросла в нечто большее. Всю жизнь прожить с подосланной тенью Стефана. Кажется, только вчера мы были такими живыми. Для которых «завтра» - это само собой разумеющееся событие. Для которых «смерть» - это всего лишь тайна, спрятанная во времени. А какая-либо ошибка - очередной вырванный лист из тетради жизни. Но время внесло свои коррективы. Ходов осталось мало и в тетради места для халатности уже не найдется.

Мари вздохнула и в очередной раз налила себе чашечку кофе. Черный, ароматный, не слишком горячий, но и такой сойдет. Следующие полдня заняли бессмысленные поиски неизвестно чего в интернете: написание двух коротких статей на тему экологической ситуации в одном из районов Рио. Совершенно не было желания готовить. Мари решила перекусить в ресторанчике. Не слишком уделяя внимания внешнему виду, Мари завязала волосы в узел, натянув футболку, шорты и пляжные тапочки вышла на улицу. Привычно кивнув своим вынужденным охранникам Мари подумала: «Интересно, чем они занимаются в свободное от работы время? Что они рассказывают своим женам?»

– Дорогой как прошел твой день?

– В машине дорогая. Представляешь, мы всю смену обсуждали с напарником кто победит на выборах.

– Ты такой у меня храбрый. А кто эта женщина, которую ты охраняешь?

– Ничего особенного, очередная жертва обстоятельств. Хотя напарник думает, что она прямая участница этого дела, которой удалось ловко выскользнуть из лап правосудия.

– А она красивая?

Смех.

– Ты ревнуешь?

– Нет, просто тебя днями нет дома. Разные мысли посещают.

Он подходит и с улыбкой на лице нежно обнимает свою жену, с которой, последние несколько лет видится лишь по вечерам, и обсуждает как прошел его или ее день.

– Любимая, мы с тобой это уже много раз обсуждали. Нужно подождать еще немного. Все наладится, меня переведут в другой отдел, и я буду чаще дома.

– Да конечно, любимый. Иди умойся, мы с сынишкой ждем тебя за столом. Я сегодня приготовила замечательный ужин. Он тяжело поднимается со стула в

прихожей и направляется мыть руки. Приготовленный ужин.

Вероятнее всего это рыба с соусом и жареным картофелем. Хотя нет, сегодня ведь среда. А что у нас по средам. Размышления и звук стекающей в умывальник воды. Тоже что и по пятницам. А по этим дням у нас пара отбивных, зеленый горошек, ломоть ржаного — полезного хлеба и какой-нибудь незатейливый гарнир. Потом ужин. Молчаливый, спокойный ужин. Один из всех тех ужинов, когда больше хочется спать, чем разговаривать. Нет сил сопротивляться всему тому грузу, который казалось должен наоборот воодушевлять на что-то большее чем сон. Сидящий по правую руку сынишка начинает баловаться и методично стучит вилкой по тарелке. Отец внимательно смотрит на него, затем кладет вилку и просто треплет малыша за светлые пшеничные волосы. Малыш улыбается, той самой улыбкой, ради которой можно еще не один год посидеть в машине. Наконец ужин заканчивается.

Он встает, обходит стол, благодарно целует жену и направляется в душ.

Вода струится по уставшему телу и вместе с ней приходит мысль, а что если все это бросить и пойти работать хотя бы как наш сосед, в автомастерскую. Пусть у меня не будет блестящего значка и черного, холодного пистолета, но я буду ходить играть в боулинг. К машинам у меня всегда была тяга. Со временем мы начнем ездить семьями на отдых и вместе радоваться чему-нибудь обычному.

Но стоять становится тяжело и он спешит повернуть краны, чтобы прекратить поток воды. Вместе с водой утекают и мысли о новой жизни. Он идет в спальню.

По дороге заглядывает в детскую. Его сын, не обращая внимания на отца, продолжает играть в какую-нибудь игру на приставке. Он ничего не говорит. Отец тихо прикрывает двери. Спальня, жена читает очередную книжку. С ее стороны горит светильник. Он ложится в постель, еще раз целует жену. Она просто соглашается. Все. На этом сегодняшний день просто обязан закончиться. Переворачивается на бок, чтобы не видеть свет, книгу, жену. Только окно, за которым все та же улица, на которую выйдут сотни таких же как и он. Тех, кто не хочет ничего того, что хотят те кто не хочет ложиться спать».

– Сеньора, Вам помочь? - Грубый мужской голос прервал размышления Мари.

– Простите?

Прямо перед ней стоял тот самый временный «оберегатель» ее жизни, который событиями из жизни Стефана Майерса оказался прикованным к тканевому салону автомобиля.

– Мари, у Вас все в порядке. Вы так долго смотрели прямо на нас, что мы уж было подумали, что у вас что-то случилось.

– Нет, нет. Как Вы видите, я все еще жива и со мной все в полном порядке. Если Вам не запрещено по уставу отвечать на вопросы Ваших подопечных, можно мне поинтересоваться как Вас зовут?

Он улыбнувшись, ответил:

– Меня зовут Мигель, А вон того хмурого парня в машине - Пауло.

– Ну, теперь я хоть знаю, кто именно меня охраняет. Спасибо. Я сейчас направляюсь перекусить. Вам что-нибудь взять?

Мигель отрицательно покачал головой.

– Нет спасибо. А вот это уже не по уставу. - И подтянувшись, словно бравый солдат перед начальством, произнес. - Если что, Вы знаете, где нас найти. И не забывайте, мы всегда рядом.

Удивительно, но этот парень был слишком жизнерадостным и совершенно не укладывался в придуманный Мари сценарий бедного, умирающего от скуки и уставшего от жизни полицейского. Проводив взглядом лавирующего между проезжающих машин Мигеля, Мари направилась в ресторан. Само расположение ресторана было комфортным. Небольшой переулок очень выгодно устроился между двумя большими, оживленными улицами Рио. Утопающий в зелени, с множеством лавочек и столиков, он заманивал прохожих тишиной и прохладой. Толкнув легкую стеклянную дверь, Мари поискала глазами свой любимый столик. Наверное, у каждого есть не толь свои любимые ресторанчики, кафетерии, закусочные, но и другие множественные уголки, где мы чувствуем себя комфортно и уютно. Так и столик Мари. Расположившийся в самом центре зала, окруженный еще десятком точно таких же своеобразных алтарей насыщения, он выглядел не слишком привлекательно для большинства посетителей. Мари же любила это место по нескольким причинам. Небольшая деревянная столешница с маленькой вазочкой всегда свежих цветов позволяла устроиться только двум посетителям, что автоматически обеспечивало определенную конфиденциальность и, в тоже время, давало возможность слышать. Может со стороны это выглядело и не слишком прилично, но все же свою работу делало. Не раз бывало, что во времена идейного и информационного кризиса Мари выходила из этого зала с готовой сенсацией или с наметкой на неплохой сюжет. Заняв свое законное место сплетницы Мари начала

мысленно продумывать свой заказ.

Здесь подавали фантастические Акараже. Вигна, обжаренная на пальмовом масле, с добавлением кешью, имбиря, свежего томата и нескольких тигровых креветок, приправленная острым перечным соусом, всегда считалась уличной едой, но несмотря на это, даже центральные заведения Рио, не боясь рискнуть своим имиджем, вносили в свои изысканные меню подобные традиционные блюда.

В течении минуты еда была заказана и оставалось всего лишь дождаться пока ее принесут. Все эти ужасные дни Мари не хотелось выходить из дома. И сейчас, окунувшись в атмосферу доброжелательного спокойствия знакомого места, она смогла немного расслабиться. Страх и переживания не ушли, а просто остались за стеклом, вместе с полицейской машиной и двумя ее стражами.

Оглядевшись наметанным глазом журналиста, Мари оценила обстановку. Ничего интересного. Мало посетителей, мало разговоров. Одиночество Мари было прервано появлением официанта. Молча Мари наблюдала как услужливый молодой человек с вежливо-чаевой улыбкой расставляет блюда.

- Сеньора, а это для Вас. - В руках официанта был маленький белый конверт.
- Кто передал? - Спросила Мари и машинально оглянулась.
- От молодой сеньориты, которая очень торопилась.

Отпустив официанта, Мари с осторожностью открыла конверт. И тут же облегченно вздохнула. Почерк Стефана. Еще раз внимательно посмотрев по сторонам и убедившись что никто за ней не наблюдает, Мари опустила глаза к листу.

«Милая, я соглашусь с любым решением, которое ты примешь. Но я хочу, чтобы ты знала, мои слова и поступки всегда были честными перед тобой. Всей душой я надеюсь, что твое нежное сердечко правильно поймет и хоть от части примет все то, что я написал ниже. Когда-то давно у меня возник образ того самого места, в котором я позволил себе быть очарованным прекрасной девушкой, где время и пространство не в силах диктовать свои условия, где невозможно нарушить какие-либо правила жизни, только по тому, что их не существует. Тысячи ночей, раз за разом я спасал собственные чувства к тебе от бушующих волн судьбы. Защищал тебя от любых, мной же придуманных опасностей. Бережно хранил каждую, когда-либо прикасающуюся к твоей коже, песчинку. Мы радовались яркому солнцу днем и беззаботно наслаждались мерцающим блеском кристаллов ночью.

Никакие слова не в силах описать то, что на протяжении этих лет преследует

меня. Одинокий отрывок моей фантазии, словно крылья пестрой самоотверженной бабочки, созданной для того, чтобы украшать каждый день собственным присутствием в этом Мире. Ты - это мои крылья. Мысли о тебе - это моя сила. Возможность все изменить - это мой смысл. С самой первой нашей встречи я жил в пламени страсти, любви, радости и одновременно прятался во льдах одиночества. Я отвергал и одновременно горел, отгораживаясь высокими стенами страха и разочарования в самом себе. Я понял, что по-настоящему холодно там, где нет счастья, а рядом с тобой мне было всегда тепло и уютно. Всю свою жизнь я был трусом. Мне понадобились года, которые я наполнил ничего не значащими событиями, которые казались мне важными и обязательными. Я думал, что если я отдамся своей любви к тебе, то я что-то не успею, что-то пропущу, что-то не сделаю, что-то не закончу. Но только теперь, когда я стою на краю времени, между жизнью и смертью, мой страх другой: я боюсь не успеть сказать тебе, что все эти годы я любил только тебя. Это я, твой глупый Стефан, сидящий на парапете постоянной и такой невероятной Вселенной. Как же я заблуждался, думая, что не нуждаюсь в твоём согласии, чтобы любить тебя. Теперь я готов отдать все, только чтобы на каждой из моих фотографий была запечатлена твоя улыбка. Ты - мое счастье, которое я не заслуживаю, но на которое не перестану надеяться. И если мне будет суждено выжить - я не хочу быть собой в Мире, лишенном смысла без тебя. Мне надоело искать оправдания. Позволь мне сегодня сделать этот первый шаг, в котором столько лет заключалась та самая истина, ради которой стоило жить. Я тебя люблю.

P.S : Струящееся огненное платье, прекрасный вечер и нежный поцелуй — там конверт.»

Мари аккуратно сложила лист. Посидев в задумчивости, она вызвала такси. Машина медленно влилась в очередной поток, созданный из вечной городской суеты. Мари еще раз бережно открыла конверт. Глаза водителя на несколько секунд поднялись и он посмотрел в зеркало заднего вида. В нем была женщина, на которой возраст еще не оставил своих следов, но уже нанес несколько едва заметных опытных штрихов. Прошло столько лет. Юные года ускользнули с той же плавностью, с которой ночь приходит на смену дню. Вместе с ними пришли более взрослые заботы, суета и пустые переживания. Затем были года повседневности. Казалось не стоит жаловаться на то, что она сама могла бы предотвратить, не допустить, в только ее и ни чью более жизнь, опасный путь обыденности. Не из-за собственной ли неуверенности она сейчас кружит, словно упомянутая в письме бабочка, и читает

такое красивое, но опоздавшее на целую жизнь письмо?

39

Вооружившись спиннингами и парой бутылочек пива, напарники расположились на одном из тех самых озер, которые активно рекламируются в туристических брошюрах для пенсионеров, и обещают, что безмолвная водная гладь позволит насладиться свежим воздухом, великолепной рыбалкой и, по желанию, душевной компанией. И действительно, как бы в подтверждение рекламному проспекту, невдалеке от них устроился пожилой мужчина, неодобрительно поглядывающий в их сторону, когда напарники слишком громко смеялись. Было видно, что этот пожилой джентльмен искал уединение. Сайлен поприветствовал соседа по рыбалке и очень тихо произнес:

– Интересно, он получает от жизни удовольствие или просто проживает свой остаток дней.

– Друг, давай по тише, а то я чувствую, что он сейчас подойдет и навалит нам по полной программе.

Сайлен сделал большой глоток и задумчиво произнес:

– Рич, как думаешь, что будет дальше? Насколько я понял, Аруто мы не прикрутим, этот засранец чувствует себя абсолютно уверенно и безнаказанно. Мне вот интересно есть у таких людей как Аруто предел их подлости?

Немного помолчав, Ричард ответил:

– А почему подлость? Это всего лишь жажда обогащения. Просто мы с Аруто по-разному читаем один и тот же закон. Наше дело хватать бегущих от закона, все просто и понятно. Закон же играет на совершенно другом уровне. Не каждый бегущий является виновным, как и не каждый убитый по своей сути жертва несправедливости. Но нас с тобой это волновать не должно. Мы просто делаем то, что делаем, и ничего более.

– А Аруто?

– А что Аруто? Он со всей своей прагматичностью не более чем прослойка между Законом и беззаконием. Просто, он обладает более расширенными правами, чем мы с тобой.

– Расширенные права?

– Да именно так. Его благословили как ангелы, так и демоны. Но и спрос с него больший, чем с нас. В конечном итоге каждому из нас придется платить по счетам или

штрафам, выписанным самой жизнью. Вот взгляни. - Теперь уже Ричард кивнул головой в сторону старика сидящего неподалеку. - И этот вопрос в самую точку. Ведь есть огромная разница доживать или проживать. Возможно, он всю свою жизнь мечтал вот так сидеть и иметь неограниченное время подумать. Возможно, он коротает время. А может он просто любит ловить рыбу.

Сайлен отложил в сторону пустую бутылку и потянулся за следующей.

– Ты так рассуждаешь, словно тебя устраивает сложившаяся ситуация.

Ричард печально улыбнулся.

– Устраивает? Нет. Но выбор я сделал уже давно. Никто нам с тобой не обещал, что все будет гладко. Ведь когда мы выбираем сторону, наш выбор не основывается на системе в целом. Собственные убеждения заставляют нас сделать первый шаг. Вспомни себя, когда ты поступал в академию.

Сайлен задумался. Ричард продолжил:

– А я помню как я молодой, полный сил и энергии, а самое главное несогласный, стоял перед этим монументальным зданием, и во мне горела жажда правды, свободы и справедливости. Но со временем огонь стал не столь обжигающим, а жажда стала не так терзать. Каждое новое дело подчеркивало то, что мы просто часть системы и наша борьба это не что иное, как проекция этой самой системы. Разве ты никогда не задумывался что наша работа она бесконечная. Мы боремся с последствиями, но никогда не нападаем на причину. Мы просто «армия несогласных», которых сама структура вынудила согласиться. Вся проблема в двойных стандартах. С одной стороны, мы служители закона. Закона, который был выдуман только для того, чтобы показать всю суть Власти. А суть эта в большей степени выражается в силе. В силе, но не в правде.

Сайлен молча слушал, превратившуюся в гневную, тираду своего товарища.

– Люди намного сильнее, чем закон хочет им показать. Они сами в состоянии разобраться с несправедливостью, могут сами вершить правосудие. И оно будет истинным, так как большинство - это не тогда, когда сотня или две миллионеров решают что и как должно быть на подконтрольной им территории.

– Но ведь люди же ходят на выборы, они сами решают, кого выбрать и что он им даст в итоге.

Ричард усмехнулся.

– Сама суть голосования - это не что иное, как ярко выраженное доказательство

рабовладельческого строя. Так как иметь право голоса и говорить - это разные вещи. Что происходит на выборах?

– Что?

– А то, что нас заставляют тащиться на окруженный законом участок нашей собственной земли и отдавать свой голос. Отдавать! Именно в этом кроется вся суть происходящего. Мы с чувством выполненного долга, заново обретенной свободы, опускаем в пластиковый, прозрачный ящик, можно сказать «гроб свободы», свой собственный голос. Мы, сами того не подозревая, выбираем себе нового хозяина. Вот и все. Партия - как часть целого, но их целое - это совершенно не часть общего.

– Рич, а ты заметил, что как только мы начинаем говорить о делах, удовольствие от рыбалки куда-то улетучивается. Хочется все бросить и помчаться в отдел. Кажется что именно сейчас, когда мы тратим время в пустую, там решаются все дела.

– Это тебе только кажется. - Вздохнул Ричард.

Болтая ни о чем, видно было, что каждый занят своими мыслями и что этот отдых был утомительным для обоих. Посидев еще пару часов, Сайлен предложил сматывать удочки. Ричард не возражал. Поглощая извилистые, иногда ухабистые дороги они в основном молчали. Лишь изредка подмечая какие-нибудь интересные особенности, как это делаю часто путешествующие люди. Высадив Сайлена на его улице, они пообещали держать друг друга в курсе событий и расстались. У каждого из мужчин на душе остался осадок из нерешенных дел и не высказанных соображений. Ричард тихо включил радио. Как всегда из динамиков послышалась хорошо знакомая речь ведущего на государственном радио. Ричард ничего не ожидал, да и не хотел от сегодняшнего вечера, кроме вкусного ужина и просмотра пары — тройки передач по ящику. Переступив порог входной двери, он нарочито громко проговорил:

– Кто дома?

Из дальней комнаты донесся голос главной ценности в его жизни.

– Ты дома!

– Кто меня любит и ждет?

– Я тебя люблю и жду.

Ричард выдохнул. Ритуал был соблюден. В коридоре появилась Алиша. Переглянувшись, они оба рассмеялись.

– Как прошел твой день?

– О, мой день прошел с Сайленом и мы не занимались работой. Можешь сама представить как это было.

Она рассмеялась еще больше.

– Но ты ведь его все равно любишь.

– Естественно. Но тебя я люблю еще больше. В конце концов, за все время нашей дружбы он мог бы хоть раз приготовить мне ужин. Поэтому ты точно вне конкуренции. - Ричард снимал надоевшую за целый день обувь, не переставая улыбаться. - А где малышка?

– Ее сегодня забрала мама. Завтра они идут в аквапарк, так что вечер сегодня наш. И еще у меня для тебя две новости. И обе замечательные.

Ричард шутливо переспросил

– Новости? Еще и восхитительные? Только ты знаешь, как меня испугать. - Подойдя к облокотившейся к стене Алише, он нежно обнял ее за талию и поцеловал так, как может поцеловать искренне любящий мужчина. - Рассказывай. А то мне кажется, что вечером у нас для этого времени не найдется. - При этих словах он издал тихий игривый рык и прищурил глаза.

Алиша улыбаясь, промурлыкала:

– Как же я тебя люблю. Раздевайся, мой руки и кушать.

Повинуясь властному тону жены, Ричард поспешил исполнить ее приказ.

Запеченная в духовке птица, в сопровождении только что открытой бутылочки белого вина «Совиньон-бланк» и нескольких ломтиков острого, твердого сыра буквально растворялись во рту у голодного следователя по особо важным делам.

В этот момент в жизни Ричарда не существовало ни Стефана Майерса, ни заговора внутри системы, ни системы как таковой. Был только он и его чудесная жена, без которой его существование совершенно не представлялось возможным.

– Сегодня звонила сестра. Ее повысили на работе и ты отлично представляешь что это для нас означает.

– Оу, это действительно неожиданная новость. Давай я подолью нам вина. Такое событие просто необходимо отпраздновать. У меня такое ощущение как будто я неожиданно узнал, что забыл распаковать какой-то дорогой подарок от предыдущего дня рождения.

– Рич, не утрируй, пожалуйста.

Ричард перестал ехидно улыбаться и оставил на своем лице только забавную

гримасу удивления и растерянности. В действительности Кайла вместе с двумя своими детьми, собакой и несколькими волнистыми попугайчиками были тем самым якорем, который медленно, но так неумолимо тянул ко дну весь семейный бюджет. А так как Ричард оказался единственным мужчиной в исключительно женской семье Алишы, то естественно ему приходилось быть не просто опорой, а целой вереницей этих самых опор.

– Ну, значит, первую новость я услышал. Я надеюсь, что вторая будет не менее потрясающей.

– Ах да. - Опомнилась жена, - сегодня приходила какая-то девушка. Принесла письмо. Сказала, чтобы я непременно передала его тебе лично в руки. По моему мнению, тебя хотят повесить. Во-первых, такие курьеры есть только у богатых и знаменитых, ну ты меня понимаешь. А во вторых, ты ведь лучший следователь из тех, что я знаю.

Ричард кашлянул. У него почти сорвалось с языка что он и Сайлен - это единственные следователи, которых она знает. И Ричард ничуть не был уверен в том, что из них двоих именно он является лучшим. Его насторожило, что письмо пришло непосредственно на его домашний адрес, и он встревоженно посмотрел на жену.

– А не могла бы ты принести это самое послание. Как будто ты моя личная почтовая голубка.

Рассмеявшись, Алиша с легкостью поднялась из-за стола и прощепетала:

– Ну, только в том случае если после прочтения мы продолжим наше общение в более располагающем месте.

– А ты сомневаешься?

В конце концов, такой вечер просто обязан был завершиться многообещающим десертом. Проводив взглядом жену, он взял вилку и начал в раздумьях водить ее кончиком по пустой тарелке. Скривившись от получившегося звука, отложил прибор. Почему-то ему казалось, что это будет письмо от Аруто. Угроза или сотрудничество? Сейчас все станет известно. Важно врученный конверт был без каких-либо опознавательных знаков. Внутри отчетливо прощупывался лист бумаги. Не долго думая Ричард одним рывком оторвал верхнюю часть. Аккуратно достал лист и быстро пробежал глазами. Затем посмотрел на весело улыбающуюся Алишу и улыбнулся в ответ.

– Ну что там?

Он на секунду замялся, а потом как ни в чем не бывало.

- Ну конечно не повышение, но однозначно прибавка к жалованью у нас будет.
- Это просто замечательно.

Через несколько часов, обычно одинокая в такое едва раннее, но уже не позднее время суток кухня ожила. Единственной яркой точкой на десяти метрах замкнутого пространства был медленно тлеющий, временами раздуваемый проходящим через него воздухом, кончик сигареты. Ни разу не сомкнув глаз, Ричард постоянно думал о тех строках, которые ему пришлось прочитать во время ужина. Его поглощали противоположные чувства. Героем быть совершенно не хотелось, но в силу особенности характера и не быть героем он тоже не желал. Затувив сигарету, и оставив принятие решения на потом, тихо прошептал.

- Будь ты проклят, Стефан Майерс.

40

Во-первых, карта. Как известно, любой побег начинается с изучения того самого места из которого приходится его совершать. Больше суток я выстраивал схему, какой именно дорогой бежать и куда я должен буду добраться, чтобы все предыдущие усилия не были напрасны. Во-вторых, нужно было разобраться с ролями. Бегущие, выводящие, преследующие. Если с первыми и последними было все предельно ясно, то множество вопросов возникало по поводу тех людей, от которых зависел успех всего предстоящего дела. Вооружившись увеличительным стеклом, маленькими авиационными шахматами на магнитной основе, картой города высокого расширения и бесконечным количеством кофе, мы принялись за дело. Уделяя внимание каждой, даже самой маленькой вероятности провала, мы старались быть как минимум на несколько шагов впереди своих соперников и однозначно иметь пару запасных путей для отхода или, даже в прямом смысле, атаки превосходящие силы противника. Маэлен говорила, что иногда я был похож на полевого командира, а иногда на главу подпольной организации. И конечно, очень важной для меня была безопасность Маэлен. В любом случае я обязан был сохранить эту девушку инкогнито на будущее, да и в данный момент ее безопасность зависела только от той тишины, которую мы должны были соблюдать.

Словно на подводной лодке. Один неосторожный возглас, движение, шаг могли быть услышанными, и привести к самым тяжелым последствиям. Я понимал, что оставаться Маэлен в этой квартире, после того как я ее покину, было совершенно не

допустимо. Мы продолжали скрупулезно готовить план побега. Раз за разом она выходила из квартиры и с включенным секундомером направлялась то в одно, то в другое, указанное мной место. Но мне нужно было больше. Купив небольшой туристический фотоаппарат она, стараясь не привлекать особого внимания, делала множество фотографий ключевых точек на проложенном нами маршруте.

Таким образом, я приобрел возможность своими глазами осматривать необходимые мне локации. Наверное, в силу своей молодости, Маэлен воспринимала все происходящее как своеобразную игру. Но я отлично понимал, что на кон поставлена уже не одна жизнь и ошибка была просто недопустима. В один из вечеров, когда мы были заняты просмотром сделанных изображений, мое внимание привлекло одиноко стоящее здание. С первого взгляда оно выглядело как многоэтажный паркинг, один из тех, что часто как дополнение строятся вместе с большими супермаркетами либо же торговыми центрами по всему миру.

– Что это? - Маэлен внимательно посмотрела на интересующее меня фото. Несколько секунд подумав, ответила. - Парковка большого жилого комплекса.

– А где сам комплекс?

– А сам комплекс остался в памяти людей как проект.

– Отлично. Ты сможешь туда попасть и хорошенько осмотреться? Мне интересен сквозной выход.

Маэлен пожала плечами.

– Возможно, если там не будет охраны.

Я старался зацепиться за любую возможность оказаться в выигрышном положении. Каждую секунду меня терзали сомнения, и я становился еще более придирчивым то к одному, то к другому моменту. Всякий раз, нам приходилось возвращаться к возможному развитию событий, и выстраивать нашу стратегию опираясь на все новые и новые окружающие нас факты.

Как-то вечером, я увидел как Маэлен стоит у окна, и смотрит куда-то вдаль, за черную пелену, покрывающую крыши фавел. Ее маленькая фигурка была беззащитной и неуверенной, но она смотрела в свое будущее с такой надеждой и верой в меня, что мое сердце сжалось от боли за нее.

– Маэлен, послушай. Я действительно не знаю, что произойдет когда я выйду из этой квартиры. Не знаю, буду ли я жив через час, не имею ни малейшего понятия, как поступят те люди, которых я считаю друзьями. Я не могу обещать тебе что-либо, пока

нахожусь в такой ситуации. Моя благодарность сейчас - это открытое сердце и вера в то, что между нами есть та самая искра дружбы, которую вряд ли может потушить какой-либо дождь событий. Мы вырвемся из этой западни. Я приложу все усилия, чтобы твоя жизнь изменилась, и ты получила все то, что заслуживаешь. Мы вместе попытаемся сделать невозможное: мы изменим нашу реальность.

Это был один из тех решающих моментов, после которых мы обретаем уверенность в том, что нам придется сделать в будущем.

41

С самого утра Ричард отправился к единственному свидетелю по делу Стефана Майерса. У него в голове постоянно крутились слова из полученного письма. Он бесконечно прокручивал их в своей голове. В его жизни было не много сюрпризов. В основном все происходило по определенному, выработанному с годами плану. Сначала совершалось преступление. Потом они с Сайленом искали преступника. Затем, если повезет, ловили его. На этом их работа заканчивалась, но неизменно все повторялось. Та ситуация, в которую он попал, была из ряда вон выходящей. С одной стороны, ему хотелось просто отстраниться, забыть о существовании Майерса, Мари, Уотенберга. Отправиться с Сайленом на стрельбища или просто уехать с семьей из города. Даже навестить драгоценную Кайлу, со всеми исходящими часами бессмысленных разговоров. Но в нем самом было что-то большее, чем дающий права жетон и холодный, наделяющий властью, бездушный пистолет. И именно из-за этого, давно забытого чувства он сейчас направлялся в сторону, определяющую его как человека, мужа, друга. Переминаясь с ноги на ногу, он позвонил в дверь Мари. Через несколько секунд услышал знакомый женский голос и немного успокоился. Еще через пять, наслаждался чуть терпким, ароматным кофе.

- Вы замечательно готовите кофе, Мари.
- Спасибо, Вы мне об этом говорили в Ваш прошлый визит.

Ричард внимательно наблюдал за Мари. Что-то неуловимое изменилось в ее поведении. Уверенный и спокойный взгляд. «Она знает» - подумал Ричард. Она тоже получила от него письмо.

- Как Ваши дела? Не было ли от Мистера Майерса известий?

Мари окинула Ричарда пристальным взглядом. «Слишком пристально» подумал он.

- Нет, к сожалению, ни от Майерса, ни от полиции никаких известий не было. Вы

вообще занимаетесь этим делом?

От этих слов, изрядно приправленных чувственной окраской, Ричарду стало понятно, что Мари перешла в нападение. Он, не сводя глаз с женщины, продолжал внимательно следить за ее мимикой, взглядом, движениями, всем тем, что может выдать ложь, сомнение или хотя-бы наличие информации. Но кроме очередной реплики в сторону власти, частью которой он являлся, не было совершенно ничего. Если в прошлый его визит перед ним сидела женщина подавленная и растерянная, то сейчас Мари разыгрывала спектакль. Ричард решил сыграть ва-банк.

– У меня есть информация.

Мари вопросительно вскинула голову.

– Накануне мистер Майерс дал о себе знать.

– Вы знаете где он находится?

Ричард отрицательно качнул головой.

– Нет, не знаю, но предполагаю, что знаю, где он будет находиться через какое-то время.

Спрятав глаза, Мари ответила:

– Предположение ничего не значат, я полагаю, что Вы мне что-то не договариваете.

– Почему Вам так кажется?

– Потому что если бы со Стефаном было бы все в порядке, то из всех людей в Бразилии я единственная, которую он известил бы о своем положении.

Ричард отставил чашку.

– А разве я говорил, что с ним все в порядке?

Глядя на Мари Ричард подумал: «она мне не верит и поэтому ничего не скажет». Из своей практики он знал, что люди врут часто, зачастую неоправданно. Журналисты качественных изданий реже и то ради выгоды, а сплетницы подобные Мари, работающие на желтые страницы различных таблоидов бесконечно, и без какой-либо на то причины. Поэтому сколько бы он ни всматривался в честные и искренние глаза сидящей свидетельницы, ему бесконечно казалось, что она лжет. Но вычлнить ручей лжи из целой реки лжи было попросту невозможно. Он улыбнулся и попробовал сгладить ситуацию.

– Во всяком случае, я не от имени полиции, а лично от своего приехал сообщить Вам новость, которой располагаю. Имейте терпение, мы не сидим на месте.

Мари сделала глубокий вдох и точно так же медленно выдохнула.

– Спасибо. Просто Вы меня должны тоже понимать. Я переживаю об этом человеке.

– Я Вас понимаю. Спасибо за кофе, мне пора. - С этими словами Ричард встал, аккуратно пожал, вежливо и отчасти примирительно, протянутую руку, и быстрыми шагами направился к входной двери.

42

Маэлен вернулась домой на час позже обычного. За последние дни этот час был одним из самых тревожных. И не только потому, что я переживал за Маэлен, я переживал за то событие, которое должно было произойти. Она зашла и молча подняла над головой руку со сжатым кулаком. Потом чуть прищурился глаза улыбнулась. За эти дни Маэлен очень изменилась. Из маленького тлеющего уголька она превратилась в пропитанное уверенностью пламя. Это уже была не та Маэлен, которую я знал. Жгучая экспрессия вырвалась на свободу. Томная испанская бестия, знающая, что именно она делает и принимающая то, на что она способна пойти ради нашей общей цели. Во мне был гнев, в ней была страсть, и имя нам было Прайд.

– Есть?

Она кивнула и ловким движением кинула маленький черный кусочек. Не слишком торопясь разжимать кулак, я пытался представить, что именно для моей любимой Мари значит скорость. Глубоко вдохнув, я с трепетом разжал кулак. На раскрывающемся брелоке от автомобиля стояла эмблема автомобильного концерна Форд. Я хмыкнул, возможно, мне повезло. Нужно взглянуть на фотографии, которые сделала Маэлен. Девушка медленно прошла через комнату и, войдя на кухню, положила на мое спальное место фотоаппарат. Не в силах побороть дрожь в руках я поднял технику и начал просматривать фотографии. Это был отлично знакомый мне фиеста седан. Я скривился и несколько раз прошелся рукой по волосам. Не слишком, но достаточно быстро в умелых руках. Как говорил мой инструктор: «самый быстрый – это не тот, кто постоянно давит на педаль газа, а тот, кто редко давит на педаль тормоза». Значит завтра тот самый день, который поставит окончательную точку во всем происходящем. Пока Маэлен приводила себя в порядок, я рассматривал фотографии. То недостроенное здание, которое Маэлен должна была проверить, действительно охранялось, но охрана была скорее для отпугивания разного рода хулиганов. И попав внутрь, она смогла сделать пару кадров. Но судя по фотографиям,

это был всего лишь каркас с одним въездом и этим же выездом. Остальное было, скорее всего, украдено недобросовестными подрядчиками.

– Значит отпадает.

– По поводу машины, она припаркована там, где ты и просил, но с противоположной стороны, а это значит еще минимум пятнадцать секунд к общему времени. И минимум полночи, чтобы продумать, где необходимо будет развернуться, чтобы не отходить от основного плана.

Этой ночью мы в кофе не нуждались. Маэлен несколько раз повторила все мои наставления. Это были последние часы, которые она проведет в этой квартире. Изредка она отвлекалась, вдаваясь в некоторые связывающие ее воспоминания, затем мы неизменно возвращались к нашему плану. По моим расчетам и тем билетам, которые она взяла, то к двенадцати часам следующего дня она покинет округ Рио де Жанейро и скорее всего больше никогда не вернется в этот город. Я же подготавливал себя к тому, чему казалось, готовился всю мою жизнь. Мое увлечение автомобилями сейчас как нельзя лучше соответствовало данной ситуации. Несмотря на то, что мы были постоянно заняты, время тянулось чрезвычайно долго. Минута за минутой стрелка настенных часов отсчитывала время до того самого момента когда мне придется выйти из этого убежища. К семи часам утра Маэлен была уже полностью собрана. Все ее вещи, которые она забирала с собой, умещались в небольшой рюкзачок: документы, несколько необходимых вещей, оставшиеся деньги и пара фотографий. Все самое нужное, больше ничего не требовалось. Посмотрев друг другу в глаза, мы обнялись. Слова были лишними. Чуть отстранившись, я повернул голову в сторону безразличных к времени часов и чуть кивнул головой. Маэлен вышла за дверь.

Оставшись в одиночестве, я тяжело опустился на пол. Сейчас, как никогда, мне следовало соблюдать осторожность. Совершенно не хотелось по какой-либо глупости сорвать столь тщательную подготовку.

До первого шага оставалось несколько часов, и я решил провести их максимально отстранено от всего, что связывало меня с будущими событиями.

Взяв в руки старый газетный выпуск, я просто начал водить пальцем по чуть шероховатой и в тоже время мягкой бумаге. Мой успех долгие годы выражался на точно таких же листах. Иногда ложь подавалась как необходимая людям правда. Иногда честность, с которой мне хотелось передать то или иное событие,

подвергалась осуждению со стороны, отдающего предпочтение сказке, общества. Но вне зависимости от того что я писал и о ком я это писал, я преследовал интерес только одного человека. Интерес Стефана Майерса, великого заклинателя бесконечных верениц черного вымысла. В любом случае чернила выступают безмолвным судьей того, кто когда-либо рискнет нанести их на лишенный порока лист. Журналист, конвертирующий придуманные буквы в хрустящие доллары. Фотограф, чье мастерство к запечатлению того, на что хотят смотреть, а не того, что необходимо показывать, вызывает зависть у менее удачливых или более совестливых коллег. И по собственной вине оказавшись в одной из подобных моим сюжетам ситуации, я невольно становлюсь героем собственной статьи.

Хмыкнув, я потянулся и лег. Через минуту встал, и едва приподняв планку жалюзи, посмотрел на улицу. Все такое же солнце, идущие по своим делам люди. Ничего не меняется, но в тоже время все изменилось. Сегодня не похоже на вчера, а вчера никогда не будет похоже на завтра, потому что именно сегодня мы становимся теми, кем будем завтра. Мой новый комплект одежды как нельзя лучше подходил для побега. Легкие синие кеды, джинсы, ветровка с кепкой. Взглянув на единойды примеренный до этого наряд, я начал одеваться. Как будто специально мои ноги не хотели попадать в штанины, а руки застегивать блестящую змейку ветровки. Покрепче завязав шнурки, от которых могла в прямом смысле зависеть моя жизнь, в последний раз просмотрел сделанные снимки на фотоаппарате и на минуту застыл над разложенной картой. Затем вытащил память из камеры, и недолго думая, сломал. Раздался едва заметный хруст пластика. Сложил досконально изученную карту и несколькими быстрыми движениями порвал. Оставалось последнее. Нужно было подойти и открыть дверь.

Еще не переступив порог, мне начало казаться, что все смотрят на окна квартиры, а под парадной дверью поджидают несколько сильных и быстрых парней. У меня остался мобильный телефон, из которого я тоже вытащил и уничтожил сим карту. Сегодня у него была самая важная задача. Он будет считать секунды. Включив секундомер, я быстрыми и как, по моему мнению, слишком громкими шагами пересек комнату и распахнул дверь. Она легко поддалась и через двадцать шагов, я оказался на улице. После недели в замкнутом пространстве мне показалось, что на улице чересчур ярко и шумно. Не обращая внимания на отвлекающие меня факторы и стараясь не сильно спешить, я направился к ближайшему переулку. Поворот налево, двадцать шагов, войти в небольшую арку, спустится на нижний этаж. Прямо, прямо не

останавливаясь. Войти в дом с красным флагом на первом этаже. Свернуть и двигаться вдоль облупившейся краски. Не обращать внимания на людей. Меня никто не видит. Помнить правило: сзади крик - это не обязательно погоня. Сзади много крика - бежать. Следующие триста метров извилистых переулков, крутых лестниц и неожиданно выросших, как будто из под земли, вооруженных людей, пролетели словно в тумане. Я постоянно, словно мантру, повторял маршрут. Осознание того, что один единственный упущенный нюанс и я никогда не выберусь из этого места, заставляли организм не обращать внимания на усталость тела. Главное память. Маэлен, действительно не потеряла времени даром. Она выбрала путь со знанием дела. Временами до меня доносились обрывки ругательств на моем родном языке. Это означало, что они в очередной раз упустили меня из виду. Остались последние сорок метров. Вид проезжающих машин и яркий свет свободы. Еще немного прямо. Если в прошлый раз я бежал гонимый страхом, то сейчас с определенной целью. Рывок! Казалось, что моя обувь готова разлететься от моего напора, но я, не сбавляя темпа, продолжал бежать. Не теряя времени, нащупал в переднем кармане джинсов брелок. Это была моя единственная, по-настоящему ценная вещь, и за нее я готов был драться. От оживленной проезжей части меня отделяли несколько метров, как вдруг, прямо передо мной появился огромный темнокожий мужчина. По всей видимости, он рассчитывал, что увидев его руки, я заторможу. В них он держал большой черный пистолет. Но я не остановился и через секунду двести двадцать целеустремленных фунтов чистой ярости, со всей силы врезались в, не успевшего подготовиться к столкновению, человека. Мы вместе упали и покатались. К моему ужасу брелок вылетел из моей руки и выкатился практически на проезжую часть. Я попытался подняться, но почувствовал как мою ногу, словно литая приковала жесткая хватка, лежащего на земле противника. Оглянувшись, я взревел и чуть приподнявшись, извернулся, и словно одержимый, обрушился на моего обидчика целым градом ударов. Хватка ослабла, и я смог выдернуть свою ногу. Не оборачиваясь, в несколько шагов преодолел отделяющее от брелока расстояние. Подумав, что на оживленной улице никто стрелять не решится, я вытянул одну руку в сторону движения и из-за всех сил побежал через дорогу. Не столько опасаясь что меня могут сбить сигналившие и экстренно тормозящие автомобили как то, что я попросту могу не найти свой транспорт.

Голубая Фиеста, голубая, словно заговор я произносил это слово. Если бы меня кто-то спросил, какой цвет я ненавижу больше всего, то это был бы именно голубой.

И в тоже время я высматривал в длинной, разноцветной цепи припаркованных автомобилей именно этот проклятый цвет. Вот, несколько метров вперед и вот он. Нажав на кнопку мультилока, и как по волшебству, Фиеста дважды мигнула габаритами. С открытым ртом и привкусом крови я подбежал к автомобилю и дернул дверь. Секунда и вот он мягкое сиденье тканевого салона. Казалось, сердце готово было выскочить из груди. Моя рука судорожно пыталась попасть ключом в замок зажигания. Получилось! Синхронно выжав сцепление, я одной рукой выкрутил максимально руль, а второй включил первую передачу. Чуть дольше обычного придержав сцепление, максимально вдавил в пол педаль газа. Раздался свист проскальзывающей резины и вместе с ним два громких хлопка, боковое пассажирское стекло рассыпалось крупной квадратной крошкой. Но было поздно, автомобиль устремился в поток. Я улыбался словно нашкодивший ребенок, которому удалось обмануть родителей и тем самым избежать наказания. Я буквально извивался на водительском месте, повторяя все повороты авто. Включая передачу, я неизменно подергивался туловищем вперед, как будто собственной энергией заставляя автомобиль гневно рычать, и прорываться сквозь плотное движение Рио. Впереди движение было затруднено. Автомобильная пробка совершенно не входила в мои планы и, решив немного отойти от намеченного маршрута, я начал постепенно забирать к разделителю. Добравшись до крайней левой полосы, резко вывернул руль, добавив при этом газ. Учитывая, что автомобиль был небольших габаритов, и имел передние ведущие колеса, совершить данный маневр было достаточно просто. Посмотрев в зеркало заднего вида, я понял, что не доставил никому особого неудобства. Нужно было как можно быстрее проскочить тот самый угол, на котором меня все еще могли караулить вооруженные люди. Я прибавил газ и начал неспешно набирать скорость. Всегда помня правило, что для более комфортной езды лучше придерживаться скорости, которая на десять процентов будет выше, чем у основного потока, я остановился на отметке в пятьдесят миль в час, издали выбрав траекторию, по которой смогу пройти максимально безопасно около того поворота, на котором возникла перестрелка. Не сбавляя газ, проехал его. Как в принципе и предполагал, никого там не увидел. Снизив скорость, я начал вспоминать маршрут вместе со всеми теми фотографиями, которые ежедневно показывала мне Маэлен. Взглянув на количество топлива в бензобаке улыбнулся. Он был полным. Мари со всей присущей ей заботой отнеслась к моей просьбе. На таком количестве бензина я мог кружить по Рио несколько часов, совершенно не задумываясь о заправке. Медленно свернув на

нужную мне улицу, я через сотню другую метров остановился на красный свет светофора. Посмотрев в зеркало заднего вида, и в течение десятка секунд не заметив никакого, напрягающего глаз движения, позволил себе на секунду расслабиться на мягком сидении. Но когда свет светофора уже был готов изменить свой цвет, заставляя водителей собраться и подготовиться к движению, напротив меня возникла матовая БМВ. Насторожившись, я попытался рассмотреть водителя. Но сквозь довольно сильно затемненное переднее стекло это было попросту невозможно. Мне нужно было прямо, но в этом случае более тяжелая машина могла преградить путь или вообще срезать непосредственно в мой бок. Я решил сделать хитрее. Когда все впереди меня стоящие машины начали движение, я остался стоять на месте. БМВ тоже не двинулась с места. Все встало на свои места. Осталось только придумать, как поступить, чтобы ее мощь и вес превратить в собственное превосходство. Тем временем нетерпеливые, стоящие позади меня водители начали, не переставая сигналить, меня объезжать. Взглянув в зеркало заднего вида, увидел небольшой микроавтобус. Именно его я и решил использовать в качестве прикрытия. Включив габариты, я дождался пока этот громоздкий, неповоротливый великан не окажется в нескольких метрах впереди меня, тем самым полностью закроет обзор БМВ, нажал на газ. Надо отдать фieste должное. Со всей скрытой в относительно малолитражном двигателе силой она рванула вперед. Началась погоня. Я был словно маневренная канарейка, преследуемая сильным, но недостаточно ловким коршуном. Стараясь хоть немного придерживаться необходимого мне маршрута, я то и дело выскакивал на бордюры, при этом пугая и едва не сбивая отскакивающих прохожих. Несколько раз пересекал разделительную полосу и старался не выезжать на большие более свободные магистрали. Несколько раз мою голову прижимало к подголовнику, а затем с силой бросало на руль. Водитель матового монстра любым способом пытался заставить меня сойти с дистанции, и когда ему удавалось максимально сблизиться, шел на таран. Мимолетный взгляд на приборную панель заставил усомниться в правильности выбранной тактики. Температура довольно быстро росла. А на слух откуда-то сзади доносились не слишком приятные звуки. По памяти, я примерно знал, где нахожусь, но по времени я недопустимо торопился. Это был как раз один из тех моментов, когда спешка начинала ломать все карты. Мне нужно было продержаться еще десять минут. По мнению многих, частые быстрые погони с прыжками и толканием корпуса могут длиться довольно долго и без особого ущерба, как для автомобилей, так и для людей. Но в действительности каждая секунда на

неподготовленном для этого, работающем на все сто десять процентов автомобиле, могла оказаться последней. И я не сомневался, что в скором времени к моему одинокому преследователю присоединится если не помощь из фавел, то однозначно полиция. Что, насколько я понимал, было одно и то же. Заметив впереди стоящие на светофоре автомобиле понял, что это именно тот шанс, который терять было нельзя. Не сбавляя газ, я устремился прямо в их гущу. Через несколько секунд раздался громкий скрежет. Фиеста хоть и резко снизила скорость, но все же продолжала движение. Ценой этой авантюры были ободранные борта и отсутствие двух боковых зеркал. Не переставая давить на газ, я направился на ключевую точку моего маршрута, которая должна была если не спасти меня, то точно расставить все на свои места. Как я и ожидал, через секунд двадцать, преследователь, успевший заручится поддержкой не менее шустрого друга, начал меня догонять. Впереди был самый тяжелый участок. Прямая широкая улица позволяла не только догнать, но и сделать со мной все что угодно. Пытаясь набрать максимально возможную скорость, я буквально забыл о существовании тормоза. Судя по тремору в рулевой колонке, машине совершенно не понравились мои действия. Я с трудом мог справиться с дорогой, обгоняя попутные автомобили. При незначительном толчке со стороны я бы стал просто очередным плохо закончившим водителем в свежем выпуске новостей.

Я нарушил первое нерушимое правило автомобилиста и обернулся, пытаюсь оценить обстановку. Увиденное, заставило резко и испуганно вдохнуть. На огромной скорости матовая БМВ была буквально в трех секундах от меня и уже была готова нанести удар. Я повернулся и внутренне весь сжался, готовясь к неминуемой аварии, а в моем случае катастрофе. Но сокрушительного удара не последовало. Только краем глаза я заметил переворачивающийся матовый автомобиль. Я выдохнул и улыбнулся. Черный блестящий ТАХО закрыл своим корпусом мой тыл. Через секунду, издав поистине королевский рык, сделал рывок и оказался рядом со мной. Тонированное окно приоткрылось таким образом, что я все еще не видел, кто именно находится в джипе. Высунулась рука и жестом показала следовать за ним. Еще раз зарывчав, он оказался прямо передо мной, а в отражении боковых автомобилей отражались проблесковые маячки хоть и от части, но все же вставшего на мою сторону Закона.

наблюдая как постепенно к огражденному кованым, высоким забором зданию стекаются люди, вооруженные камерами, микрофонами и жадной сенсацией, я подумал, что не случись это именно со мной, то вероятнее всего, я был бы одним из них, страстных любителей чужих историй.

Усмехнувшись, я нежно прикоснулся к губам стоящей рядом Мари.

–Я выйду всего на минуту и после этого мы будем свободны.

С момента нашей встречи Мари хранила напряженное молчание.

–Стефан.

Я обернулся.

–Смотри снова не исчезни, а то мне начинает казаться, что ты меня избегаешь.

Я развел руки в стороны. А она наконец-то рассмеялась тем самым, ласковым и в тоже время задорным смехом. Приблизившись к ограждению, я сразу попал под целый шквал вспышек. Сохраняя молчание, и не сгибая спины, я внимательно скользил глазами то по одному, то по другому ловцу событий. Я махнул рукой, призывая к молчанию. Наконец воцарилась долгожданная тишина. Я начал:

« Добрый день. Я, Стефан Майерс, человек у которого есть своя, личная история. История, которая меняет.

Я понимаю, что первый вопрос, который вас интересует - это «Что случилось?» и «Кто виновен в смерти Марка Уотенберга?». Я заявляю, что я не убивал. Думаю, что полиции еще предстоит разобраться в этом вопросе. Кто виновен в случившемся? - Я виновен.

Словно сорвавшиеся с цепи собаки, фотовспышками отреагировали на нужную фразу. Подождав пока они успокоятся, я продолжил: «Но и Вы виноваты не меньше меня». Пресекая шепот недоумения, я продолжил. «Каждый из нас не только несет в этот Мир что-либо свое, но и потом живет с тем, что он принес.

Хотите ли Вы, чтобы то будущее, которое мы строим, осталось таким, о котором потом будет стыдно писать? Таким, в котором не будет места чему-то более глубокому, чем карманы обеспеченных людей и красивее, чем новая машина или вилла?

Вы все боитесь неодобрения со стороны руководства. Ведь каждому двору нужны послушные гонимые. А если даже Ваше мнение по поводу этого интервью вдруг не совпадет с мнением того издательства на которое Вы работаете, то всегда можно написать. «Мнение редакции может не совпадать с мнением автора данной статьи»

Так что не бойтесь, записывайте все, что я говорю. Мне не хочется скрывать причину своего приезда в Бразилию. Я приехал в эту прекрасную, не лишенную как проблем, так и чувства юмора страну, только для того, чтобы сделать самый важный шаг в своей жизни. И я его сделал к человеку, рядом с которым весь наш Мир покажется не больше чем пятикопеечная монета, подброшенная и попросту обязанная упасть на тот самый беспроигрышный реверс. А то, что мой друг погиб, это просто роковое стечение обстоятельств. Не стоит забывать, что друзья, как и враги, водятся в объединяющих всех нас водах судьбы, и всего лишь случай, как осколок острого стекла может порезать то или иное событие. А мы, в спешке, охваченные страстью к собственным желаниям, можем не заметить, что пытаемся связать совершенно не те нити. Я не был исключением. И поддавшись чему-то большему, чем смог вынести, проиграл. Сегодня система превратилась в «монстра», который поглощает нашу с Вами судьбу, и не оставляет возможности выбора. Мне волей случая удалось побывать в одной из фавел и посмотреть на то, что происходит внутри царства бедных. А ведь ничего. Люди живут, дышат, радуются, танцуют и совершенно не думают о том, что будет завтра. Так как будущее придумано только для того, чтобы вы вкладывали в него свои сбережения.

Система пытается показать, что она это и есть будущее, но я позволю себе с ней не согласиться. Миф - это точно такая же реальность, но только для того кто в него верит. Помните, что душа - это тот самый неучтенный нюанс, который есть в каждом из нас и если бы не он, то я несколькими часами ранее не смог бы заставить себя открыть дверь. Я сделал это без знания, что у меня все получится, но с верой в людей, и не прогадал. Спасибо».

P.S. Два непохожих друг на друга черных автомобиля, как и два совершенно разных человека, стояли напротив друг друга.

– Ричард, я Вас поздравляю. Вы блестяще разыграли эту партию. Я все же не прогадал. У нас с Вами есть нечто объединяющее.

– И что же это?

Аруто выпустил струйку сигарного дыма и дважды сухо кашлянул:

– Наша доска! Она ведь бесконечна. Мне пора расставлять следующие фигуры.

- Сев в автомобиль, он открыл окно и хитро прищурившись, повторил свои же слова. -

И не забывайте, что в реальности существует только борьба добра со злом, остальное всего лишь иллюзия. До свиданья.